

Сергей Ченнык

Крымская кампания (1854–1856 гг.) Восточной войны (1853–1856 гг.)

Часть I

ВТОРЖЕНИЕ

Сергей Ченнык

**Вторжение. Часть 1. Крымская
кампания 1854–1856 гг.
Восточной войны 1853–1856 гг.
Военно-исторический очерк**

«ЛитРес: Самиздат»

2010

Ченнык С. В.

Вторжение. Часть 1. Крымская кампания 1854–1856 гг.
Восточной войны 1853–1856 гг. Военно-исторический очерк /
С. В. Ченнык — «ЛитРес: Самиздат», 2010

ISBN 978-5-5321-2597-1

«Вторжение» — первая из серии книг, посвященных Крымской кампании (1854–1856 гг.) Восточной войны (1853–1856 гг.). Это работа крымского военного историка Сергея Ченныка, чье творчество стало известно благодаря аналитическим публикациям на тему Крымской войны. Язык книги легкий.

Динамика развития ситуации, отсутствие сложных терминов, дотошность автора – несомненные плюсы книги. Работа убедительна авторским профессионализмом и количеством мелких деталей, выдернутых из той эпохи. Несомненно, что эта книга привлечет внимание всех, кому интересна история, кто неравнодушен к сохранению исторической памяти Отечества.

ISBN 978-5-5321-2597-1

© Ченнык С. В., 2010
© ЛитРес: Самиздат, 2010

Содержание

Надеюсь, что это будет интересно читателю (от автора)	6
Историография	17
О чём пишут	18
Как пишут	20
Библиография	25
Крымская война в военной истории	40
Прелюдия к битве: переход в Крым, подготовка и высадка десанта	53
Где высаживаться, или Несколько слов о главном	54
Руководящие исполнители	62
Цель – Севастополь	73
Все дороги ведут в Крым	74
Состав объединенной эскадры Англии и Франции:	76
Конец ознакомительного фрагмента.	79

ВТОРЖЕНИЕ

Надеюсь, что это будет интересно читателю (от автора)

«Единственное, что можно сказать о войне с уверенностью, – это то, что с уверенностью о ней ничего сказать нельзя».

Уинстон Черчилль

Перед тем, как рассказать Вам, читатели, историю одного из самых драматичных событий русской военной истории, последствия которого мы ощущаем даже сейчас, давайте попытаемся немного отойти от главной темы. К ней мы еще успеем вернуться. Для начала несколько слов о том, что вообще заставило меня обратить на нее внимание.

Причин несколько. Прежде всего профессиональное любопытство. Я по образованию и по призванию военный. Офицер в нескольких поколениях. Из тех, кто служил, служит и служить своему Отечеству будет. Тех, кому до сих пор «за Державу обидно». Волею судьбы и по моему личному желанию многие годы я занимался тем, что для нормального человека, по крайней мере таковым себя считающего, является противоестественным: сначала учился сам, потом учил других решать задачи по истреблению себе подобных, притом желательно самым рациональным образом. Именно за это мне платила деньги та великая страна, к счастью или сожалению, но уже давно исчезнувшая с политической карты мира. Наверное, это у меня получилось неплохо, ибо офицерская карьера сложилась вполне достойно.

История войн была неотъемлемой составляющей служебной деятельности, а после оставления службы превратилась в страсть, разродившуюся, в конце концов, изданием военно-исторического журнала «Military Крым».* [*«Military Крым» – военно-исторический журнал, издается в Автономной Республике Крым с 2005 г.] Естественно, что на волне всеобщего внезапно возникшего увлечения Крымской войной, инициированного ее прошедшим 150-летием, я не мог остаться в стороне. Слишком много наболело и слишком многое хотелось сказать.

Но это только одна сторона проблемы, возвышенно-эмоциональная, так сказать. Другая гораздо серьезнее, потому что она реальна. Разгоревшиеся в последнее время военные конфликты разной степени интенсивности на Кавказе и в других регионах южной Европы демонстрируют, что история в соответствии с законами развития общества сделала свой очередной виток, и события этой, казалось, уже полностью забытой войны вновь становятся актуальными. Естественно, на новом, более высоком уровне.

В результате мой скромный труд увидел свет. Это второе издание книги. Оно существенно отличается от первого, успех которого подвигнул на дальнейшее исследование как Альминского сражения, в частности, так и Крымской войны вообще. Я очень благодарен читателям. Благодаря им удалось получить новые источники, дополнившие, уточнившие и скорректировавшие детали, исправившие ошибки. Очень важно, что подавляющее большинство (а среди них много серьезных имен, известных своими монументальными исследованиями в области отечественной и зарубежной военной истории) почти безоговорочно приняло мои версии действительных причин поражения русской армии в этом сражении. Хотя моя версия диаметрально противоположна тем, которые в изобилии предлагались нам до сих пор официально.

Надеюсь, что получилось более удачно и информативно проиллюстрировать книгу. Хронологические рамки исследования (весна 1854 г. – 9 сентября 1854 г.) выбраны не случайно. Именно высадкой союзников в Крыму и переносом военных действий на сушу определился масштаб кампании в Крыму. Сражение определило лишь дальнейшую стратегию кампании – переход от сокрушения к измору. Чтобы показать это, пришлось расширить исследуемый период, добавив действия князя А.С. Меншикова, произведенные им после отхода русской армии с альминской позиции. Это сделано с перспективой развития работы на последующий

этап кампании. В мои, не скрою, амбициозные планы входит дальнейшее описание Крымской кампании (1854–1856 гг.) Восточной войны (1853–1856 гг.).

Это не займет много времени, но поможет читателю, для которого пока, может быть, мало понятны события, происходившие в Крыму ранней осенью 1854 г., лучше понять их смысл и последствия. Попытаемся вести его за собой, объяснять простым языком сложные вещи.

Крымскую (Восточную) войну 1853–1856 гг. историки и история не обделили вниманием. Тут на лицо полный набор: научные исследования, мемуарная литература, беллетристика, поэтические произведения, картины и даже несколько разной степени удачности кинолент. И все же внимание это довольно специфическое. Очевидно, такова судьба любой прошлой войны вне зависимости от ее результатов. Проигравшие ищут в ней все для того, чтобы, оправдывая свои поражения, превратить их в победы, компенсируя огромным количеством розданных наград и еще большим числом легенд. Это порождает многочисленные мифы, которые так нравятся обывателям. Они их успокаивают, заставляют думать, что что бы ни случилось в стране, кто бы ни посмел напасть на необъятную Родину, всегда найдется парочка героев, которые спасут Отечество от любой напасти.

Увы, время активной мифологии кануло в лету. Это сейчас не проходит. Но бороться с фантазиями тяжело, они так впились в сознание, что их приходится буквально выбивать оттуда. Но нужно. Кому-то нужно делать эту грязную и неблагодарную работу, дабы в будущем не появлялись генералы, тоннами льющие солдатскую кровь. Мне нравится Николло Маккиавелли, но все же не всегда цель оправдывает средства.

Другое дело – победители. У них фантазия еще больше распаленная, чем у побежденных. Каждый торопится занять свое место в рядах соавторов успеха. Они гордятся славой, пожирают лавры, щедро раздают награды и, как правило, в следующей войне расплачиваются за это. Так было, так есть и так, наверное, будет.

У представителей разных стран сложилось свое, совершенно индивидуальное, свойственное только им одним восприятие Крымской войны. Спросим британца о том, с чем ассоциируются у него события кампании на полуострове. Он моментально назовет атаку Легкой бригады* [**Атака Легкой Бригады под Балаклавой – эпизод сражения при Балаклаве 25 октября 1854 г. во время которого из-за неправильно понятого приказа понесла тяжелейшие потери бригада Легкой кавалерии британской армии под командованием лорда Кардигана. Результатом стали не только полная потеря боеспособности бригады, но и грандиозный скандал в английском обществе.*] под Балаклавой, при этом, очень возможно, даже процитирует что-либо из поэмы лорда Альфреда Теннисона,* [**Альфред Теннисон – (англ. Alfred Lord Tennyson, 1809–1892 гг.) английский автор, яркий представитель Викторианской эпохи в поэзии. Работы Теннисона были меланхоличны и отражали моральные и интеллектуальные ценности своего времени, что делало их особенно уязвимыми для более поздней критики. С Крымской войной поэта связывает написанное им стихотворение «Атака Легкой бригады». Отличительной чертой поэта была крайняя степень русофобства.*] вспомнит «Тонкую красную линию»* [**«Тонкая Красная Линия» шотландской пехоты под Кадыкоем – эпизод сражения при Балаклаве 25 октября 1854 г., во время которого пехотинцы 93-го горского полка Эграйл и Сазерленда из Шотландской бригады генерала Колина Кемпбела отразили атаку русской легкой кавалерии генерала Рыжова. С того времени этот совершенно банальный эпизод оброс многочисленными мифами и в современном английском языке стал синонимом последнего рубежа.*] шотландской пехоты под Кадыкоем,* [**Кадыкой (Кадыковка) – предместье г. Балаклавы. Перед Крымской войной его населяли в основном греки, входившие в состав бывшего балаклавского греческого батальона.*] упомянет Балаклаву, Альму, обязательно – Севастополь. Француз, естественно, назовет Севастополь, Малахов курган, ту же Альму. Они у них на слуху: в названиях улиц, площадей и мостов, в стихах популярных поэтов и даже в музыке современных всемирноизвестных исполнителей. Что-то может сказать и итальянец, для которого Крымская война – возвы-

шенный эпизод действительно патриотической борьбы за объединение государства. Наверное, и благодаря в том числе тому, что петушинные перья любимцев нации – итальянских берсальеров* [**Берсальеры (от итал. bersaglio – мишень) – стрелки итальянской пехоты (с 1836 г.), специально натренированные в меткой стрельбе и форсированных маршах; в 20 веке стали основой формирования самокатных и мотоциклетных частей.*] развевались под потоками крымского ветра, Италия сегодня едина.

Другое дело – мы. Невольно начинаешь думать, что прав великий русский язык, который ввел в обиход поговорку «Иваны, родства не помнящие». Кажется, нам непременно нужен очередной катаклизм, чтобы вспомнить уроки предыдущих. По сложившейся традиции – все, что не приносит денег, нам неинтересно. Если у нашего родного отечественного обывателя наивно поинтересоваться, что знает он о Крымской войне, то в лучшем случае из всех его познаний наиболее выдающимися могут оказаться знание имени Даши Севастопольской и сама оборона Севастополя. Только совсем «эрудированные» смогут назвать фамилию адмирала Нахимова. Далеко не все смогут перечислить страны, чьи армии сошлись на полях сражений Крымской войны, не говоря уже, по какому поводу. А в современных условиях местечковых переделов истории – и подавно. Почему?

Крымская война всегда искусственно дистанцировалась от остальных, в которых участвовала или которые вела Российская империя. В том числе таких победоносных, овеянных славой, как Отечественная война 1812 г., и таких сомнительных, как неоднократное усмирение Польши,* [**Имеется в виду подавление русскими войсками восстаний в Польше 1830–1831 гг. и 1863–1864 гг.*] Венгерский поход 1848–1849 гг.,* [**Венгерский поход: название похода российских войск для подавления Венгерской революции 1848–1849 гг. Начат в апреле 1849 г. по просьбе австрийского правительства.*] или таких «интернационально-патриотических», как Русско-турецкая 1877–1878 гг.,* [**Русско-турецкая война 1877–1878 гг. – война между Российской империей и союзными ей балканскими государствами с одной стороны и Турцией – с другой. Была вызвана подъёмом национально-освободительных движений на Балканах. Жестокость, с которой было подавлено апрельское восстание в Болгарии, вызвало симпатию к положению христиан Османской империи в Европе и особенно в России. Попытки мирными средствами улучшить положение христиан были сорваны упорным нежеланием турок идти на уступки Европе – и в апреле 1877 г. Россия объявила Турции войну.*] принеся освобождение от турецкого владычества братскому болгарскому народу. Правда, потом освобожденные болгары из чувства высочайшей любви и благодарности в обеих мировых войнах воевали на стороне противников России. Да и сейчас «братушки» явно не хотят свою любовь к ней демонстрировать. А вот непримиримые враги наши, англичане и французы, в тех же мировых войнах были нашими союзниками, хотя нас не любили никогда и сейчас любить особенно не собираются. Мы же первую мировую войну благодаря нашим бывшим вождям и настоящим правителям вообще умудрились почти вычеркнуть из своей памяти. Но это уже другая история...

Вернемся к нашим проблемам. Первая и главная, как мы уже поняли, – это забвение собственной истории. В нашем Отечестве (и в Украине, и в России) такое явление, похоже, превращается в национальный вид спорта. И любим мы им заниматься до самозабвения. Отсюда безликие, безвкусные и не вызывающие никакого душевного трепета памятники и не менее тоскливые юбилейные мероприятия, проходящие по одной схеме: молебны, венки, банкет. Грустно, господа.

И где уж тут до англичан или французов, если своих героев в тени держали, а прах адмиралов, защищавших Севастополь, как верных слуг царя благодарные соотечественники выкинули из усыпальницы, забыв, видно, что они все же и «отцами солдат» были. Правда, когда совсем припекло, вспомнили и даже ордена их имен учредили.* [**В данном случае речь идет об ордене Нахимова – награде СССР времен Великой Отечественной войны. Учрежден Указом*

Президиума Верховного Совета СССР от 3 марта 1944 г. одновременно с орденом Ушакова для награждения офицеров Военно-Морского флота.]

Вторая – в том, что война эта была отдана на откуп дилетантам от военной истории. Не перевелись они и сегодня. Себя они чаще всего называют экспертами. Для них глубокое погружение в тему не интересно и не нужно. Им достаточно быть на виду. В невероятных количествах мы можем созерцать их лица и слушать пространные умные речи на памятных мероприятиях, особенно если там присутствуют представители власти. Еще они любят быть консультантами разных телевизионных проектов, желательно с большим бюджетом. Им уничижительно нравится лебезить перед иностранными туристами, которые в последнее время все чаще приезжают в Крым посмотреть на места боевой славы своих предков. Странные мы люди: у наших туроператоров я не видел ни одного тура по Европе с темой, например, «Взятие Берлина». Даже стыдно: где мы кому-то поделом надавали, туда боимся поехать, а вот потомков тех, кто у нас, мягко говоря, «пошалил», на руках носим.

Забудем на время об этом племени экспертов. Они нам не интересны. Но вот публикаций о Крымской войне сейчас выходит действительно много. Только о войне ли они? Знакомясь с трудами некоторых современных исследователей (тех самых, позиционирующих себя как эксперты) Крымской войны, узнаешь с удивлением, что война эта была вроде бы и не совсем война. Оказывается, союзники не просто воевали, а вносили свой вклад в развитие культуры и продвигали вперед науку. Фотограф Роджер Фентон* [**Роджер Фентон (Roger Fenton, 1819–1869) – личный фотограф королевы Виктории, первый военный корреспондент. Стал известен благодаря своей серии из 360 работ с Крымской войны. Несправедливо, но Фентона ассоциируют в основном с его крымскими фотографиями. Последние составляют незначительную часть его многообразного творчества и затеяют огромный вклад Фентона в продвижение фотографии как искусства.]* и художник Вильям Симпсон* [**Вильям Симпсон (1823–1899) – английский художник, путешественник и писатель. Во время Крымской войны, будучи достаточно известным, сделал множество интереснейших гравюр, запечатлевших основные события той войны. Фотоальбом литографий Вильяма Симпсона «Театр военных действий на Востоке» впервые увидел свет в Лондоне в 1856 г.]* стоят далеко впереди тех истинных тружеников поля боя, которые непосредственно под пулями выполняли свою грязную и тяжелую работу как в осадных траншеях, так и на бастионах. Однако их имена затмили собой душераздирающую правду войны акварельных рисунков капитана Стрелковой бригады* [**Стрелковая бригада – бригада английской легкой пехоты. Создана в 1800 г. в виде эксперимента на основе 60-го Пехотного полка. Два батальона Стрелковой бригады сражались в Крыму, в том числе на р. Альме. Солдаты и офицеры бригады получили во время Крымской войны 8 Крестов Виктории – больше чем любой другой полк английской армии.]* Генри Клиффорда,* [**Генри Клиффорд (Henry Clifford) – во время Крымской войны капитан английской Стрелковой бригады. Участник сражений на Альме, при Инкермане, штурма Севастополя. Более известен как художник, оставивший альбом акварельных рисунков о Крымской войне. За сражение при Инкермане награжден Крестом Виктории. Впоследствии генерал. Погиб в Южной Африке в войне с бурами в 1900 г.]* бывшего не только своеобразным художником, но и хорошим офицером, получившим за доблесть в сражении при Инкермане высшую военную награду Великобритании – Крест Виктории.* [**Крест Виктории (Victoria Cross (VC) – высшая военная награда Великобритании. Вручается за героизм, проявленный в боевой обстановке. Награда учреждена 29 января 1856 г. Первая церемония награждения состоялась 26 июня 1857 г., всего произведено 1 356 награждений.]* В одной из последних публикаций наиболее известными британскими героями Крымской кампании названы генералы Раглан,* [**Фицрой Джеймс Генри Сомерсет лорд Раглан (Fitzroy James Henry Somerset, 1st Baron Raglan) (1788–1855 гг.) – британский фельдмаршал, главнокомандующий английскими войсками в Крыму.]* Кардиган,* [**Лорд Кардиган – генерал-майор Джеймса Томас Брю-*

денелл (*James Thomas Brudenell 1797–1868 гг.*) граф Кардиган (лорд Кардиган). Командир Легкой бригады английской кавалерии в Крыму.] Лукан* [**Лорд Лукан – генерал-лейтенант Джордж Чарльз Бингхэм. В Крыму командир кавалерийской дивизии британской Восточной армии, состоявшей из Тяжелой и Легкой бригад.*] (ну эти с трудом еще в какие-то ворота пролезают) и... журналист Рассел,* [**Уильям Рассел (1820–1907 гг.) – английский журналист. Получил задание от лондонской «Таймс» сопровождать Британскую армию в Крымской кампании 1854 г. За это время четкие и точные репортажи Рассела снискали ему славу самого известного военного репортера Викторианской эпохи. Его критика командной системы в армии, негодного обмундирования и плохого провианта привела к радикальным реформам.*] поэт Теннисон,* [**Альфред Теннисон (Alfred Lord Tennyson, 1809–1892 гг.) – знаменитый английский поэт. Автор стихотворения «Атака легкой бригады».*] сестра милосердия Найтингейл.* [**Найтингейл, Флоренс (Nightingale, Florence) (1820–1910 гг.) – сестра милосердия и общественный деятель Великобритании.*] Вот так – куда там Кемпбелу,* [**Колин Кемпбел (1792–1863) – Лорд Клейд. Британский фельдмаршал. В Крыму – бригадный генерал. Командир Шотландской бригады. В сражении на реке Альме пехотинцы Кемпбела сумели отбить у русских господствующие над полем битвы высоты и закрепиться на них. Английские историки называют генерал-фельдмаршала Колина Кемпбела одним из выдающихся полководцев своей страны, считая, что именно он создал ядро английской армии будущего, став выдвигать офицеров на вышестоящие должности не по происхождению, а исходя из личных способностей и заслуг.*] Брауну,* [**Генерал-лейтенант Джордж Браун – в Крыму командир Легкой дивизии.*] Кодрингтону* [**Кодрингтон Вильям Джон – британский генерал (1804–1884 гг.). В Крыму командовал бригадой в сражениях на Альме и при Инкермане. В 1855 г. неудачно атаковал Редан (3-й бастион). Сменил генерала Симпсона на должности главнокомандующего английской армией в Крыму. Генерал-лейтенант. Назначение вызвало в Англии протесты, однако наступившее вслед за этим прекращение военных действий оставило вопрос о боевых дарованиях Кодрингтона открытым. В 1859–1865 гг. – губернатор Гибралтара.*] или Симпсону.* [**Генерал Джеймс Симпсон – после смерти лорда Раглана главнокомандующий английской армией в Крыму. В свою очередь, был смещен с этой должности за нерешительность.*] Троица военных неудачников в компании с гражданскими товарищами, один из которых вообще в Крыму не был. Началось! И не только у победителей. Еще в 1875 г. российские исследователи предупредили, что в печати в отношении Крымской войны и ее героев развилось приписывание заслуг «...лицам, совершенно в этом неповинным».

Хотя отечественная историография отводила Крымской войне определенное место, традиция детального изучения ее так и не сложилась. Данное обстоятельство было обусловлено отсутствием систематизации трудов по проблеме, спорностью итогов кампании, длительной закрытостью темы. В России традиционно не любили говорить о поражениях, потому что они часто приводили страну к революциям. Кстати, Крымская война не исключение. Отмена крепостного строя едва ли не подходит под понятие революция.* [**19 февраля 1861 г. Александр II подписал Манифест об отмене крепостного права. Этот акт открыл новую эпоху в истории страны, знаменующую «собой начало новой, буржуазной России, вырвавшейся из крепостнической эпохи» (Ленин В.И., Соч., т. 17, с. 96).*]

В середине 80-х годов прошлого столетия ситуация несколько улучшилась. Начиная с этого времени опубликовано большое количество новых работ о Крымской войне, интересных, но не всегда достоверных, часто просто патристических (прошу прощения у читателя, что часто использую это слово, но не получается иначе). Будем снисходительны и благодарны этим авторам – они дали толчок развитию изучения проблемы. В то же время исследований, детально освещающих события Крымской войны, особенно ее военные аспекты, к сожалению, очень мало. И уж совсем мизерное число их имеет отношение к истории войн и военного искусства. Это в конечном итоге формирует сложившееся представление о событиях. Вино-

ваты здесь и советские историки, поднявшие до ранга героев всех ее участников, и современные исследователи, поспешившие в духе времени искать только негативное, а большинство персоналий (как правило, соотечественников) огульно обвинить в полной профессиональной непригодности, да еще и с густым налетом «желтых» фактов. Есть совсем уж грустные. Как можно говорить об интересе к этой войне у подрастающего поколения, если в «Краткой истории Англии» – справочнике для школьников, изданном в Минске в 2003 г., Крымская война вообще не упоминается.* [**Краткая история Англии, Справочник для школьников, Минск, 2003 г.*]

А теперь прекратим эмоции. Давайте договоримся: при чтении этой книги сведем их к минимуму. Если труд вызовет споры, то пусть в них родится истина, а не инфаркт. Правая или неправая была эта война – рассматривать и оценивать этот вопрос прерогатива политиков, как и их право начинать и заканчивать войны. Так устроен мир. В любом случае за все приходится расплачиваться солдатам, и именно их мужество надолго остается в памяти потомков и традициях армий.

Да и не все так окончательно плохо. Будем справедливы: сегодня память о событиях Крымской войны начинает постепенно восстанавливаться не только в Англии, всегда ревниво относившейся к своей истории, но и в нашем Отечестве. О Восточной войне стали вспоминать политики, чаще всего наиболее дальновидные. Они правы. В мировой геополитике эта кампания занимает гораздо более значимое место, нежели отводимое ей нашими современниками. Тем же, кто пытается игнорировать прошлое, нужно помнить, что в истории ничто не проходит бесследно, «горячие точки», породившие Крымскую войну и возникшие в ее ходе – «...Иерусалим, Балканы, Чечня и Крым часто появляются в газетных заголовках и спустя 150 лет». * [**Paul Kerr, The Crimean War, London, 2000, p.7.*] Противостояние империй на юге Европы не закончено до настоящего времени.* [**Международные отношения на Балканах 1856–1878. М., 1986 г, с. 410.*] Конца ему в ближайшие десятилетия не предвидится. Современные не только отечественные, но и иностранные исследователи, историки, политологи, военные часто напрямую связывают события сегодняшнего дня и последствия Крымской войны.* [**Anton Zabkar, The Drama in Former Yugoslavia: The Beginning of the End Or the End of the Beginning? DIANE Publishing, 1995, p.100.*] И вот снова, теперь уже в XXI веке в новостном блоке звучит, как 150 лет назад: «...Несомненно, Россия стремится сохранить Севастополь как пункт базирования ЧФ. Не только потому, что две базы лучше одной. Севастополь – лучшая из любых возможных баз на Черном море. В 1854 году, незадолго до Крымской войны, обозреватель лондонской «Таймс» и вовсе писал о Севастопольской бухте как о единственной, по-настоящему удобной по физико-географическим условиям военно-морской базе, которой располагает Россия».* [**<http://www.vz.rul/society/2009/7/14/307233.html>*]

Когда начинаешь думать о Крымской войне, невольно вспоминаешь удивление одного британского офицера, писавшего о ней в 1916 г. в разгар Первой мировой войны.

«Странно подумать, что немногим более шестидесяти лет назад четыре нации, которые являются теперь союзниками, сражались между собой из-за вопроса, который касался свободы одного из наших нынешних противников – Турции. Тогда казалось, что Крымская война окончательно решит судьбу будущего Европы, но теперь ясно, что это лишь страница в вечно не решенном восточном вопросе...».* [**Kingsford, Charles Lethbridge The story of the Duke of Cambridge's own (Middlesex regiment) London 1916, p.110.*]

Действительно, британские войска единственный раз после победы при Ватерлоо в 1815 г. и вплоть до 1914 г. приняли участие в войне с великой европейской державой, что стало важной страницей в истории вооруженных сил Великобритании.

Итак, теперь я постараюсь ответить на логичный вопрос: почему я взялся за эту тему, если все так плохо? Наверное, по этой причине и взялся. К сожалению, историки чаще увлекаются статистикой, и поэтому я решил взглянуть на Крымскую войну с точки зрения воен-

ного. Я не покушаюсь на славу генералов Богдановича,* [*Богданович Модест Иванович (1805–1882 гг.) – генерал-лейтенант, военный писатель. Воспитание получил в Дворянском полку. В 1831 г. участвовал в сражениях под Вавром, Гроховым, Дембе-Вельке и Рагозиным. В последнем был контужен, остался на поле сражения, был взят поляками и находился в плену до 27 августа 1831 г. Пройдя курс в военной академии, занял в ней кафедру военной истории и стратегии. Оставил после себя множество военно-исторических и исторических трудов, из которых наиболее известны «История Отечественной войны 1812 г.», «История войны 1813 г. за независимость Германии», «История войны 1814 г.», «История царствования императора Александра I и Россия в его время»; «Восточная война 1853–1856 годов» и «Исторический очерк деятельности военного управления в первое 25-летие царствования императора Александра II».] Зайончковского* [*Зайончковский Андрей Медардович (1862–1926 гг.), русский воен. историк, генерал от инфантерии (1917 г.). Окончил Николаевское инженерное училище (1883 г.), Академию Генштаба (1888 г.). Во время русско-японской войны 1904–1905 гг. командовал пехотным полком и бригадой, во время I-й мировой войны – пехотной дивизией, корпусом и Добруджинской армией. С мая 1917 г. – в отставке. В 1919 году вступил в Красную Армию, служил во Всеросглавштабе. С авг. 1919 г. по март 1920 г. был начальником штаба 13-й армии, сражавшейся с денкинскими войсками в составе Южного и Юго-Западного фронтов, затем состоял при начальнике Полевого штаба РВС Республики. Был председателем Военно-исторической комиссии и руководителем работ по обобщению опыта I-й мировой войны. В 1922–1926 гг. – профессор Военной академии РККА. Автор фундаментальных трудов по истории Крымской (1853–1856 гг.) и I-й мировой войн.] и Свечина.* [*Свечин Александр Андреевич (1878–1938 гг.) – русский и советский военачальник, выдающийся военный публицист, педагог и теоретик, автор классического труда «Стратегия», комдив. Родился в семье генерала русской армии (старший брат Михаил (1876–1969 гг.) – кавалерийский офицер, генерал-майор, участник русско-японской, Первой мировой и гражданской войн, белоэмигрант). Учился в Петербургском кадетском корпусе, затем в Михайловском артиллерийском. С 1899 г. публикуется в прессе. Окончил Николаевскую Академию генерального штаба в 1903 г. Участник русско-японской и первой мировой войны. С марта 1918 г. перешел на сторону большевиков. Был назначен военным руководителем Смоленского района Западной завесы, затем – начальник Всероссийского главного штаба. Председатель Реввоенсовета республики Троцкий назначил его преподавателем Академии Генерального штаба РККА. Затем главный руководитель военных академий РККА по истории военного искусства и по стратегии. Арестован в 1937 г. Расстрелян 29 июля 1938 г. Реабилитирован 8 сентября 1956 г.] У меня нет желания стать вторым Тарле.* [*Евгений Викторович Тарле (1874–1955 гг.) – русский советский историк, академик АН СССР, автор энциклопедического труда «Крымская война». Был почетным доктором университетов в Брно, Праге, Осло, Алжире, Сорбонне, членом-корреспондентом Британской академии для поощрения исторических, философских и филологических наук, действительным членом Норвежской академии наук и Филадельфийской академии политических и социальных наук. Историк с мировым именем (десятки его работ переведены на иностранные языки). Тарле был крупным стилистом и литературоведом.] Я не сумею затмить Ниеля или Буа-Вильомеза. Но и быть слепым потребителем заранее и давно утвержденных трактовок тоже не хочу. И никому не желаю.

Время многое изменило – и настал час написать то, что они не могли сделать по разным причинам. В том числе и по политическим. Избежать ошибок невозможно, и, наверно, мне также не удастся сделать это на 100%, но нужно говорить в Крымской войне именно как о войне, а не заниматься изучением ее второстепенных аспектов, романтизируя действительность и упорно продолжая игнорировать в действительности происходившее на полях сражений. С расплодившимися в последнее время экспертами (опять о них) трудно дискутировать, учитывая влиятельность их положения. А может, и не нужно. Жаль только, что перспективный

и долгожданный проект тележурналиста Леонида Парфёнова «Война в Крыму»,* [*Леонид Парфёнов – известный российский тележурналист, снявший в 2005 году многосерийный кинопроект «Война в Крыму».] воспользовавшегося услугами этих научных консультантов, получился содержащим множество заблуждений и ошибок.

События военной истории как реального процесса всегда описывались и объяснялись посредством большого числа научных понятий. Их можно условно разделить на следующие: философские и общесоциологические понятия и категории; частносоциологические и другие социальные понятия; собственно военно-исторические и военные понятия.* [*Божedomов Б.А. и др. Военная история. Учебник для высших военных учебных заведений Министерства обороны Р.Ф. М., 2006 г., с.4–6.] Я отбросил все, кроме последних двух и буду пытаться в большей степени о них рассказывать читателям моего скромного труда.

Таким образом, нам предстоит рассматривать события, оперируя в основном не стратегическими и оперативными понятиями (хотя полностью отказываться от них было бы ошибочным), а тактическими терминами, цифрами: дистанциями, калибрами, дальностью поражения и всем тем, без чего рассуждения о победах и поражениях являются не более чем констатацией свершившихся фактов, а не правдивым анализом. Постараемся сделать то, что не удастся современным авторам, которые или не могут качественно провести анализ собранных ими документов, или предаются буйству фантазии. И, как мы говорили, так появляются мифы. Например, из этого недомыслия родилась, например, сказка об истребленной под Балаклавой английской аристократии. Вот и приходится, говоря словами одного из современных историков, вышибать легенду, как палач табуретку.

Работы современных авторов, на мой взгляд, имеют один существенный недостаток – Крымская война в них не привязывается к другим событиям военной истории. Это существенно. Нельзя делать выводы из событий этой кампании, не проследив ее итоги в развитии, не вычислив ее наследие в опыте всех войн и военных конфликтов, прокатившихся по нашей планете с того давнего времени вплоть до последних дней.

И снова попытаюсь ответить на все время возникающий вопрос: а нужно ли вообще затрагивать историю одного, тем более безнадежно проигранного русскими сражения? Может, нужно оставить ее в том состоянии, в котором она пребывает поныне – полузабытье, изложенной в общих и совершенно расплывчатых чертах. В конце концов, не только у Крымской войны такая судьба. Таких белых пятен – сотни.

Но все же необходимо попытаться заново осмыслить его. Именно поэтому моя цель – рассказать о событиях с другой стороны. Это обратная сторона медали, не та, с которой оно преподносилось до настоящего времени. И мне совершенно не интересны обвинения в отсутствии патриотизма, которых после выхода первой книги я услышал предостаточно. Более чем уверен, что в году эдак 1937-м мои яростные малообразованные оппоненты без сомнения застукали бы на вашего покорного слугу в компетентные органы как на английского шпиона. Для этой публички напомним слова великого русского историка Карамзина,* [*Карамзин, Николай Михайлович (1766–1826) – русский писатель и историк.] сказавшего, что «...патриотизм не должен ослеплять нас». Да и не только Карамзина, по отношению к которому могут возразить, что он, дескать, совсем не участник описываемых событий. Хорошо, тогда обратимся к словам вице-адмирала И.Ф. Лихачёва.* [*Вице-адмирал Иван Федорович Лихачёв, кругосветный мореплаватель, один из активных участников обороны Севастополя, публицист. В начале 1853 г. капитан-лейтенант, заместитель главного редактора журнала «Морской сборник». С началом Восточной войны в 1854 г. его откомандировали на Черное море, где Иван Федорович стал флаг-офицером при руководителе обороны Севастополя вице-адмирале В.А. Корнилове. На пароходе-фрегате «Бесарабия» он участвовал в сражении с отрядом англо-французских кораблей. В конце года И.Ф. Лихачёва произвели в капитаны 2 ранга. В 1855 г. успешно организовал эвакуацию людей и вооружения с позиций, участвовал в строительстве наплав-

ного моста через бухту, по которому 27 августа 1855 г. были выведены войска. За день до этого Иван Федорович получил сильную контузию, но командный пункт покинул лишь с уходом последнего отряда. За примерность и отличие был удостоен орденов Св. Анны 2-й степени с мечами и Св. Станислава с императорской короной и мечами. В августе 1856 г. ему присвоили звание капитана 1 ранга. В 1866 г. И.Ф. Лихачёва назначили членом Артиллерийского морского технического комитета. В 1874 г. ему присвоили звание вице-адмирал. Умер И.Ф. Лихачёв 15 ноября 1907 г. в Париже. Согласно его завещанию он был похоронен в мужском монастыре г. Свяяжска под Казанью. Именем вице-адмирала названы мыс в западной части залива Петра Великого и пролив в северной части Охотского моря.] В период Крымской войны он был флаг-офицером вице-адмирала В.А. Корнилова. Это он впервые в России в 1888 г. предложил создать Морской генеральный штаб. Из цензурных соображений в 1901 г. его статью не опубликовали. Через пять лет его правоту подтвердила война с Японией. Вот что он писал: «Наивные увлечения патриотического шовинизма, не допускающего никаких пятен в «героизме» своих соотечичей, равно как предвзятые псевдонаучные придирки педантического критицизма, мало помогут к уяснению действительного хода событий в их естественной последовательности. Только отрешась и остерегаясь опасных увлечений в сторону того или другого из названных направлений и оставаясь на твердой почве простой натуральной реальности, можно более или менее успешно и поучительно изучать и уразумевать примеры военной истории».

Усвоение уроков военной истории должно быть нацелено на понимание и решение проблем нынешних и будущих. Вот что писал по этому поводу Александр Андреевич Свечин, не случайно названный русским Клаузевицем: «Не вглядываться в прошлые события, не изучать причины наших поражений – значит, не желать исцелить нашу армию от сковывающих ее недугов, не желать ей в будущем побед... Природа всего военного знания историческая... Военная история предстанет перед нами неисчерпаемой сокровищницей интереснейших и поучительнейших мыслей и фактов, если мы не будем зарываться в нее, укрываясь от настоящего, от практической работы; страницы прошлого должны представлять для нас не могильные памятники, а оружие для борьбы в настоящем, ключ к его пониманию. Каждое поколение должно само выковывать новое историческое оружие, сколько бы труда это ему ни стоило, и овладевать им, чтобы иметь возможность свободно ступать своей дорогой и не тащиться в хвосте за другими... Военный историк должен пролагать новые пути стратегии, оперативному искусству и тактике... Расцвет русской военной истории только и может произвести на свет русскую доктрину».

Для особо непримиримых поясню, что не принимаю ничью сторону: и русские, и союзные войска мне интересны только как участники всего лишь одной долгой кампании.

Война, по образному выражению адмирала Альфреда Мэхена,* [**Мэхен Альфред Тайер (1840–1914) – американский военно-морской теоретик, историк, контр-адмирал, историк.*] – это такая же наука, как и остальные, опирающаяся на собственные законы и правила. Потому буду стремиться к построению работы как целостного и насыщенного сочинения, помня о том, что «...настоящее искусство военного историка выражается не в умении раскрашивать картину яркими красками, а в умении группировать факты; точно так же, как и сражение выигрывается не красочностью сцены, а расположением сил».* [**Тоурас П. Энциклопедия военной мысли, М.2001 г., с.263–264.*] От себя добавлю: военная история, война – не только наука, но и работа, которую, как и любую другую, можно делать хорошо или плохо. Кто делает хорошо, тот победитель, кто делает плохо – тому часто приходится ложиться в сырую землю. Памятники ставят не всегда отличникам. Больше всего их стоит на братских могилах.

Если критика моей книги послужит толчком к изучению и анализу истории и военного искусства этой кампании, то я буду считать свою цель достигнутой. Ведь, по образному выражению выдающегося русского военного теоретика генерала А.А. Свечина, «...военная история

является той почвой, на которой рождаются опорные точки нашего военного мышления».* [**Свечин А.А. Эволюция военного искусства. М., Л., 1927 г., Т.1, с.11.*]

Сложно рассчитывать на однозначно полное положительное восприятие всеми категориями читателей моего скромного труда, учитывая несколько неожиданные выводы, сделанные после нескольких лет анализа информации, полученной из самых разных источников. Но, очевидно, наступило время выступить против того «военно-исторического произвола», который окружает события этой войны.

Надеюсь, что материалы этой книги будут интересны и представителям туристического бизнеса, которые организуют туры по местам сражений Крымской войны. К сожалению, многие из них крайне упрощенно подходят к составлению теоретического содержания предлагаемых туристам программ. В итоге это приводит к тому, что более или менее знающие историю гости, особенно из Великобритании, категорически отказываются от услуг крымских гидов, предпочитая работать с английскими специалистами, в частности, из Общества исследований Крымской войны.* [**«Общество исследований Крымской войны» – общественная организация в Великобритании, занимающаяся изучением событий Крымской войны и Викторианской эпохи. Издаёт свой журнал «Военный корреспондент» («The War Correspondent»).*] Кстати, в отличие от многочисленных местных просвещенных англоманов в большинстве своем женского пола, впадающих в экстаз при одном только упоминаниях о «славных британских воинах», у меня мнение о современной британской военной истории Крымской войны совершенно иное. Так вот, английская военная история не имеет ни одного исследования, равного по масштабам и уровню Зайончковскому, Богдановичу, Тотлебену и Тарле. Их наиболее объемные труды по этой кампании написаны гражданскими журналистами и нещадно критикуются самими английскими исследователями. Львиная доля современных исследований – слабая пародия на военную историю. При этом сии джентльмены в лучших традициях колониальной политики, приезжая к нам, всячески подчеркивают, что именно они диктуют правила игры.

Давайте уважать и любить себя и свою историю. Честную, непричесанную, горькую, но нашу. Не слушайте басни патриотов, они не менее опасны, чем откровенная пропаганда противников. Только в этом случае мы снова почувствуем себя народом, нацией, а не аборигенами или туземцами.

И в этой связи еще немного о морали. Время, конечно, лечит. И вот уже некоторые крымские авторы в своих книгах пытаются обосновать тот вклад, который сделала Крымская война в развитие экономики и культуры Крыма. Это просто кощунственно, учитывая, что столь милые их сердцу первые иностранные туристы совершали свои поездки среди еще не остывших могил и любовались разрушенными ими или их соотечественниками городами. Тогда уж давайте назовем первыми туристами, посетившими Республику Беларусь, немецких солдат, вошедших в июне 1941 г. в Брестскую крепость... А Иван Сусанин будет первым русским гидом при польской туристической группе, совершавшей тур по Золотому Кольцу России. Не согласны? Тогда объясните мне, чем они отличались от англичан, французов и турок образца 1854 г.? Благодаря в том числе и этим «туристам» некоторые британцы уже во время Крымской войны называли полуостров «рекордсменом по числу иностранных вторжений».* [**Mitra S.M. The life and letters of Sir John Hall M.D., K.C.B., F.R.C.S. London, New York, 1911, p. 288.*]

Точно так же я не приемлю понятия «последняя рыцарская война», которое так полюбилось в последнее время. Потому мной намеренно включена в работу информация о русских раненых, добитых штыками английских солдат при Альме. И давайте будем откровенны – случаи глумления над пленными имели место в Крыму и участниками их были не только турецкие солдаты, на которых многие (особенно английские) авторы любят списывать собственные грехи. Верю, это остановит других авторов от излишней романтизации образа Крымской войны, как и любого другого массового кровопролития.

Моя цель приоткрыть взгляд на эту войну с несколько иной стороны. Я понимаю, что многим, может быть, не понравится то, что они прочитают. Кто-то узреет в этом попытку унижить наше национальное достоинство. Но я позволю себе не согласиться с подобными опасениями. Я лишь очистил правду истории от шелухи «квасного патриотизма», который только вреден для нас и для нашей страны. Потому и главу эту закончу напоминанием слов древнеримского Тита Ливия* [**Тит Ливий (59 г. до н. э. – 17 г. н. э.) – крупнейший историк древнего Рима.*] о двойной пользе нравственных уроков истории: во-первых, писал он, «оттуда можно взять образцы, достойные подражания», а во-вторых, «там же найдешь нечто позорное, гнусное, чего нужно избегать».

Надеюсь, что это будет интересно читателю.

Историография

Об этом большом деле напишут прежде всего у вас в Петербурге, и хорошо напишут: все большое издали виднее...

Неизвестный русский офицер, раненый при Альме в беседе с журналистом А.Ф. Погосским спустя три дня после сражения.

...были смешиваются с небывицами, проверить нет возможности – и историк в затруднении...

Генерал-адмирал князь А.С. Меншиков – своему адъютанту А.А. Панаеву, Севастополь, ноябрь 1854 г.

О чём пишут

Хотя, начиная только работать над темой, я ощущал дефицит информации, в дальнейшем получил возможность убедиться в обратном. Круг источников по истории Крымской войны и Альминского сражения масштабен. Скучным его точно не назовешь. А потому позволю не согласиться с мнением одного из участников кампании – бывшего адъютанта Владимирского пехотного полка поручика Наума Александровича Горбунова, что «...об Альмском сражении очень мало имеется сведений».* [**Воспоминания об участии при защите г. Севастополя бывшего в то время полковым адъютантом Владимирского пехотного полка поручика, ныне отставного майора Наума Александровича Горбунова//Сборник рукописей, представленных Его Императорскому Высочеству, Государю, Наследнику Цесаревичу о Севастопольской обороне севастопольцами, Том.1, СПб., 1873 г., с.56.*] Может быть, во второй половине XIX в. так оно и было, но сейчас их достаточно, чтобы иметь возможность сделать его качественный анализ.

Есть всё: мемуарная литература, исторические описания, справочные материалы. Но вот с качеством и достоверностью источников проблема существует. И она в первую очередь в почти полном отсутствии официальных отчетов, особенно русских.* [**Когда я говорю об официальном отчете, то имею в виду полный развернутый рапорт по всем службам и от всех начальников с цифрами и суммами, а не отдельные рапорты и письма, хранящиеся в архивах России и Украины.*] Понятно, что в условиях неблагоприятно начавшейся военной кампании некогда было тратить время на расписывание её хода. Да и князю А.С. Меншикову* [**Александр Сергеевич Меншиков (1787–1869 гг.) – генерал-адмирал, генерал-адъютант, светлейший князь, правнук А.Д. Меншикова. В 1854 г. главнокомандующий русскими войсками в Крыму.*] явно не хотелось давать отчет о своем военном поражении, понимая, что обвинений в личной причастности ему не избежать. Кстати, подобное явление стало во время сплошных поражений Крымской кампании системой, плавно перейдя от Меншикова к его преемнику на должности князю М.Д. Горчакову.* [**Горчаков Михаил Дмитриевич (1793–1861 гг.) – генерал от артиллерии (1844). Участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов русских войск 1813–1815 гг. Отличился в Бородинском, Дрезденском, Лейпцигском и др. сражениях. В русско-турецкой войне 1828–1829 гг. был начальником штаба 3-го Пехотного корпуса. Участвовал в подавлении Польского восстания 1830–1831 гг. и Венгерской революции 1848–1849 гг. С началом Крымской войны 1853–1856 гг. командовал войсками, действовавшими на Дунае. С 24 февраля 1855 г. – главнокомандующий войсками в Крыму. В тяжелой обстановке проявил нерешительность, проиграл сражение на Черной реке (4 августа 1855 г.) и не сумел оказать необходимую помощь войскам, оборонявшим Севастополь. По его приказу русские войска оставили южную часть города. В 1856 г. был назначен наместником Царства Польского.*]

Оставлять документы, свидетельствующие о своей роли в поражениях, было просто глупо. А так как кампанию в России почти официально прозвали севастопольским разгромом,* [**С легкой руки адъютанта генерала Хрулёва М. Вроченского (Вроченский М. А. Севастопольский разгром. Воспоминания участника славной обороны Севастополя. Киев, 1893 г.)*] то и опасно. Поэтому дошедшее до нас – это в лучшем случае воспоминания очевидцев, в которых при внимательном изучении обнаруживается целый ряд неточностей, некоторые из них допущены явно умышленно. Цели преследовались разные. Если мы их видим у старших начальников, то есть тех, чьи действия в сражении в той или иной степени определили его исход, то противоречия мотивируются самооправданием. Цель очевидна – за этим стоит плохо прикрытая попытка обойти истинные причины поражения, выгородить себя.

Начальники полкового, батальонного и ротного звеньев более откровенны в деталях, ибо писали по принципу: «что видел, о том и говорю». От них чаще всего мало что зависело, и они пытаются быть объективными, но не умалять своей роли и значения подчиненного подразделения.

Отдельные источники представляют собой панегирик заслуг начальника или лиц, приближенных ко двору. Это в большей степени свойственно людям, с их помощью самим пытавшимся войти в историю: адъютантам, чинам штаба и сопровождавшим армию журналистам. Есть и откровенное восхваление собственных доблестей. Хотя нельзя не согласиться с легендарным бисмарковским «Нигде так не врут, как на войне...»,* [**«Нигде не врут так, как на охоте и на войне», – сказал князь Бисмарк, ходивший на охоту на медведя вместе с Александром II.*] признаем – после войны начинают сочинять еще больше. Особенно бушует воображение винтиков военной машины – рядовых и сержантов. Иногда они делают это столь убедительно, что ловишь себя на невольном желании безоговорочно поверить. Хотя при некотором старании и из самых невероятных сочинений можно выудить нужный объем интересной информации.

К сожалению, заранее предвижу критику в адрес автора, связанную с преобладающим в сочинении взглядом на сражение со стороны союзников и использование иностранных источников. Да, я не спорю, но действительно – в сравнении с французскими и английскими очень мало воспоминаний о сражении, трезво анализирующих его ход, оставлено русскими участниками. Складывается ощущение, что каждый офицер или сержант союзных армий стремился оставить потомкам память о своем доблестном участии в Крымской войне. У нас хуже. Не спорю, я не использовал абсолютно все источники, имеющие место быть, а только те, которые смог найти. Но то, что я обнаружил, позволяет сделать определенные выводы. Например, для российской армии характерно малое число свидетельств современников из числа рядового или унтер-офицерского состава. Точнее, есть, но они сумбурны и не всегда точны. Чаще всего это записки из бесед с нижними чинами, перенесенные на бумагу с чужих слов, обработанные и отредактированные. Вообще, к солдатским воспоминаниям, кто бы ни был их автором, нужно относиться осторожно. Даже при том, что русский солдат гораздо меньше, чем английский, старался показать важность своей роли в событиях.

Но одно стало ясно сразу, как только начался процесс изучения источников. События этого дня оказались настолько запутанными, что дел по развязыванию этого гордиева узла хватит всем и надолго. Потому мои многочисленные оппоненты могут не волноваться – скучать не придется, только работайте.

Как пишут

Мы поняли, что пишут, писали и будут писать много. Теперь сделаем попытку разобраться в качестве. Бумага все стерпит, но вот читатель далеко не все вытерпеть может.

Вскоре после высадки союзников в Крыму и Альминского сражения, по воспоминаниям А.Ф. Погосского,* [**Погосский Александр Фомич (1816–1874 гг.) – известный писатель для народа и деятель в пользу народного образования. Образование получил в Петербурге, в училище высших наук. По мнению Н. Лескова, «...самым выдающимся писателем в новой солдатской литературе был без сомнения недавно умерший писатель Александр Фомич Погосский, по рождению – поляк, по положению – отставной офицер русской службы». Выступив на литературном поприще в сороковых годах рассказами, появившимися в «Чтении для солдат», Погосский поставил себе задачей борьбу с невежественной лубочной литературой. С этой целью он в 1858 г. стал издавать маленький журнал под названием «Солдатская беседа».*] выяснилось, что ни один из его участников не мог толком понять, что же произошло. Наступило массовое потрясение, эмоциональный момент истины, когда каждый искал свой ответ на вопрос: почему армия, готовая шапками закидать неприятеля, достаточно многочисленная, сытая, в основной своей части свежая, полная сил и энергии, настроенная на сокрушение врага и его разгром, потерпела столь неожиданное поражение? И не просто поражение, а обидный и чувствительный удар по самолюбию воспитанного на прошлых победах русского солдата и офицера. И от кого! Его нанесли батальоны и батареи союзных войск, измотанных болезнями, уставших, полуголодных, обессилевших после нескольких дней пребывания в Крыму на чужой, для них незнакомой негостеприимной земле. Может быть, поверим адмиралу британскому Слейду, считавшему, что армия рабов в солдатских мундирах не будет сражаться с энтузиазмом? [**Slade, Adolphus, Rear-admiral, K.C.B. (Mushaver Pasha) Turkey and the Crimean war : a narrative of historical events, London, 1867, p. 300.*]

Хотя, не так все просто, как может показаться. Конечно, такое явление, как русский солдат николаевских времен – сложное, и еще не одно поколение историков будет ломать копья в спорах о его сути.

А.Ф. Погосский, посетив незадолго до боя на Альме лагерь русских войск, обратил внимание на царивший высокий дух, правда, граничивший с самоуверенностью. Он стал одним из первых, кому эти настроения стали внушать не радость, а опасения, полностью подтвердившиеся позже.

«Беспрестанное крейсирование английских пароходов в виду крепости не производило никакого отчетливого влияния на умы нашего гарнизона. Вера в штыки наши обаяла всю военную часть населения, правда, обаяние это не сообщалось сословию мирных жителей, между ними носились неясные слухи о предстоящей блокаде крепости и кое-какое опасение; женщины были, по обычаю прекрасных, на стороне смелых и не верили посещению западных гостей.

Я навел на кое-кого из старых моих сослуживцев в Мамадашском (или Мамалашском, не помню) лагере на северной стороне крепости. Там расположение умов также не выходило из обычной колеи всех лагерных стоянок, при речи о высадке неприятеля слышались возгласы: «О если бы да кабы! Да они не дураки – не полезут, как куры во щи! Мы их шапками закидаем!».* [**Погосский А.Ф. Из заметок проезжего. Воспоминания. //Крымский архив, № 9, 2003 г., Симферополь, с.19.*]

Давайте не будем уподобляться некоторым исследователям и с упорством, достойным лучшего применения, искать автора этих слов, ставшими едва ли не главной крылатой фразой

периода кампании. Иные краеведы и филологи до сих пор видят в этих словах едва ли не великий смысл всего Альминского сражения.

Если быть объективным и не заниматься самобичеванием, особенно сейчас модным, то нужно попытаться понять психологию армии Николая I. В сентябре 1854 г. её моральный дух был действительно высоким, действительно граничащим с самоуверенностью, которая, как известно, наказуема, так как не имеет никакого отношения к боевому духу. Это была психология парада, которая срабатывает успешно только в одном случае – когда армия наступает. Результат подобного эмоционального состояния при отчаянном сопротивлении неприятеля или, как в нашем случае, его активному нападению предсказуем. Это не прецедент, а явление, в истории войн распространенное. Очень часто армия, уверенная в легкой победе, при первых признаках того, что противник гораздо сильнее, чем представлялось в застольных беседах на биваке, легко впадает в другую крайность – панику, уклонение от боя, отход, бегство. Примеров тому – масса. Их мы обнаружим и в глубокой древности, и в последних событиях. Это, например, дезорганизация грузинской армии после первых же удачных ударов российской артиллерии в августе 2008 г.

К чести участников войны многие из них нашли в себе силы называть вещи своими именами, не побоявшись отдать его результаты на суд истории. Когда же поражение все-таки случилось, то уже тогда среди бывших в нем возобладало мнение, что в ближайшее время начнется всемерное оправдание.

«Вообще нельзя было не согласиться с тем храбрым и умным раненым офицером нашим, с которым довелось мне беседовать на третий день после Альмы в Симферополе под «Золотым якорем». «Конечно, многие из офицеров напишут эпизодические картины этой битвы, которые они видели как участники дела», – сказал я ему между прочим. «Едва ли», – возразил он. «Да если бы и написали, так толку мало: это было бы либо верно и очень узко и бессвязно, либо широко и связно и очень сомнительно! Об этом большом деле напишут прежде всего у вас в Петербурге, и хорошо напишут: все большое издали виднее...».* [*Погосский А. Ф. Из заметок проезжего. Воспоминания. // Крымский архив, № 9, 2003 г. Симферополь, с.32.*]

Они не ошиблись. Читая то, что издают современные авторы, удивляешься, как они стыдятся сказать правду, предпочтя лубок исторической истине. Я их понимаю. Вечно жить в сослагательном наклонении проще, чем рисковать подвергнуться постоянной критике, да и платят за ложь сейчас щедрее, чем за правду. Тут же и уважение благодарного народа, делающего вид, что мы всегда и всех... Но ведь и продолжать делать вид, что ничего не произошло, дальше нельзя.

Хорошо хоть, что подобное – удел в большей степени непрофессионалов. А вот у специалистов, занимающихся изучением не общих проблем Крымской войны, а ее деталей, работы которых можно считать действительно глубоким и, самое главное, профессиональным анализом, оно другое: «...О Крымской, или Восточной войне в отечественной литературе написано немало. Как, впрочем, и в иностранной. Однако зачастую складывается впечатление, что многие авторы – и наши, и забугорные – упорно не хотят считаться с мнением бывших противников. «Чужие» материалы игнорируются, история превращается в сборник преданий о собственных подвигах, а достоинства противника подчеркиваются лишь в одном случае: если это может придать дополнительный вес собственным достижениям».* [*Соломонов Б., Соломонов П. Бомбардировка Севастополя. Взгляд с другой стороны // ФлотоМастер, №1, М., 2003 г., с.11.*]

Побольше бы таких специалистов. Чаще, к сожалению, приходится лишь удивляться, читая произведения историков Крымской войны, делающих стратегические выводы и при этом не использующих военно-теоретические труды А.А. Свечина, долгое время находившиеся под запретом.* [*Даниленко И.С., А.А. Свечин предсказал трагедию Пёрл-Харбора // Военно-исторический журнал, №4, 2000 г., с.40.*] Наиболее яркий из них – бесспорно «Эволюция воен-

ного искусства».* [**Свечин А.А. Эволюция военного искусства, Том II, М.-Л., 1928 г.*] Можно сколько угодно с умным видом рассуждать о превосходстве союзников в стрелковом оружии, но если знать военно-технические работы русского конструктора-оружейника и историка оружия В.Г. Фёдорова,* [**Фёдоров Владимир Григорьевич (1874–1966 гг.) – советский учёный и конструктор, основоположник отечественной школы автоматического стрелкового оружия, профессор (1940 г.), генерал-лейтенант инженерно-технической службы (1943 г.). В 1900 г. окончил Михайловскую артиллерийскую академию и был назначен в артиллерийский комитет Главного артиллерийского управления. Сконструировал автоматические винтовки калибра 7,62 мм (1912 г.), калибра 6,5 мм под патрон собственной конструкции (1913 г.), первый в мире автомат под винтовочный патрон калибра 6,5 мм (1916 г.). В 1931–1933 гг. – консультант по стандартизации в оружейно-пулемётном тресте. Затем опубликовал несколько работ, а в 1942–1946 гг. – консультант по стрелковому оружию в Наркомате и Министерстве вооружения. С 1946 г. по 1953 г. – действительный член Академии артиллерийских наук. Научный руководитель В.А. Дегтярёва, Г.С. Шпагина, С.Г. Симонова и др. Автор научных трудов по истории, проектированию, производству и опыту боевого применения стрелкового оружия. Соч.: «Автоматическое оружие», СПб, 1907 г.; «Основания устройства автоматического оружия», М., 1931 г.; «Эволюция стрелкового оружия», ч. 1–2, М., 1938–1939 гг.; «Оружейное дело на грани двух эпох», ч. 1–3, Л. М., 1938–1939 гг.; «История винтовки», М., 1940 г.] которые можно считать энциклопедией вооружения Крымской войны («Вооружение русской армии в Крымскую войну», «Эволюция стрелкового оружия»* [**Фёдоров В.Г. Эволюция стрелкового оружия // Оружие. Российский оружейный журнал, №10, М., 2003 г.*] и др.), то это не более чем сотрясение воздуха. Пока же, когда речь заходит о стрелковом вооружении и обучении в русской армии, глупость достигает своего апогея.*

Ещё большую глупость приходится узнавать при освещении темы инженерных сооружений. Их умудряются делать, не прочитав ни единого слова из книг по фортификации профессора В.В. Яковлева* [**Яковлев В.В., известный специалист-фортификатор, автор фундаментального труда «История крепостей», посвященного малоизвестному аспекту военного искусства – развитию оборонительного зодчества с древних времен до начала XX в., а также исследованию средств осады и обороны сухопутных крепостей в этот период, профессор Военной инженерной академии им. В.Куйбышева.*] («Эволюция долговременной фортификации»,* [**Яковлев В.В. Эволюция долговременной фортификации, М., 1931 г. 2003 г.*] «Приморские крепости»). А сколько сочиняют умных слов, даже не взглянув в «Фортификационный словарь»* [**Шперк В.Ф. Фортификационный словарь, //Военно-инженерная академия, 1946 г.*] полковника В.Ф. Шперка.* [**Шперк В.Ф. – известный русский, советский фортификатор, профессор Военной инженерной академии им. В.Куйбышева.*] Не упоминаются уставы и наставления того времени. О применении артиллерии, а это сложнейшая тема, вообще нет смысла говорить. Я сам, понимая, насколько это трудно понять, не имея специальной подготовки, неоднократно обращался за помощью к специалистам, за что им огромное спасибо.

Об использовании аналогичных работ иностранных авторов и говорить не приходится. Потому о трудах Лидл-Гарта или Мольтке, я думаю, вспоминать не стоит, это уже запредельное. О Штенцеле,* [**Альфред Штенцель (Alfred Stenzel, род. в 1832 г.) – немецкий адмирал, военно-морской историк и теоретик, преподаватель военно-морской истории в морской академии в Киле.*] а тем более Мэхэне или Коломбе многие, наверное, и не слышали.* [**Штенцель А. История войн на море. М., 2002 г.*] А еще есть Бридж, Корбет, Давелюи, Боллати и многие другие.

При всём этом любому человеку, мало-мальски осведомлённому в истории военного искусства, понятно, что такого плана и направленности работы должны составлять теоретическую основу исследований и исключительно через их призму рассматриваться все остальные документы. Это только малая часть того, что должно быть базой в том случае, если автор заяв-

ляет или пытается заявить себя военным историком. Иначе всякое описание любой войны, а Крымская в данном случае не исключение, не более чем записки краеведа, количество которых, как я уже говорил, обратно пропорционально их пользе.

Зато к месту и не к месту вставляются термины, о смысле которых авторы, судя по тексту, не догадываются. Когда гражданский человек очень хочет показаться бывалым военным, он делает это с умным видом и металлом в голосе. Получается смешно, но, увы, неправильно. В результате появляются труды о столкновении империй, которые якобы «создают наиболее полную и объективную картину военных действий, демонстрируя тем самым сбалансированный взгляд на события, максимально освобожденный от национального подхода к освещению событий тех лет».* [**Обуховская Л. Столкновение империй//Крымская правда, Симферополь, 7.9.2004 г.*] Читая подобную чушь, перестаёшь удивляться тому, что Крымская война до сих пор остаётся явлением малоизученным.

Кстати об академике Е.В. Тарле, до недавнего времени считавшемся едва ли не апологетом истории Крымской войны. В своей работе я не так часто, как другие авторы, постараюсь обращаться к его сочинению «Крымская война», которое многие небезосновательно считают энциклопедическим. И это отнюдь не от маниакальной идеи стать его преемником или затмить его славу. Не обсуждается и не подлежит сомнению: это бесспорно фундаментальный труд. Но при прекрасном описании известным советским ученым политических перипетий, предшествовавших и сопровождавших войну, великолепных личностных характеристик участников событий там есть ряд неточностей и ошибок, которые, к сожалению, повторяют современные авторы. Они касаются того, чем приходится заниматься мне – описаний военных действий. При работе с его сочинением необходимо прочувствовать и понять политическую и военную ситуацию, в которой создавалась работа и только через призму этого понимания использовать её в военных исследованиях событий Крымской войны.* [**Дунаевский В.А., Чапкевич Е.И., Евгений Викторович Тарле: человек в тисках беззакония. Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии наук СССР, М., 1995 г., с.108–127.*]

Если бы я писал о причинах войны, о ее героях, последствиях – то обязательно основывался бы на Тарле. Но я уже говорил, что не знаю и не хочу ничего знать о причинах и виновниках этой общеевропейской кровавой драмы. Позвольте быть немного циничным, но мне плевать, что делали политики. Достаточно того, что эти чистые и высокоморальные люди, не сильно мучаясь душевными страданиями, обрекли сотни тысяч своих соотечественников и граждан других стран на страдания, грязь, кровь, болезни и смерть. Лично они не убили никого. И, наверное, даже не смогли бы этого сделать. Я иногда думаю, что месяцами не мытый солдат в траншее гораздо чище душой, чем отправивший его туда государственный деятель. И совесть любого солдата, русского, французского, английского, турецкого или итальянского, истребившего не одного из себе подобных, в тысячу крат чище совести устроивших эту войну. Современные политики не сильно отличаются от своих коллег 150-летней давности.

Поэтому о них – ни слова...

Меня интересует только то, что происходило на полях сражений, на батареях, бастионах и в окопах. Потому не будем увлекаться Е. Тарле. Истории Крымской войны у академика действительно много, военной же истории почти нет. Потому со времени выхода его книги и до сегодняшнего дня согласимся с мнением современного известного российского ученого-историка А. Васильева, который сказал: «...вопрос о роли Крымской войны в области военного искусства исследован очень мало...».* [**Родина, М., 1995 г., №3-4, с.32.*] Целиком с ним согласен и попытаюсь этот пробел в меру своих сил и знаний восполнить.

А к Тарле мы еще вернемся...

Изучать события полуторавековой давности нужно. Пришло время, когда уроки Восточной войны вновь стали актуальны: снаряды рвутся на Балканах, на Кавказе, в Черном море вновь идут морские бои. В этих условиях нужна качественная литература о Крымской войне,

а не тот бред о какой-то мифической «битве за ясли Господни», «вкладе в культуру», который нам усиленно пытаются подsunуть. Попытки раздуть до невозможного собственный имидж при недостатке глубокой военно-исторической аналитики приводит к тому, что повсеместно складывается искаженное понятие об этой кампании, происходящее от непрофессионализма исследователей, людей большей частью к специфическому мышлению военного не склонных. В общем, всё, как у генерала А.Е. Снесарева: «...причиной, мешавшей людям понять войну, была предвзятость мысли писавших или говоривших о ней или зависимость от обстановки. Военные воевали, т.е. занимались войной практически, и им было недосуг говорить о войне или они не умели говорить. Как люди грубые, простые, с мозгами, запыленными пороховой пылью. ... В результате о войне судили чаще и больше люди невоенные ... Немудрено, что гражданские писатели или по присущей им робости перед всем военным, или по побуждениям корпоративного или классового самолюбия, или, наконец, по свойствам дилетантизма, для них естественного, говорили о войне неумеренно придирчиво и вообще пристрастно отрицательно».* [Снесарев А.Е. *Философия войны. Глава II. Война в людских суждениях.* // *Военно-исторический журнал*, №2. М., 2002 г., с.44]

Увы, но пока полки книжных магазинов завалены творениями вроде «Крымская война. 1853–1856 годы»* [Скрицкий Н. *Крымская война. 1853–1856 годы.* М., 2006.] некоего Н. Скрицкого, судя по аннотации позиционирующего себя как «видного специалиста по истории военно-морского флота и истории военной техники»,* [[http://www.slovobook.ru/newversion/look.php?n_base=57186.](http://www.slovobook.ru/newversion/look.php?n_base=57186)] о почти поставленных на конвейер трудах севастопольских краеведов, настолько же плодовитых, насколько слабо знающих военную историю, и говорить не хочется, в том числе и по причине их малой значимости. Да и британские товарищи удивили, умудрившись выдать, как они утверждают, первое серьезное исследование сражения на Альме с громким названием «The Battle of the Alma 1854: First Blood to the Allies in the Crimea», уложившись в... 224 страницы. Очень любопытно, особенно зная, что английский автор увозил из Крыма в 2005 г. первое издание моей «Альмы»...

Библиография

До этого мы говорили о том, что читать не нужно. Теперь перейдем к тем источникам, где дотошный современный читатель сможет найти достаточную информацию о Крымской войне и ее начальном периоде.

Начнем с самого скучного – теории. Говоря о научной базе исследования, упомянем работы пяти великих имен классики русской военной теории: генералов М. Зайончковского, М. Богдановича, А. Свечина, Д. Милютина и Н. Обручева. Понимаю, что для многих, кто держит сейчас в руках эту книгу, их труды мало знакомы. Спешу уверить вас в том, что они – апологеты теории Крымской войны. «...Их творчество привело к созданию классической русской военной мысли, капитал которой велик и бесценен, но, к сожалению, все еще недостаточно нами усвоен. Наследие русского офицерства необходимо изучать по существу, использовать для укрепления духа и решения современных проблем. Недопустимо, когда наши военные классики, идейные вожди, такие, например, как Николай Обручев, Карл Войде, Александр Свечин, в большей степени ценятся за границей, а на Родине их представляют русскими Клаузевицами или русскими Мольтке».* [*Офицерский корпус Русской Армии. Опыт самопознания. / Сост.: А.И. Каменев, И.В. Домнин, Ю.Т. Белов, А.Е. Савинкин, ред. А.Е. Савинкин. / М., 2000 г., с.18–19.*]

Каждый из них сделал свой, только ему присущий вклад в изучение Крымской войны. Если, к примеру, Свечин в большей степени уделял внимание чистой теории кампании,* [*Свечин А.А. Эволюция военного искусства, Том II, М.-Л., 1928 г.*] то Обручев* [*Обручев Н.А. Смешанные морские экспедиции//Военный сборник, №7, СПб., 1898 г.*] дал прекрасное теоретическое обоснование событиям, предшествовавшим кампании, высадке союзников, непосредственно Альминскому сражению и последующему развитию ситуации. К сожалению, это малоизученный военный теоретик, хотя в свое время его именовали не иначе, как русский Мольтке.

Этот квинтет – классика теории и истории Крымской войны, особенно если она дополнена той самой книгой академика Е. Тарле. Как бы я ни критиковал этого исследователя, любой труд без опоры на его сочинение не будет полным и качественным.

Это русские авторы. Есть ли что-либо подобное у наших бывших противников? Может быть, я самоуверен, но позволю себе мнение, что равным этим ученым можно считать в лучшем случае воспоминания французского генерала Ниеля.* [*Niel, Adolphe Siège de Sébastopol. Journal des opérations du génie publié avec l'autorisation du ministre de la guerre, Paris, 1858.*] Конечно, есть еще Буа-Вильомез, Трошю, Герен, но они не дотягивают до выше названных по объему и количеству информации.

Теперь пара слов о работах некоторых современников Крымской войны, подробно описавших ее причины, ход и итоги, но не отличавшихся профессионализмом. Наиболее часто цитируем из них англичанин Александр Уильям Кинглейк,* [*Kingлейк (Kinglake A.W) Александр Уильям (1809–1891 гг.) – путешественник и историк, автор объемного труда «The invasion to the Crimea, its origin, find in account of its progress, down, to the death of lord Raglan» (London, 1863–1887 гг.)*] находившийся во время войны в штабе лорда Раглана, опубликовавший впоследствии его официальную и частную переписку. Это апологет английского взгляда на Крымскую войну, по меткому и остроумному определению А. Свечина, «маленький Тьер, воспевающий лорда Раглана и его сподвижников». Труд Кинглейка отличается полным отрицанием ошибок англичан и зачастую превращается в панегирик восторженного автора своему патрону. По сути дела, англичанин – выразитель устоявшейся среди британских исследователей точки зрения. Он так старался, что вызвал недовольство и раздражение даже у собственной прессы. В 1863 г. лондонская «Таймс» осудила Кинглейка за излишнее сосредото-

ние внимания на капризах и кипении страстей нескольких личностей, в первую очередь лорда Раглана, очистить репутацию которого и было основной задачей автора.

И все же работа вызывает интерес, поскольку автор дает исчерпывающий фактический материал с характерными для британской историографии в целом ясностью и доступностью изложения. Современники предупреждали, что нельзя рассматривать труд Кинглейка о Крымской войне как объективное историческое исследование. Чтобы не стать объектом нападок многочисленных современных англоманов, я приведу мнение о нем генерал-адъютанта Э. Тотлебена, который лично был знаком с англичанином, «...посетил Кинглейка в Лондоне и принимал его в Крыму несколько лет спустя после заключения мира».* [*Е.С.М. Депутат от России (Воспоминания и переписка Ольги Алексеевны Новиковой)*]/*Русская старина. Том. 140. СПб., 1909 г., с. 601.*]

Итак: «Генерал очень любил милого Кинглейка. Мог ли кто-нибудь, знавший Кинглейка, не любить его?».

Тем не менее Тотлебен никогда не смотрел на историю Крымской войны как на образец научного и авторитетного труда. Он коснулся этого как-то у меня дома. «Но разве его история неинтересна, – прервал я несколько нетерпеливо. – Не читается ли она с захватывающим любопытством, как чудный роман?».

«Именно так, – ответил Тотлебен, улыбаясь моему нетерпению, – именно как роман, но не как военная история».* [*Е.С.М. Депутат от России (Воспоминания и переписка Ольги Алексеевны Новиковой)*]/*Русская старина. Том. 140. СПб., 1909 г., с. 601–602.*]

Тотлебен не одинок в своем мнении. Другой великий немец Фридрих Энгельс (статья «Кинглейк о битве на Альме» (1863 г.) камня на камне не оставляет от труда британца. По утверждению Энгельса, всё, касающееся военной части сочинения Кинглейка, не имеет никакого отношения к действительности, сама книга являет собой роман, главный герой которого – английский главнокомандующий лорд Раглан, а его конечная цель – доведенное до абсурда прославление английской армии.

Попутно о классиках. Сочинения апологетов марксизма К. Маркса и Ф. Энгельса (X и XI тома) содержат большое количество статей эпохи Восточной войны, «...освещающих не только политическую сторону войны, но дающих и ряд ценных военных суждений, например, об особенностях английской армии и ее управления, об оценке общей обстановки в отдельные моменты войны».

В контексте рассматриваемой нами темы заслуживает внимания фраза одного из вышеупомянутых классиков научного коммунизма, неплохого, в общем, военного теоретика, хотя явного русофоба Энгельса, о том, что Альминское сражение очень интересно в тактическом плане. Его обзорно-аналитические статьи «Армии Европы» – интересный взгляд на противников со стороны. Я рекомендовал бы каждому, кто берется за работу над теми или иными проблемами Крымской войны, начинать с изучения армий – участниц кампании. В этом случае знакомство с этими немецкими господами никогда не будет лишним. Но все хорошо в меру. Генерал А. Свечин, в силу современной ему политической ситуации не имевший возможности прямо заявить об откровенной русофобии этих господ, писал, что они к началу военной кампании в Крыму еще не были знакомы с Клаузевицем и потому допускали ряд ошибок, особенно в оценке русской армии.* [*Свечин А.А. Эволюция военного искусства. Том II. М.-Л., 1928 г., с. 79–80.*]

Вернемся к Кинглейку. Не слишком высоко оценивает британца академик Е.В. Тарле, отмечая, что автор «...оказался не только первым по времени, но едва ли и не наименее лгущим из всех английских историков, писавших о Крымской войне», ученый считает, что его кругозор «...по своей широте едва ли сколько-нибудь заметно отличался от кругозора его друга и начальника лорда Раглана».* [*Тарле. Е.В. Крымская война, в 2-х томах, Т.1, М., 1950 г., с.22–23*]

Не все соотечественники Кинглейка соглашались с ним во всём. Британский историк Кристофер Хибберт («Крымская война. Трагедия лорда Раглана»), отмечая, что «проделанная им огромная работа сделала его произведение чрезвычайно интересным», уточняет: «...некоторые из его оценок спорны или предвзяты». * [*Хибберт Кристофер. Крымская кампания 1854–1855 гг. Трагедия лорда Раглана. М., 2004 г., с.6*] Будучи исследователем современным, Хибберт пытается эти ошибки исправить, но будучи британцем – делает новые.

Русские военные оценивали сочинение Кинглейка только как журналистский опус, не имеющий ничего общего с военной историей. Дело не в отношении к автору как к представителю враждебной армии. Участник кампании Ф.И. Приходкин считал, что французы гораздо объективнее в описании войны. По его мнению, Кинглейк всячески унижает союзников, сравнивая их при этом с русскими. В результате сложилась парадоксальная ситуация, когда книга Тотлебена «...по отношению к французской армии – книга соперника, но не врага», а сочинение Кинглейка, «вдохновенное ненавистью, не сочетающееся к тому же с честностью английской нации, ...есть не что иное, как длинный памфлет на Францию, на ее флот и армию». * [*Приходкин Ф.И. Альминское сражение//Военный Сборник, №11, СПб., 1904 г., с.28*]

Российским противовесом Кинглейку является, скорее всего, Н. Дубровин – автор многих исторических и военно-исторических трудов, корреспондент Императорской академии наук, один из лучших выпускников Дворянского полка (1856 г.). * [*Николай Федорович Дубровин, выпущен в 1856 г. в артиллерию. Автор многих исторических и военно-исторических трудов, корреспондент Императорской академии наук, сотрудник нескольких журналов. (Дворянский полк, основанный в 1807 году//Русская Старина, Том. 53, СПб., 1887 г., с.800)*] Несколько частей его внушительного труда «История Крымской войны и обороны Севастополя» * [*Дубровин Н.Ф. История Крымской войны и обороны Севастополя, в 3-х томах, СПб., 1900 г.*] – большей частью выборка из воспоминаний участников и документов периода войны в Крыму. Это не более чем патриотически популярное (как назвал его А. Свечин) сочинение в нескольких томах. * [*Свечин А.А. Эволюция военного искусства, Том II, М.-Л., 1928 г.*] Отдельные его моменты не только не соответствуют тому, о чем говорили одновременно несколько участников событий, но противоречат здравому смыслу. И все-таки работа занимает свою положительную нишу в историографии Крымской войны и сражении на Альме. Например, в ней содержится характеристика сражения при Альме генералом В. Кирьяковым. Это личный взгляд сложного характера человека, чья альтернативная точка зрения противоположна официально принятой и «высочайше утвержденной».

В любом случае работы Н. Дубровина заслуживают внимания, хотя использовать их нужно внимательно и осторожно, сопоставляя с воспоминаниями участников и обязательно глядя на карту.

Забегая вперед, хочу сказать, что чрезмерное увлечение современных историков такими авторами, как Н. Дубровин с русской стороны и Кинглейк с британской, привело в конечном итоге к тому образу Крымской войны, который годами создавался в отечественной истории. Имя ему – лубок.

Еще одно лицо в ряду обозревателей Альминского сражения – французский исследователь Крымской войны, барон Сезар де Базанкур. * [*Базанкур (Bazancourt) Сезар, барон, французский писатель (1810–1865 гг.), военный корреспондент. В Крымской кампании написал воспоминания, после писал по поручению Наполеона III о походе в Португалию и о колониальных войнах.*] Он, как и Кинглейк – свидетель, журналист, взятый в экспедицию для составления ее официальной истории. Некоторые современники относили его к той категории летописцев, которые берутся в военные походы в составе свиты приближенных высших военачальников с единственной целью – путем хроники детализировать славный боевой путь патрона. Часто такой хроникёр вместо славы приносил своему начальнику проблемы. * [*The Dublin University magazine No CCLXXVII Vol. XLVII January, Dublin 1856, p.626-633.*]

Изданная в Париже в 1858 г. книга Базанкура «Экспедиция в Крым»,* [**Basancourt C. de. L'expédition de Crimée. L'armée française à Gallipoli, Vame et Sebastopol. Chroniques militaires de la guerre d'Orient. v. 1–2 Paris, 1858.*] по мнению Е. Тарле, «...военная хроника участника войны, день за днем ведшего свои записи и напечатавшего тут же полностью ряд драгоценных документов, является одним из лучших источников, во многом единственным и незаменимым, несмотря на все ошибки и неточности, которые были неизбежны». Поправлю знаменитого академика: с точки зрения описания непосредственно военных действий у Базанкура ошибок много меньше, чем у самого Тарле. Но и тут проблема не в знаниях советского ученого. Базанкур как-никак очевидец событий. И он не имел счастья писать труд в условиях сталинских кровавых 30-х. Не менее интересен труд французского автора «Действия французского флота на Черном море и Балтике: хроника событий Крымской войны». Там можно найти интересные детали перехода в Крым союзных сил, подготовки к высадке, высадки и самого Альминского сражения.* [**Bazancourt, Cesar Lecat, La marine française dans la Mer noire et la Baltique: chroniques maritimes de la guerre d'Orient. T.I, Paris, 1856, p.242.*]

Отвлечемся на несколько слов о русских авторах, ссылки на воспоминания и теоретические труды которых использованы в данном описании происходившего 20 сентября на берегах Альмы. Хотя они в отличие от труда Базанкура не оказали влияния на военно-теоретическую мысль Ф. Энгельса,* [**Бабин А.И. Формирование и развитие военно-теоретических взглядов Ф.Энгельса, М., 1975 г., с.104*] вклад в теорию и историю военного искусства их авторов неопределим.

Условно разделим их на три основные категории.

Первая – это непосредственные участники событий начала войны. Работать с их воспоминаниями одновременно и легко, и трудно. Если с первым все понятно, то со вторым сложнее прежде всего потому, что война – слишком интимное переживание для тех, кто воевал. Для любого участника характерно очень много эмоций, часто не способствующих точному пониманию события. И все-таки только они видели правду. Они очевидцы, и потому начнем с них. Их не так много, но я не утверждаю, что использовал всех.

В первую очередь В.Ф. Бейтнер – поручик Московского пехотного полка, Ф.И. Приходкин – поручик Минского пехотного полка, А.А. Панаев – адъютант главнокомандующего генерал-адмирала князя А.С. Меншикова,* [**Князь Александр Сергеевич Меншиков в рассказах бывшего его адъютанта Аркадия Александровича Панаева 1853–1854//Русская Старина, Том. XVIII, СПб., 1877 г.] А.П. Хрущёв – командир Волынского пехотного полка, А. Розин – обер-офицер Владимирского пехотного полка, капитан-лейтенант Д.В. Ильинский, командир морского батальона, поручик Н.А. Горбунов – полковой адъютант Владимирского пехотного полка,* [**Воспоминания об участии при защите г. Севастополя бывшего в то время полковым адъютантом Владимирского пехотного полка поручика, ныне отставного майора Наума Александровича Горбунова//Сборник рукописей, представленных Его Императорскому Высочеству Государю Наследнику Цесаревичу о Севастопольской обороне севастопольцами, Том.1, СПб., 1873 г., с.55–88.] лейтенант В. Стеценко – офицер штаба князя А.С. Меншикова. Оставил свои записки о происходившем 20 сентября 1854 г. и официально назначенный «главным виновником поражения» (о чем мы еще подискутируем) генерал-лейтенант В.Я. Кирьяков, которого, по его словам, «...беспристрастие и строгая истина обязывают повести рассказ».* [**Дубровин Н.Н. Материалы для истории Крымской войны, СПб, 1871 г., вып. 2, с. 432–439.*] Понимаю, что начальник 17-й пехотной дивизии не столь виновен в поражении, как стараются преподнести князь А.С. Меншиков и официальные историографы, но и не восторгаюсь им. Одно упоминание об обстреле его пехоты «шрапнелевой картечью с пароходов» наводит на мысль, что сей генерал или просто безграмотен, или врет. Отдельно упомяну воспоминания командира 16-й дивизии генерала О. Квицинского.**

Их публикация породила выход записок еще одного из участников сражения – генерала (в сражении – полковника) штаба князя Меншикова Вунша «Несколько слов против «Новых подробностей о сражении при Альме» в «Военном сборнике».

Воспоминания писали люди разные как по характеру, так и по степени участия в сражении. Если говорить о профессионализме авторов, оставивших воспоминания о сражении, то тут вне конкуренции Бейтнер и Приходкин. Каждый из них рассматривает сражение «... и как очевидец, и как действующее лицо».* [*Бейтнер В.Ф. Действие в Альминском сражении Московского пехотного полка 8-го сентября 1854 года под непосредственным распоряжением князя Меншикова//Сборник рукописей, представленных Его Императорскому Высочеству Государю Наследнику Цесаревичу о Севастопольской обороне севастопольцами. Том.3, СПб., 1873 г., с.296.*]

Если эти двое были непосредственно в рядах сражавшихся и их рассказы действительно объективны, то воспоминания молодого и восторженного адъютанта князя Меншикова А. Панаева – панегирик своему патрону юного аристократа, который был «...более по части лошадей»,* [*Записки Владимира Ивановича Дена//Русская старина. Том. 65, СПб., 1890 г., с.659.*] нежели беспристрастным квалифицированным свидетелем. Но при этом он был рядом с князем и, нужно признать, детально описал все, что происходило вокруг. Не столь масштабны, но интересны в плане описания отступления русских войск после сражения воспоминания полкового адъютанта Волынского пехотного полка Маклакова.

Наиболее масштабным, объемным, достоверным, действительно профессионально написанным, на мой взгляд, документом является статья полковника Ф.И. Приходкина. В звании поручика этот офицер принимал участие в сражении вместе со своим отцом – полковником И. Приходкиным, командиром Минского пехотного полка. Работа опубликована в журнале «Военный сборник» в 1870 г.* [*Приходкин Ф.И. Альминское сражение // Военный сборник №10, СПб., 1870 г., с.5–28.*] В отличие от других очевидцев сражения Ф.И. Приходкин дает спокойный бесстрастный анализ происходившего, стараясь свести воедино фактический материал, свидетельства других участников, в том числе и с противоположной стороны, систематизируя их по времени и месту событий. Это отличает его работу, базирующуюся на знании автором военного искусства и тактики, умением беспристрастно излагать суть происходившего, не давая места положительным или отрицательным эмоциям, которыми изобилуют прочие труды. В 1904 г. в этом же издании Ф.И. Приходкин опубликовал вторую часть своих воспоминаний.* [*Приходкин Ф.И. Альминское сражение // Военный сборник №10, СПб., 1870 г., с.20–29.*] Она уже касалась действий на правом фланге русской армии во время сражения на Альме. Кстати, качественно она ниже, чем опубликованная 30-ю годами ранее, но все равно это взгляд участника.

Статья Ф.И. Приходкина перекликается с воспоминаниями В. Бейтнера,* [*Действия в Альминском сражении Московского пехотного полка 8-го сентября 1854 года под непосредственным распоряжением князя Меншикова// Сборник рукописей, представленных Его Императорскому Высочеству Государю Наследнику Цесаревичу о севастопольской обороне севастопольцами, Том.3, СПб., 1873 г., с.284–355; Шульман Ю. От Севастополя до Неноксы. Владимир Бейтнер – воин, исследователь, писатель. М., 2002 г.*] командира взвода 4-го батальона Московского пехотного полка. Бейтнер точно оценил все иные источники и констатировал сумбур и разночтения, изобиловавшие в них, в результате чего «...никто не мог толка добиться, читая описания сражения на берегах Альмы...».* [*Приходкин Ф.И. Альминское сражение // Военный сборник №10, СПб., 1870 г., с.5.*] Его работа – подробно изложенный ход участия в Альминском сражении Московского пехотного полка. Статья выделяется современниками как наиболее объективное описание событий.

«Этот эпизодический очерк Альминского сражения, к несчастью, служит самым ярким неопровержимым доказательством, в какой степени мы осенью 1854 года были во всех отно-

шениях неспособны и неготовы предпринять возникшую борьбу против силы целой половины Европы. Грустно и жалко читать эти подробности о событиях того дня, где полнейшее отсутствие единства в действиях и распорядительности со стороны высших начальников и разумной исполнительности со стороны низших деятелей возымели какое-то гнетущее действие даже на самую отвагу нашего неустрашимого солдата и едва не привели нашу армию к окончательной гибели. С какою-то особенною, как-бы преднамеренною отчетливостью г. Бейтнер живописует и все промахи, недоразумения и столкновения военачальников между собою, и общая неумелость является очевидной даже для читателя, нисколько не посвященного в тактические позиции. Рождается полнейшее сознание, что только там, где требуются личное мужество, упорное противодействие, постоянная готовность своей грудью и жизнью отстаивать каждый шаг, появлялось некоторое равенство между воюющими сторонами, и часто даже силы нравственные, силы народного духа превозмогали над всеми ухищрениями и тончайшими изобретениями военного искусства. Но лишь только возникало столкновение в открытом поле, где требовались со стороны руководителей знание, опытность и распорядительность, наша несостоятельность немедленно выходила наружу и внушала общее колебание и смятение.

В этом отношении эта статья не только занимательна, но и в высшей степени поучительна, и во имя этого результата примиряешься с грустным впечатлением, ею производимым». * [*Тимирязев Ф. Рукописи о севастопольской обороне, собранные Государем, Наследником Цесаревичем//Русский Архив, Том. 1-6, М., 1873 г., с. 197–198.*]

В. Бейтнер, говоря о событиях 20 (8) сентября 1854 г., отмечает массу противоречий у авторов, в том числе участвовавших в сражении. По его мнению, причин тут много. Например, эти самые разночтения и неточности породили низкий уровень не только военной, но и вообще грамотности офицеров. К таким он отнес ошибки полкового адъютанта Московского полка подпоручика Яковлева, буквально накануне произведенного в офицеры, не имевшего элементарных военных знаний и «...растерявшегося среди тех грозных событий». * [*Шульман Ю. От Севастополя до Неноксы. Владимир Бейтнер – воин, исследователь, писатель. М., 2002 г. с. 42–43.*] Помимо этого, имело место откровенное искажение фактов со стороны лиц, в той или иной форме виновных в поражении. * [*Шульман Ю. От Севастополя до Неноксы. Владимир Бейтнер – воин, исследователь, писатель. М., 2002 г. с. 40–43.*] Подобное «отбеливание» в дальнейшем станет характерным не только для Альмы, но и для всей Крымской войны, а затем и для других событий русской военной истории. Об этом мы будем не раз говорить по ходу повествования. Скажу лишь, что мы не найдем при всем желании единого взгляда на происходившее у упомянутых авторов. Это характерно для тех, кто лично участвовал в сражении, но в деталях. В главном их взгляды совпадают. В том числе и на причины поражения. Но в этом случае они часто идут вразрез с теми, кто руководил войсками. Например, с генералом В.Я. Кирьяковым, который по своим месту и роли в сражении, казалось бы, должен был дать самую точную характеристику событиям. Однако будучи обвиненным в едва ли не основной роли в поражении русских войск, он углубляется в собственное оправдание, а потому его труд более похож на защиту обвиняемого перед судом, чем на воспоминания одного из начальников.

Что касается действий артиллерии, то о них мы можем прочесть в «Воспоминаниях артиллериста», опубликованных в изданной в «Материалах по истории Донской артиллерии» (1907 г.). * [*Калинин Б.М. Материалы по истории Донской артиллерии, Новочеркасск, 1907 г., С.136-152*]

Есть еще один русский участник сражения, которого нужно поставить особняком от остальных. Это капитан Тарутинского егерского полка Р. Ходасевич. Имя его мало кому что говорит. В то же время его интересная судьба сама по себе является сюжетом для отдельного повествования в стиле приключенческого романа. В составе русской армии он сражался при Альме и Инкермане. Весной 1855 г. майор Ходасевич сдается в плен британцам и начинает сотрудничество с польским национальным движением. В результате он меняет имена,

мундиры нескольких армий, главным образом в Южной Америке, сражаясь уже не за национальную идею, превратившись, в конце концов, по образному выражению в журнале «The Americas» (1985 г.), в «...польского солдата удачи парагвайской армии».* [**Harris Gaylord Warren Roberto Adolfo Chodasiewicz: A Polish Soldier of Fortune in the Paraguayan War.. The Americas, Vol. 41, No. 3, 1–19. Jan., 1985.*] Но пока мы оставим перипетии его жизни в покое: нам гораздо интереснее его воспоминания об Альминском сражении.* [**R. A. Hodasevich, A Voice from Within the Walls of Sebastopol: A Narrative of the Campaign in the Crimea, and of the Events of the Siege, Oxford University, 1856.*]

К сожалению, отечественная историография Альминского сражения почти не располагает воспоминаниями о событии участвовавших в нем нижних чинов: унтер-офицеров и солдат. Тут просто неопределимо творчество русских журналистов А.Ф. Погосского и Н.П. Сокальского. Как известно, они записывали воспоминания солдат и офицеров, при этом оба сохраняли неповторимый стиль общения и манеру говорить, свойственные армейской массе императорской армии. Благодаря им до нас дошли рассказы этой категории личного состава русской армии. Особо интересны, конечно, работы Погосского. Применительно к сражению на Альме можно использовать его рассказы «Камень Кремневич. Очерк из мелких дел солдатских», «Старики. Рассказ из Крымской войны».* [**Погосский А.Ф. Камень Кремневич. Очерк из мелких дел солдатских; Старики. Рассказ из Крымской войны //Русская военная проза XIX века, Л., 1989 г., с.283–339.*] Прекрасные воспоминания нижнего чина, хотя и литературно обработанные, но отлично передающие колорит русского солдата, его дух и характер.

Вторая группа источников представлена военно-историческими исследованиями дореволюционных отечественных авторов, уделявших значительное внимание той или иной стороне сражения на Альме. Мы их упоминали не раз. Это генералы М.И. Богданович,* [**Богданович М.И. (1805–1882 гг.) – генерал-лейтенант, заслуженный профессор, известный военный писатель.*] автор первого российского описания экспедиции союзников в Крым, А.М. Зайончковский, уже неоднократно упомянутый нами полковник Н.Ф. Дубровин. К ним отнесем труды Д.А. Милютина и Н.Н. Обручева. Это сугубо теоретические исследования Альминского сражения. Лучшие из них – работы будущего реформатора русской армии Д.А. Милютина* [**Милютин Дмитрий Алексеевич, граф – один из ближайших, наиболее энергичных и заслуженных сотрудников императора Александра II. Генерал. Военный министр России.*] «Описание сражения на р. Альме 8 сентября 1854 г.» и «Статья о фланговом маневре Крымской армии 13–14 сентября 1854 г.». Биографы генерала обращают внимание на тщательность изучения им поражений армии в Крыму, особенно столь фатальных, как Альминское. Несомненно, они были положены Д.А. Милютиным в основу грядущих реформ.* [**Осипова Н. Д. А. Милютин. М., 2005 г., с. 62.*]

Кое-что можно обнаружить у А. Куропаткина. Авторы дают вполне исчерпывающий фактический материал, благодаря чему эти работы сохраняют определенное значение и сейчас.

Труд генерала А.М. Зайончковского «Восточная война 1853–1856» – энциклопедия по вопросам организации, тактике и вооружению русской армии и войскам союзников. К сожалению, автор свою широко задуманную историю успел довести лишь до конца Дунайской кампании. Наибольший интерес представляют приложения, содержащие много военных документов. Кстати, не изданные части труда Зайончковского можно обнаружить в различных современных изданиях. Это сырой материал, но тем не менее интересный.

Аналогичный труд генерала Богдановича «Восточная война 1853–1856 гг.» не менее интересен, но содержит несколько ошибок, касающихся, как ни прискорбно, именно Альминского сражения. Так, на схеме сражения, приведенной автором и используемой во многих работах по истории Крымской войны:

1. Московский полк показан в полном составе, а на самом деле один из его батальонов находился как минимум в километре от полка.

2. Построение Минского и Московского пехотных полков показано неправильно. Оно не соответствует ни Бейтнеру, ни Приходкину, ни Кирьякову.

3. Турки показаны в полном составе выведенными в резерв, в то время как они непосредственно участвовали в сражении.

4. У англичан бригада генерала Торренса* [**Бригадный генерал Торренс – в сражении на Альме командир 2-й бригады 4-й дивизии (46-й, 57-й, 63-й пехотные полки).*] показана как участвующая в бою, хотя она не успела даже к завершающей фазе сражения, совершив длительную «экскурсию» по близлежащим окрестностям, чуть даже не оказавшись в Симферополе.

5. 19-й полк английской армии показан в составе бригады Буллера,* [**Бригадный генерал Джордж Буллер – в сражении на Альме командир 2-й бригады Легкой дивизии (19-й, 77-й, 88-й пехотные полки).*] тогда как в сражении он примкнул к бригаде Кодрингтона* [**Бригадный генерал Кодрингтон – в сражении на Альме командир 1-й бригады Легкой дивизии (23-й, 7-й фузилерные полки, 33-й пехотный полк).*] и до конца боя действовал в ее составе.

У М.И. Богдановича интересны его личные суждения, но в большинстве случаев он опирается на также используемые мной работы Тотлебена, Базанкура, Кинглейка и других авторов. Настоятельно рекомендую познакомиться с рецензией на его труд другого исследователя Крымской войны Н. Дубровина, опубликованной в разделе «Библиография» журнала «Военный сборник» в 1877 г.* [**Дубровин Н. Восточная война 1853–1856 годов. Сочинение М.И. Богдановича//Военный сборник, №2, СПб., 1877 г., с.107–144.*] Это даже не просто рецензия на книгу, а самостоятельный, объективный военно-научный труд. Дубровин отмечает явные ошибки, содержащиеся в сочинении генерала Богдановича, справедливо критикуя последнего за использование непроверенных документов, часто просто сомнительных по достоверности: «...сплетни не освещают события истинным светом, а освещают их приведенные нами документы».* [**Дубровин Н. Восточная война 1853–1856 годов. Сочинение М.И. Богдановича//Военный сборник, №2, СПб., 1877 г., с.144.*]

В целом книга Богдановича очень похожа на него самого, каким его знали по воспоминаниям современников.

«М.И. Богданович, читавший военную историю и стратегию, был довольно скучным профессором. Он в противоположность Карцеву читал вяло, вода палочкой по карте вслед за теми линиями, которые были обозначены на ней и, в конце концов, глядя на записочку, перечислял всегда очень исправно, сколько было в сражении взято в плен, сколько обеими сторонами было потеряно людей, орудий, лошадей и зарядных ящиков».* [**Зыков С.П. Наброски из моей жизни//Русская старина Том. 144, СПб., 1910 г., с.643.*]

Следующая категория источников – это труды участников Крымской войны, но лично не сражавшихся при Альме. У них различная ценность. На первом месте несомненно работа под редакцией выдающегося фортификатора генерал-адъютанта Э.И. Тотлебена «Описание обороны города Севастополя».* [**Описание обороны города Севастополя, под рук. генерал-адъютанта Тотлебена, Ч.1, СПб., 1871 г., с.233.*] Это монументальное издание, включающее технические подробности, снабженное прекрасными планами. В отношении рассматриваемого нами сражения его хотя и нельзя ставить в один ряд с воспоминаниями участников, но не использовать – неправильно. Обратим внимание на его описание союзных войск. Э.И. Тотлебен высоко оценил боеспособность британских солдат, детально анализируя их состояние и действия при Альме, Балаклаве и Инкермане, а также при осаде и обоих штурмах Севастополя.

Его французский оппонент – упомянутый генерал Ниель. Тоже военный инженер, то есть из тех, которые строят одной рукой и разрушают другой.

Труд французского генерала менее объемён, но не менее интересен. Писать историю Крымской кампании, особенно последних ее месяцев, без опоры на этого автора нельзя. Хотя к Альминскому сражению он имеет небольшое отношение не будучи, как и Тотлебен, непосред-

ственным участником, но его статистика событий первого периода войны заслуживает внимания.

Еще один автор из этой категории, на воспоминания которого иногда ссылаются исследователи, – это бывший начальник артиллерийских парков южной и крымской армий генерал Л.Г. Духонин.* [**Духонин Л.Г. Под Севастополем в 1853–1856 гг.//Русская Старина, 1885 г.*] В данном случае следует помнить, что автор прибыл в Крым после сражения на Альме (в должности командующего артиллерией и артиллерийскими парками Южной армии), описывает начальный период войны со слов его участников, к тому же не всегда и во всем объективно. Очевидно, к этому времени уже постепенно сформировалась официальная точка зрения и вышеуказанный генерал старается ее придерживаться. Как источник информации его воспоминания представляют незначительную ценность. Он часто путает хронологию, персоналии и даже места событий. Современники его за серьезного исследователя не жаловали и при малейшей попытке найти правду, чем генерал начал грешить после Крымской войны, жестоко хлестали на страницах различных изданий. Едва Духонин заикнулся об ошибках Меншикова, более того – упрекнул князя в «равнодушии к пользам государства», как стал объектом уничтожительной критики.* [**Алабин П.В. На Дунае и в Севастополе 1854–1855//Русская Старина, Том. 50, СПб., 1886 г., с.389.*]

Четвертая группа источников – работы современных, в том числе и советских историков. К ним в первую очередь мы должны отнести неоднократно упомянутую «Крымскую войну» академика Е.Тарле. Как бы мы ни относились к его работам, но обойтись без их использования в исследовании истории Крымской войны нельзя. Притом любого ее эпизода. Нужно просто помнить, что в советский период историческое знание стало еще более формализованным, отражаясь в жестко дефинированных определениях, выверенных, как говорится, до запятой. Подаваемая информация нередко обретала черты догмы и в таком виде излагалась в учебной, научной и научно-популярной литературе.* [**Белгородская Л.В. Военная история России в англо-американских энциклопедических изданиях//Военно-исторический журнал, №1, М., 2007 г., с.42.*]

Массу источников оставили иностранные участники сражения. Обращает на себя внимание число воспоминаний нижних чинов английской армии. Благодаря этому только у британцев можно найти дневники и письма рядовых солдат, которые дают возможность увидеть мельчайшие детали боя. К таким источникам можно отнести дневник сержанта Чарльза Вильяма Эшервуда из 19-го полка «Зеленых Говарда», воспоминания «Голос из Строя» капрала (в последствии сержанта) 7-го Кралевого фузилерного полка Тимоти Гоуинга, записки одного из первых кавалеров Креста Виктории сержанта 23-го Уэльского фузилерного полка Люка О'Коннора.* [**EL (Peter) Kirby MC TD DL, Major My Story, by Major General (formerly Sergeant) Luke O'Connor VC// One//The War Correspondent, Vol.18, Number 4, January 2001, p. 22–25.*] Мы уже упоминали, что нижние чины русской армии почти не оставили свидетельств. Правда иногда ссылаются на «Журнал копииста Яковлева, веденный им в плену у французов и турок» и опубликованный журналом «Современник» в 1856 г. Но, увы, Яковлев к категории нижних чинов не принадлежал и к числу участников сражения относится косвенно.

Подобное положение дел с солдатскими воспоминаниями вполне объяснимо. С одной стороны, более высокий образовательный уровень в армиях союзников. Там число образованных солдат было очень значительным, а сержанты такими были все. С другой стороны, воспоминания об участии в Крымской и другой войнах были всегда интересны массовому читателю в Европе, они хорошо продавались, часто ложились в основу, говоря языком современным, бестселлеров, как «Герои Малахова кургана» Луи Буссенара.* [**Луи Анри Буссенар (Louis Henri Boussenard, 1847–1911 гг.) – французский писатель, автор приключенческой литературы. «Герои Малахова кургана» (фр. Le Zouave de Malakoff, 1903 г.) – книга Буссенара, посвященная событиям Крымской войны.*] Издавая свои воспоминания, английские и французские

ветераны получали возможность зарабатывать средства для содержания себя и своих семей, как это делал отставной сержант Королевских фузилеров Тимоти Гоуинг, чья книга «Голос из строя» (*Voice from the Ranks: a personal narrative of the Crimean Campaign*) имела несколько выпусков.

Немало воспоминаний младших офицеров и военных чиновников: записки лейтенанта 20-го пехотного полка Пида, письма лейтенанта Кэрри из 79-го Шотландского,* [**David Murray, Lieutenant-Colonel, The Letters of Lieutenant F.G.Currie, 79th Highlanders, Part One/The War Correspondent, Vol.21, Number 4, January 2004, p.31–33.*] воспоминания Джона Уайта – хирурга 1-го батальона Колдстримской гвардии, дневник командира 4-го легкого драгунского полка лорда Пэджета, дневник офицера конной артиллерии Уолпула Ричардса, лейтенанта Гвардейского гренадерского полка Джорджа Хиггинсона,* [**Higginsjn, George Wetworth Alexander, Sir, Seventy-one years of a guardsman's life, London, 1916.*] Натаниэля Стивенса – офицера 88-го пехотного полка «Рейнджеров Коннахта»,* [**Nathaniel Steevens The Crimean Campaign with «The Connaught Rangers» 1854–55–56 Griffith and Farran, London, 1878.*] офицера медицинского департамента доктора Холла,* [**Mitra S.M. The life and letters of Sir John Hall M.D., K.C.B., F.R.C.S. London, New York, 1911.*] Чарльза Стефенсона – лейтенанта 33-го полка.* [**At Home anf the Battlefield. Letters from the Crimea, China and Egipt, 1854–1888, By Sir Frederick Charles Arthur Stehenson, G.C.B, London, 1915.*]

У старших офицеров мемуаров не меньше. Это подполковник Шотландской бригады Энтони Стирлинг,* [**Anthony Coningham Sterling The story of the Highland Brigade in the Crimea: founded on letters written during the years 1854, 1855, and 1856, J. MacQueen, London, 1897; Anthony Coningham Sterling, Letters from the army in the Crimea, written during the years 1854, 1855, & 1856, London, 1857.*] офицер штаба лорда Раглана подполковник Сомерсет Калторп,* [**Lieutenant-Colonel S. J. G. Calthorpe Letters from Headquarters. The realities of the War the Crimea. By an Officer on the Staff. In two Volumes. Vol. 1. London. 1856.*] адъютант командира Легкой дивизии подполковник Лайсонс.* [**Sir Daniel Lysons, general, G.C.B.The Crimean war from first to last, London, 1895.*]

Эти уникальные документы дают возможность увидеть войну глазами ее рядового участника. Воспоминания сержанта Гоуинга впервые на русском языке опубликовал военно-исторический журнал «Military Крым» в 2006–2007 гг. Однако и к британским, равно как и к французским материалам нужно относиться с осторожностью. Во многих случаях они представляют попытку обелить того или иного союзного военачальника. Например, полковник Калторп, будучи не только штабным офицером Раглана, но и его племянником, в своей книге, по мнению соотечественников и современников, преследует явную цель снять груз обвинений в злоупотреблениях и некомпетентности, нагромоздившихся на голове его патрона и родственника.* [**Lieutenant-Colonel S. J. G. Calthorpe Letters from Headquarters. The realities of the War the Crimea. By an Officer on the Staff. In two Volumes. Vol. 1. London. 1856. p. 2–3.*] В то же время то, что письма, вошедшие в основу этой книги, писались непосредственно в Крыму, делает ее чрезвычайно интересной для военных историков.

В любом случае умиляться джентльменами в красных мундирах и с придыханием шептать «Правь, Британия...» не стоит... Утрите слезы на щеках... То, что англичане показали себя на Альме добрыми вояками, еще не делает их начальников умными.

Множество записок оставили французские офицеры. Благодаря симферопольскому ученому В. Орехову они увидели свет в переводе на русский язык. Это воспоминания генерала Монтодона (на Альме – командир батальона пеших егерей)* [**Крымская кампания в «Военных воспоминаниях» генерала Монтодона. Перевод с французского языка, подготовка текста и вступительная статья Д.В. Орехова//Историческое наследие Крыма, №9, Симферополь, 2005 г., с.38–56.*] и командира полка зуавов полковника (позднее генерала) Клера. В последнее время благодаря стараниям переводчика из Израиля Геннадия Беднарчика стали

известны воспоминания лейтенанта 39-го линейного полка Эрнеста Варэня. Известный французский детский писатель Гектор Мало* [**Гектор Анри Мало (Hector Henri Malot, 1830–1907 гг.) – известный французский писатель.*] сражался при Альме в звании капрала Иностранного Легиона и тоже оставил свои записки.

Конечно, нельзя работать над историей Альминского сражения, не прочитав писем виновников победы – генерала Боске* [**Lettres du maréchal de Saint-Arnaud, Michel Lévy frères, Paris, 1855 .]* и маршала Сент-Арно.* [**Lettres du maréchal Bosquet a ses amis, 1837–1860, Société des bibliophiles du Béarn, L. Ribaut, Pau, 1879.]*

Детали высадки в Крыму и сражения на Альме в записках двух адъютантов: командира 2-й дивизии дивизионного генерала Боске капитана Фея* [**Fay, Charles Alexandre, Souvenirs de la guerre de Crimée, 1854–1856 J. Dumaine, Paris, 1867.]* и командира 1-й дивизии дивизионного генерала Канробера – лейтенанта Поля де Молен, который в Альминском сражении был в конвое маршала Сент-Арно. Начальник штаба французской эскадры адмирал Буа-Вильомез тоже оставил свой труд по Альминскому сражению, удачно трансформировав последнее через другие события мировой военной истории.* [**Louis-Édouard Bouët-Willaumez, Vice-admiral, Cte, Batailles de terre et de mer jusques et y compris la bataille de l'Alma, Dumaine, Paris, 1855.]* Лучшее из того, что оставила французская армия, – конечно, воспоминания полковника Герена, участвовавшего в Альминском сражении в качестве саперного офицера.* [**Léon Guérin, Histoire de la dernière guerre de Russie: 1853–56, Tome 1, Paris, 1858.]*

Следующий интересный источник – полковые истории. Они противоречивы, так как не все авторы имели желание показать неудачи или детализировать поражения. Чаще всего это официальная летопись той или иной воинской части, которая писалась для воспитания поколений, а потому не предполагала какого-либо критического подхода к событиям, в которых полк принимал участие. Но в них содержится множество цифр, фамилий, которые помогают в анализе. Самая интересная в этом ряду, содержащая богатый фактический материал, «История 65-го пехотного Московского Его Императорского Высочества Государева Наследника Цесаревича полка. 1642–1700–1890 гг.», написанная штабс-капитаном Я. Смирновым и изданная в 1890 г. в Варшаве. В ней буквально поминутно описаны действия каждого из батальонов полка во время сражения и после него (для сравнения объем информации в истории Московского полка касательно его участия в Крымской войне в несколько раз меньше, чем в аналогичной истории британского 23-го Уэльского фузилерного полка). Последнюю удалось получить непосредственно от командира полка, за что ему моя огромная благодарность, как и многим другим, чья неоценимая помощь способствовала появлению этой книги.

Кратко дает описание происходившему «Историческая хроника 63-го пехотного Углицкого полка».* [**Историческая хроника 63-го пехотного Углицкого полка за 200 лет его существования 1708–1908. Сост. штабс-капитан М.Е. Еленев, Варшава, 1908 г.]* В полковых историях, авторами которых были специалисты, можно найти очень ценный для исследователей материал. Своеобразно, но достаточно точно подошел к описанию сражения полковник А. Рудницкий – известный русский военный историк, создавший «Историю 125-го Курского пехотного полка», правопреемника Минского пехотного полка.* [**Рудницкий А. Памятка 125-го пехотного Курского полка. Житомир, типо-литография наследн. С. Бродовича, 1891 г., из сети Интернет.]* Списки убитых и умерших от ран офицеров во время Крымской войны и в том числе при Альме обнаружались в истории Казанского пехотного полка, наиболее скромной из всех выше упомянутых.* [**Сыцяно А.И. К 200-летию юбилею 64-го пехотного Казанского Его Императорского Высочества Великого Князя Михаила Николаевича полка. СПб., 1900 г.]*

Полковые истории дают интересный материал, но страдают стремлением скрыть недостатки и максимально возвеличить роль части в том или ином событии. Это было отмечено еще в XIX веке, когда выдающийся критик, историк и издатель, редактор журнала «Русская

старина» М.И. Семевский* [**Михаил Иванович Семевский (1837–1892 гг.) – русский историк, журналист, общественный деятель.*] просил авторов «...очертить внешние действия, ярко охарактеризовать внутренний быт в различные эпохи существования; остановиться на наиболее значимых годах и личностях; обнаружить участие в том или другом перевороте; познаться с духом полка, отношениями разных чинов администрации; выставить беспорядки и смуты в полках, проступки отдельных команд и личностей». О многих полковых историях Семевский писал, что это биографии кафтанов, брюк, штанов, штиблет, сапог, шляп и пр.», а что касается боевой истории, то здесь усматривается лишь слащавое, более или менее близкое к тексту переложение работ А.И. Михайловского-Данилевского* [**Александр Иванович Михайловский-Данилевский (1789–1848 гг.), генерал-лейтенант, известный российский военный писатель, историк.*] – «славного баснописца позднейших времен».* [**Семевский М. Полковые историографии//Русский инвалид, Т.2, № 10–11, СПб., 1874 г., с. 262, 266, 268.*]

В 1880 г. в статье «По поводу состояния историй полков» А.И. Маркграфский упрекал авторов в увлечении внешней стороной, требуя давать полную и правдивую картину, возмущался стремлением многих скрыть теневые стороны прошлого.* [**Маркграфский А.И. По поводу состояния историй полков//Русский инвалид, № 230, СПб., 1880 г.*] Уже в начале XX в. генерал П.О. Бобровский писал по этой теме: «История с воспитательными задачами не должна быть панегириком, приносящим нередко более вреда, нежели пользы».* [**Бобровский П.О. Истории полков русской армии//Русский инвалид, № 84, СПб., 1901 г., с.6.*]

При всех своих недостатках полковые истории важны. Просто их нужно рассматривать в комплексе с другими исследованиями, тогда получается довольно точное и стройное описание действий русской армии.

Удалось познакомиться с полковыми историями противоположной стороны, в первую очередь английскими. Автору удалось получить из Великобритании в полном объеме или только в части Крымской кампании полковые истории 1-го, 23-го,* [**Regimental Records of the Royal Welch fusiliers (Formerly 23rd Foot), Vol. II, 1816–1914 (July) published by the Royal Welch Fusiliers, 1995.*] 44-го,* [**Thomas Carter, Historical Record of the Forty-Fourth: Or the East Essex Regiment, Gale & Polden, Chatham, 1887.*] 45-го, 57-го, 77-го,* [**Kingsford, Charles Lethbridge The story of the Duke of Cambridge's own (Middlesex regiment) London 1916.*] 88-го, 95-го* [**Harold Carmichael Wylly, The 95th (The Derbyshire) Regiment in the Crimea, S. Sonnenschein, London, 1899.*] пехотных полков.* [**Когда я говорю о полковой истории, то подразумеваю не только официальную (как, например, 23-го и 41-го полков), но и книги об участии этих полков в Крымской кампании (как, например, 1-го, 77-го, 88-го, 95-го и др.).*]

К счастью обнаружилось немало историй французских полков. Многие удалось получить. Выделяется среди них «История 2-го полка зуавов» Йозефа Спитца. Она не претендует на тактический анализ участия полка в сражении на Альме, но как воспоминания участников, их эмоции и впечатления – очень интересна. Да и цифры там приведены достаточно подробно.* [**Joseph Spitz, Histoire du 2e Régiment de Zouaves, Oran, 1901.*] Не менее интересны и истории 7-го полка линейной пехоты,* [**Émile Hippolyte Bourdeau Historique du 7e régiment d'infanterie, 1569–1890 J. Girma, 1890.*] 39-го полка линейной пехоты,* [**Historique sommaire du 39e régiment d'infanterie, Imprimerie du 39e de ligne, Rouen, 1901.*] 12-го артиллерийского полка.* [**Henri Roswag, Historique du 13e régiment d'artillerie, H. Charles-Lavauzelle, Paris, 1891.*]

В целом сведения о французских полках и их участии в Крымской войне вообще и в Альминском сражении, в частности, отрывочны. Зато благодаря французским историкам удалось получить портреты и биографии многих офицеров – участников Альминского сражения. Как пример – книга о маршале Сертене Канробере Эмиля Бурдо, изданная в 1895 г. в Париже.* [**François Bournand, Le maréchal Canrobert, Sanard et Derangeon, Paris, 1895.*] Как дополнительный материал обращает на себя внимание работа Камиля Руссе.* [**Camille Rousset, Histoire de la guerre de Crimée, Paris, 1878*]

Поистине кладезь информации – военная периодика XIX в. Очень интересно работать с «Военным сборником»,* [**«Военный сборник» – военно-теоретический журнал, возникший в 1868 г. в Санкт-Петербурге по инициативе командования отдельного гвардейского корпуса для пропаганды знаний в среде офицеров русской императорской армии.*] в котором содержится масса воспоминаний участников Крымской войны и, что немаловажно, теоретических материалов по вопросам тактики, вооружения и боевого применения войск как во время кампании, так и с учетом ее опыта. Этот журнал сам по себе создавался для популяризации в среде офицеров военных знаний, а потому являет собой серьезную не только фактическую, но и теоретическую базу для любого военно-исторического исследования.* [**Н.О.Л. «Русский инвалид» и «Военный сборник»//Русская старина, Том.134, СПб., 1908 г., с.285.*] «Русская Старина»,* [**«Русская старина», ежемесячный исторический журнал, выходил в Петербурге в 1870–1918 гг. Основан, издавался и редактировался (1870–1892 гг.) М.И. Семевским. Последующими редакторами были Н.К. Шильдер (1892–1896 гг.), Дубровин Н. Ф. (1896–1904 гг.), военные историки С.П. Зыков и П.Н. Воронов.*] «Русский Архив»,* [**«Русский Архив» – журнал. Выходил с 1863 по 1917 гг., содержал преимущественно публикации неизданных мемуарных, эпистолярных, литературно-художественных и ведомственных документальных материалов, освещавших культурную и политическую историю русского дворянства в XVIII и XIX вв. Редактор и издатель – П.И. Бартнев (1829–1902 гг.).*] «Русский инвалид»* [**«Русский Инвалид» – газета, основанная в СПб. П. П. Пезаровиусом в 1813 г., с тем чтобы весь чистый доход от издания «употребить на вспоможение инвалидам, солдатским вдовам и сиротам».*] — все это тоже дополнительный объем информации. Русская военная периодика середины XIX в. интересна прежде всего тем, что, по мнению современников, в этот период «...каждый мог говорить, что думал, о причинах неудач Крымской кампании. Разоблачения периодической печати охватывали разные стороны быта русских войск в минувшее царствование: системы содержания, образования войск, образования офицеров и т.п.».* [**К Истории военно-учебной реформы императора Александра II//Русская Старина, Том.53, СПб., 1887 г., с. 550–551.*]

Отдельно отметим исследования американских авторов. Материалы о Крымской, или Восточной войне 1853–1856 гг. относятся к числу обязательных для всех научно-справочных энциклопедических изданий в США. Американцы долго относились негативно (или, во всяком случае, прохладно) к Великобритании, являвшейся для них напоминанием о своем недавнем колониальном прошлом, как к серьезному политическому противнику, стране с иной системой приоритетов. В то же время российско-американский политический диалог с XVIII века строился на обоюдном желании двух стран досадить или уязвить Британскую империю, «в которой никогда не садится солнце». Исследователь Д. Арчел в популярном труде «Русские и американцы» («The Russian and the Americans») пишет, что в ходе Крымской войны американское командование отправило в Россию трех офицеров для военных консультаций. В том же издании говорится о приезде в Крым группы американских хирургов, согласившихся «служить под российским флагом».* [**Archer J. The Russians and the Americans. N.Y., 1970. p. 25.*]

Анализ материалов периодической печати о Крымской войне, энциклопедий и справочников США периода 50–80-х годов XIX в., проведенный московским историком А.В. Павловской, убедительно доказывает, что общий тон этих публикаций наиболее точно выразил автор одной из статей: «Не то, чтобы мы любим Россию больше, но мы ненавидим ее меньше».* [**Павловская А.В. Россия и Америка: Проблемы общения культур: Россия глазами американцев. 1850–1880-е годы. М., 1998 г., с. 25.*]

Американская историография представлена работами генералов Мак-Клееллана* [**Мак-Клееллан (Mc-Clellan) Джордж Бринтон (1826–1885 гг.), американский генерал (1861 г.). В 1846 г. окончил военное училище в Уэст-Пойнте. Участвовал в войне США против Мексики (1846–1848 гг.). В 1848–1851 гг. был преподавателем в военном училище в Уэст-Пойнте. Во время Крымской войны находился в войсках союзников в целях приобретения опыта ведения*

военных действий. В 1857 г. ушел в отставку и стал одним из крупных бизнесменов. С началом Гражданской войны в США принял сторону северян и возглавил войска добровольцев в штате Огайо, а затем Поттомаскую армию, на которую была возложена оборона Вашингтона. В ноябре 1861 г. назначен главнокомандующим войсками северных штатов. Руководимые им войска северян потерпели в 1862 г. ряд поражений в сражениях против армии южных штатов. Под давлением общественности президент А. Линкольн в ноябре 1862 г. отстранил Мак-Клеллана от командования армией. В 1864 г. выступил от демократической партии кандидатом в президенты США против Линкольна, но на выборах потерпел поражение. В 1878–1881 гг. был губернатором штата Нью-Джерси.] и У. Митчелла. Хотя многие наши соотечественники относятся к ним скептически, но пренебрегать мнениями очевидца событий Крымской войны военного наблюдателя из армии США капитана Мак-Клеллана не стоит. Один из будущих военачальников федеральных войск во время Гражданской войны (1861–1864 гг.) интересно пишет о вооруженных силах, принимавших участие в сражениях Крымской войны. Он уделяет особое внимание тактике сторон, видит причины неудач англичан в невозможности наступления в плотных боевых порядках на укрепления, превосходящие атакующих силой огня. У. Митчелл не вполне обоснованно утверждал, что в результате осады Севастополя союзники достигли всех поставленных в войне целей и она была основным содержанием войны, так же, как русско-японская фактически была борьбой за Порт-Артур.* [*Mitchell W. Outlines of the World's Military History. New York, 1931, 4-e ed. N.Y., 1940.*]

Подводя итог войне, «Американа» в 1994 г. утверждала, что в ходе ее ведения весьма симптоматичными стали смерть командующего лорда Раглана и императора Николая I в последний год войны. По ее мнению, в этом чувствовалось приближение военных действий к развязке. «Можно сказать, что Крымская война была ошибкой союзников, но Парижский мир стал полным дипломатическим успехом победителей», – констатирует американское издание. В то же время английское издание,* [*Crimean war // The Encyclopedia Americana. V. 8. 1994, p. 205.*] напротив, прямо и категорично пишет: «...война для России закончилась полным поражением и унижением».* [*Williams E. The Penguin Dictionary of English and European History, 1485–1889. Pinguin Books, 1980, p. 76.*]

Ссылки на материалы из современных средств массовой информации, конечно, далеко не всегда могут считаться объективным материалом, но в них отражен взгляд сегодняшнего времени на Крымскую войну и потому их использование целесообразно, особенно в свете происходящего сейчас переосмысления кампании.

В последнее время много российских военно-исторических журналов стало относиться к теме Крымской войны, как к одной из приоритетных. Причин тому много. Тут и стремление открыть новую тему, и попытки сделать тайное явным, и даже современная политическая ситуация на юге Европы.

Качество этих материалов совершенно разное: от откровенно слабых и популистских басен – до весьма серьезных исследований. К слабым с точки зрения военной истории относятся краеведческие сочинения севастопольцев В. Шавшина и В. Иванова. Если книги первого действительно интересны тем, что прекрасно дают описание истории памятников и исторических мест, связанных с Крымской войной, то опусы второго нет желания даже комментировать. Тем более что многие и без меня это уже сделали.

Но есть и светлые пятна. К последним можно отнести публикации серии статей Петра Кириллова в журнале «ФлотоМастер» под общим названием «Синоп: победа или поражение. Хроника боевых действий Черноморского флота в Крымской войне 1853–1856 гг.». Хотя автор и позиционирует материал как хронику, в его статьях присутствуют качественная аналитика и оценка фактов, которые до сей поры многим исследователям казались незначительными. Применительно к сражению на Альме я использовал материал, в котором описывались военно-морская обстановка на Черном море до высадки десанта, подготовка и планирование экспеди-

ции, разведывательные мероприятия сторон, переход в Крым и действия союзных сил в первые дни пребывания на территории Российской империи.* [**Кириллов П. Синоп: победа или поражение. Хроника боевых действий Черноморского флота в Крымской войне 1853–1856 гг. // ФлотоМастер, №2, М., 1999 г., с. 2–15.*]

В своей работе я опирался на современные исследования российских военно-морских теоретиков В.Д. Доценко, А.А. Доценко и В.Ф. Миронова, представленные в книге «Военно-морская стратегия России».* [**Доценко В.Д., Доценко А.А., Миронов В.Ф. Военно-морская стратегия России, М., 2005 г.*] Эта работа дает ответ многим «патриотам», с остервенением на грани глупости отстаивающим избитые догмы Крымской войны. Надеюсь, что после выхода этой книги от меня отстанут с обвинениями в отсутствии любви к Родине.

Оригинален известный российский военный историк А. Широкопад. Кроме ссылок на его труды по истории и теории артиллерии, мной использована его книга «Трагедии Севастопольской крепости».* [**Широкопад А. Трагедии Севастопольской крепости. М., 2005 г.*]

Много информативных материалов содержит журнал «Военный корреспондент» Общества исследований Крымской войны из Великобритании. Как позитивное явление можно отметить то, что аналогичный журнал издается теперь и у нас. С 2004 г. военно-исторический журнал «Military Крым» стал в определенной степени компенсировать дефицит информации о событиях Крымской войны, в том числе и об Альминском сражении.* [**Ченнык С. Минский полк в сражении на р. Альме 20 сентября 1854 г. // MILITARY КРЫМ, № 2, Симферополь, 2005 г., с. 3–16.*] Что касается слабых сторон английских авторов, то я считаю заметно недостаточным уровень аналитики, чрезмерное увлечение сухими фактами и второстепенными личностями.

Интересно сослаться на работы современных историков США, так как они, как рефери на ринге, сохраняют спокойствие в констатации фактов а их выводы абсолютно нейтральны. И, как покажет дальнейшее изложение, Крымская война для них занимает далеко не последнее место. Почти каждый сборник статей, публикуемый военными академиями США, содержит материалы о кампании в Крыму. В какой-то степени это разрушает сложившийся в среде военных историков стереотип, что американцам неинтересна ни одна из войн, кроме разве что собственной гражданской.

Среди них выделяются две работы. Тщательно и обстоятельно разобраны тактические аспекты Альминского сражения в статье «Тактический триумф при Альме» военного историка из США Т. Дейкина, опубликованной в американском журнале «Military History» в марте 1996 г.* [**T.J.Deakin, Tactical Triumph at the Alma // Military History, March, 1996, p. 20–28.*] На сегодняшний день это одно из наиболее трезвых и беспристрастных современных описаний сражения, вышедшее, к сожалению, не в отечественном, а в зарубежном издании.

Прекрасно проработана статья подполковника Патрика Мерсера из Великобритании, посвященная действиям 95-го полка в Альминском сражении.

И, конечно, статья «Военный гений в Крымской войне», опубликованная в журнале «Военный корреспондент».

Не претендую на полноту описания источников, но, думаю, у меня получилось дать их понятный и краткий обзор.

Хочу выразить благодарность за помощь коллегам из вооруженных сил Великобритании, военных музеев, военных ассоциаций и военно-исторических изданий из России, Болгарии, Англии, США, Франции, Израиля и Канады, которые оказали огромную помощь в подборе фактического и иллюстративного материала, до настоящего времени совершенно незнакомого отечественному читателю.

Крымская война в военной истории

«История с воспитательными задачами не должна быть панегириком, приносящим нередко более вреда, нежели пользы».

Генерал П.О. Бобровский,

«История полков русской армии».

События Крымской войны составляют немало интересных страниц мировой военной истории. Иногда их спешат назвать революционными, подразумевая влияние и вклад в развитие теории и практики военного искусства. Но не будем бездумно преувеличивать реальное влияние Крымской войны на историю войн. Она, по мнению А.А. Свечина, велась «... дореформенной николаевской армией, блеснувшей под Севастополем своей стойкостью, но ещё пропитанной мышлением и техникой наполеоновской эпохи, и устаревшей, как устарела и отстала от времени крепостническая Россия середины XIX века. Восточная война совершенно неожиданно получила позиционный характер, что позволило с необычайной мощью вторгнуться в военное искусство XIX века новой технике: паровому флоту, нарезному оружию, тяжелой артиллерии, телеграфу и т. д. Война протекала в русле стратегии измора».* [**Свечин А.А. Эволюция военного искусства, Том II, М.-Л., 1928 г., с.9.*]

Не подлежит сомнению – она прообраз грядущих мировых войн. Если любая война предопределяет следующую, то в этом контексте Восточная (Крымская) не исключение. Пусть количество государств, участвовавших в ней, было немалым, человечество к тому времени знало военные конфликты, в которых были задействованы более значительные людские ресурсы. А вот что действительно было новым, так это использование в ней вооруженных сил одновременно на нескольких, порой удаленных друг от друга на тысячи километров театрах военных действий. Но и это не дает повода говорить о ее глобальной революционности. Скорее, она была пограничной, продемонстрировав неразрывную связь военной мощи с экономическим потенциалом. Основные участники использовали преимущественно официально утвержденную устаревшую тактику. Одновременно некоторые начали ее совершенствование, примеряясь к новым условиям, прежде всего новым типам и системам вооружений. Крымская война стала пиком войн, сохранявших инерцию наполеоновской эпохи, одновременно набирая скорость войн следующего столетия. Начиная с Крымской войны боевая мощь армий стала уже зависеть не только от богатства воюющего государства, но и от его природных ресурсов и уровня развития промышленности. В результате тыл страны – шахты, заводы, транспорт вместе с обслуживающим их гражданским населением и прежде всего рабочими приобрел такое же значение, как и фронт, который без поддержки тыла больше уже не мог существовать.* [**Кингстон-Макклори Э.Дж. Глобальная стратегия, М., 1959 г., с.31–32*]

По данным исследования, проведенного в 1919 г. Министерством обороны США, статистика потерь Крымской войны ставит ее в один ряд с крупнейшим военным конфликтом начала XX в. – Первой мировой войной 1914–1918 гг. Разница лишь в том, что численность воюющих армий в середине XIX в. была намного меньше. Недаром среди европейских историков и политологов бытует сравнение оборонительных боев под Севастополем с тяжелыми позиционными сражениями Первой мировой войны и отсюда название, бытующее в среде ее исследователей – «первый Верден Европы».* [**Верден. Верденская операция. Это определение настолько популярно, когда речь заходит о Крымской войне, что остановимся на нем подробнее.*]

Одна из крупнейших военных операций Первой мировой войны. Началась в 1916 г. Так как Германия не располагала силами для наступления на широком фронте, она наметила план мощного удара на узком участке – в таком важном пункте, как Верденский укрепленный

район. Для его защиты французское командование вынуждено было бы бросить все наличные силы. Этот район прикрывал путь к Парижу. Немцы недооценили прочность обороны в районе Вердена и предполагали прорвать ее за короткий срок с помощью своей тяжёлой артиллерии. На верденском участке фронта французские войска оборудовали оборону по системе укрепленного района. Вокруг Вердена на удалении 7–8 км от центра крепости проходил ее внешний обвод, состоявший из мощных фортов и долговременных укреплений. Крепостные сооружения сочетались с возведенными в 1914–1915 гг. четырьмя позициями полевой обороны. Первая проходила в 6–7 км от внешней линии фортов, а четвертая – непосредственно по этой линии. Каждая позиция состояла из трех-четырех траншей, системы окопов, блиндажей, ходов сообщения и проволочных заграждений.

Общая глубина Верденского укрепленного района достигала 15 км, а протяжённость его фронта – 112 км. К началу германского наступления французы сосредоточили здесь 8 дивизий и 634 орудия, из них 244 тяжёлых. Наступление на Верден осуществляла 5-я германская армия, в состав которой входило 6 корпусов (12 дивизий), 1225 орудий (из них 703 тяжёлых) и 152 миномета. Оборона французов прорывалась на фронте 15 км. На участке прорыва были сосредоточены три корпуса и до 75% артиллерии. Плотность артиллерии на направлении главного удара достигла 110 орудий на 1 км фронта.

Бои под Верденом приняли затяжной и крайне напряжённый характер. Германское командование пыталось осуществить свой план истощения Франции и настойчиво продолжало атаки. Немцам удалось овладеть ещё несколькими фортами и небольшой территорией, но эти частные успехи были достигнуты ценой огромных потерь. Французская пехота, вооружённая станковыми и ручными пулеметами, мелкими группами укрывалась от огня немецкой артиллерии в воронках и буквально выкашивала атакующие цели противника. Большие потери наносила наступающей пехоте артиллерия. По скоплениям пехоты бросали бомбы и вели пулеметный огонь самолёты. Успешное наступление русских на Юго-Западном фронте и последовавшее за ним наступление англичан и французов на р. Сомме вынудили немцев прекратить атаки под Верденом. В августе французские войска начали наступление с целью вернуть утраченные форты и позиции. Немцы упорно оборонялись и только к исходу 1916 г. были оттеснены на свои исходные позиции. Верденская операция, длившаяся десять месяцев, закончилась безрезультатно для немцев. Через верденскую «мясорубку» прошли 70 французских и 50 германских дивизий, причем германская армия потеряла до 600 тыс. человек, а французская – свыше 350 тыс. [Американский историк Мак-Нил* [*Мак-Нил, Уильям (William H. McNeill) – современный американский историк, профессор Чикагского университета.] определил первые сражения Крымской войны – Альму, Балаклаву и Инкерман как генеральную репетицию Кениггреца* [*Кениггрец (Koniggrutz, чешский Kralove Hradec) – город и до 1884 г. крепость в сев. Чехии, при слиянии Эльбы и Орлицы. 3 июля 1866 решительная победа пруссаков над австро-саксонскими войсками.] в 1866 г., а осаду Севастополя – как образец Западного фронта первой мировой войны.* [*Мак-Нил, Уильям. В погоне за мощью. Технологии, вооруженные силы и общество в XIX–XX вв. М., 2008 г., с.264]

Можно бесконечно долго спорить о ее значении. Количество мнений будет огромным и каждый будет по-своему прав. Но одно является аксиомой: Восточная (Крымская) война – знаковое событие мировой военной истории. Поэтому ее изучение – «...одно из лучших вспомогательных средств для усвоения здоровой теории военного дела».* [*Дурон К. Тактическое образование армии в мирное время// Военный сборник, №2, СПб., 1872 г., с.231.]

По количеству примененных в ней технических новшеств она первая, в которой победа потеряла прямую зависимость от человеческой массы армий, а на первый план вышли техническое превосходство, уровень боевой подготовки, образовательный уровень командного состава. Технологический прогресс, ставший главной характеристикой Восточной войны как рубежного конфликта XIX в., сказал свое веское слово еще при Синопе, когда рухнула вся

система боя, принятая в Европе со времен побед адмирала Нельсона. Несколько часов непрерывного обстрела и несколько удачных попаданий привели к разгрому турецкого флота в собственной базе.

Это первое соперничество на поле боя военных индустрий и оружейных технологий. Определяющим фактором стала наука война. Победы стали рассчитываться, пренебрежение стратегическим планированием заведомо обрекало на поражение. Героизм разбивался о достижения человеческого разума – и успех в конечном итоге принадлежал тем, кто максимально эффективно эти достижения переносил из цехов на поля сражений. Именно после Крымской войны военная наука стала действительно общепризнанной, опирающейся на последние достижения технического прогресса. Работа командующего, командира и солдата перестала быть ремеслом, а стала одной из самых сложных профессий, требовавших длительной и качественной подготовки.

Крымская война была не только последней из прошлых войн, но стала первой из современных, когда началось практическое использование в военных действиях железных дорог, бронированных пароходов, шахт, телеграфа. Война показала огромную важность паровой машины. Крымскую войну часто называют первой технологической войной, подразумевая под этим невероятно большое для середины XIX в. количество достижений науки и техники, впервые апробированных как средство ведения или обеспечения ведения боя. Отдельные исследователи видят в этом основание считать ее едва ли не эталоном гуманизма. Характеризуя её подобным образом, наивно верить, что такой вид войны не предполагает убийство людей и животных. Скорее, наоборот, именно в результате и после кровавого опыта Крымской войны произошел очередной виток технологического совершенствования средств и способов уничтожения, в результате которого механизм истребления себе подобных стал более совершенным, массовым и жестоким. Ну а слово «культура» по отношению к событиям кампании, по меньшей мере, на мой взгляд, неуместно, а вероятнее всего, просто кощунственно. Слишком много связано с ней того, что отнюдь совершенно несовместимо с понятиями общечеловеческих духовных ценностей. Потому сегодня, в эпоху очередного витка военной науки, следует больше внимания уделять опыту Крымской войны. На наших глазах вновь происходит переход от массовых, но слабовооруженных армий к мобильным, хорошо оснащенным силам, которые ставку в бою делают не на численное, а в первую очередь на техническое превосходство. Впервые в Крымской войне воевали не только армии и не только на полях сражений решался ее исход. Это была первая в мировой истории война средств массовой информации. Первая практика цензуры сообщений с театра военных действий также связана с ней. В армиях воюющих сторон стали зарождаться элементы военной аналитики.

По количеству технических нововведений Крымская война просто уникальна. Новшества апробировались на суше и на море. Восточная война стала первой, в которой активно применялись морские мины,* [**Первое боевое применение минного оружия русскими военными моряками в XIX веке//Военно-исторический журнал, №3, М., 2006 г., с.48–51.*] и первый подрыв корабля на mine (английский «Merlin») в истории войн произошел именно в ее ходе.* [**Рубан Ю.И., Электрическая мина штабс-ротмистра Павла Шиллинга// Новый часовой, №4, СПб., 1996 г., с.115–120.*] Именно боязнь мин, о которых союзное командование знало, было одной из причин, по которой при обстреле фортов Севастополя корабли союзников вели огонь с предельных дистанций. При этом эффективность обстрела была минимальной. Термин «минное заграждение» рожден событиями Крымской войны. «Нет никакого сомнения, что пальма первенства в этом роде военных действий принадлежит русским», вынуждена была признать английская газета «Таймс» в 1854 году.* [**Рубан Ю.И. Электрическая мина штабс-ротмистра Павла Шиллинга// Новый часовой, №4, СПб., 1996 г., с.115–120.*]

Противостояние артиллерии, ее возрастающая мощь привели к тому, что «в течение нескольких лет произошел повсеместный переход от дерева к броневым плитам...».* [*Паркс О. Линкоры Британской империи. Ч.1. Пар, парус и броня, СПб., 2001 г., С.2–3.*]

Повсеместное использование новых типов бронирования потребовало огромного количества стали. В результате еще одним побочным следствием Крымской войны стало изобретение Генри Бессмером способа переделки чугуна в сталь путем выжигания из него примесей с помощью воздушного дутья в особой печи – конверторе и изобретение Сименсом мартеновского способа сталеварения. Эти новшества открыли дорогу получению дешевой стали и ее широчайшему применению. Из всех сплавов и из всех вообще материалов сталь начали применять при изготовлении технических средств наиболее всего, особенно в машиностроении. Возникли и получили широкое распространение самые разнообразные сорта стали: легированная, инструментальная, нержавеющая, жаропрочная и т.д.: «...железо сменило дерево».* [*Мак-Нил, Уильям. В погоне за мощью. Технологии, вооруженные силы и общество в XIX–XX вв. М., 2008 г., с.271–273.*]

Достижения в обработке металлов привели к тому, что после Крымской войны производство стрелкового оружия стало действительно массовым.

Совершенно иной стала система управления войсками, находящимися на удалении (порой за тысячи километров от центра государств или вообще на заморских территориях). В этом случае революционно применение телеграфа не только как средства передачи корреспонденции журналистами в свои издания, но и прежде всего (о чем забывают или не задумываются многие) средства управления войсками. Не успев состояться как элемент стратегического управления, оно сразу показало и свои отрицательные стороны. Постоянное вмешательство высоких государственных чиновников, часто совершенно некомпетентных, в дела на театре военных действий привело к тому, что британский генерал Симпсон был вынужден с досадой сказать: «...этот проклятый телеграф развалил все...».

Неоценим вклад кампании в изучение военно-транспортных проблем. Это связано с тем, что в этой, а затем и в последующих войнах материальное обеспечение армий стало зависеть от развития сети дорог вообще и особенно железных дорог.

Механический двигатель начал процесс вытеснения гужевого транспорта, когда «...в Крымскую войну 1854 года паровая повозка (системы Boydell) была применена с военными целями, доставляя из Балаклавского магазина боевые припасы в осадный парк под Севастополем».* [*Златолинский В. Автомобиль и прочие виды механической тяги в применении к военным целям//Военный Сборник, №9, СПб., 1910 г., с.131.*]

Это не единственное достижение человеческого гения, прочно обосновавшееся в военном деле. К ее времени относятся первые эксперименты с новыми типами артиллерийских боеприпасов (полигональных снарядов, например)* [*Полигональные стволы и снаряды изобрел англичанин Витворт в 1858 г. Крымская война стала толчком для этого изобретения. Есть мнение, что полигональную нарезку изобрел русский оружейник Цыгаев в 1753 г. Однако приоритет Витворта подтвержден патентом.*] и попытки использования гусениц как движителя.

Крым доказал возможность нового вида снабжения с помощью транспортных судов по морю. Этот способ доказал свою эффективность и неоспоримое преимущество над гужевым транспортом, когда «...при осаде Севастополя крестьянские телеги тщетно пытались хоть немного приблизиться к уровню снабжения морем...».* [*Мак-Нил, Уильям. В погоне за мощью. Технологии, вооруженные силы и общество в XIX–XX вв. М., 2008 г., с.278.*]

Крым едва не опередил Ипр* [*Ипр – город, расположенный на северо-западе Бельгии, в провинции Западная Фландрия, близ границы с Францией. Ипр обеспечил себе место в мировой истории как ключевой пункт Западного фронта Первой мировой войны. Ипрский выступ в британских линиях обороны стал ареной трёх крупных сражений, во время которых немцы в*

1915 г. впервые в истории применили в качестве химического оружия хлор (1915 г.) и в 1917 г. также впервые в качестве оружия – горчичный газ, ныне известный как иприт. Из 250 000 солдат Антанты, павших у Ипра, каждый пятый остался незахороненным. В память об этом у въезда в Ипр в 1927 г. была открыта воздвигнутая на британские средства триумфальная арка – так называемые Мененские ворота. В общей сложности вокруг города насчитывается не менее ста сорока военных кладбищ и мемориалов.] в реальной перспективе стать местом первого в истории применения на поле боя отравляющих веществ. Идея борьбы с противником путем проведения газовой атаки обосновывалась в 1855 г. английским адмиралом лордом Дэндоном. В своем меморандуме от 7 августа 1855 г. он предложил английскому правительству проект взятия Севастополя с помощью использования паров серы. Гнусную историю создания современных отравляющих веществ можно отсчитывать с предложения английского аристократа распространять волну ядовитых газов на большом пространстве для подавления противника. Предложение лорда, однако, широко применено не было, поскольку единственным сравнительно ядовитым газом, который в то время можно было получить в значительных количествах, являлся сернистый ангидрид, образующийся от сжигания кусковой серы на открытом воздухе. Но сернистый газ отличается малой ядовитостью и плохими физико-химическими свойствами. Потому проведенные опыты не показали хороших результатов, а предложение не получило распространение. Кстати, мысль об этом наводит на размышления о высоком и вечном.

«Не рой другому яму...» – в 1915 г. именно британцы (и вновь в союзе с французами) были жестоко наказаны десницей Всевышнего в виде смертельных немецких газовых атак.

В военном строительстве проблемы, с которыми столкнулись все без исключения воюющие стороны, предвещали конец господству устаревших военно-кастовых традиций. Они воплощались в Британии в кумовстве и покупке должностей, во Франции – в награждении высокими постами старших офицеров, часто не самых талантливых, но поддержавших переворот Луи Наполеона,* [*Наполеон III (Луи Наполеон Бонапарт) (1808–1873 гг.), французский император (1852–1870 гг.). Племянник Наполеона I. Используя недовольство крестьян режимом Второй республики, добился своего избрания президентом (декабрь 1848 г.); при поддержке военищины совершил 2.12.1851 г. государственный переворот. 2.12.1852 г. провозглашен императором. Придерживался политики бонапартизма.

При нем Франция участвовала в Крымской войне 1853–1856 гг., в войне против Австрии в 1859 г., в интервенциях в Индокитае в 1858–1862 гг., Сирию в 1860–1861 гг., Мексику в 1862–1867 гг. Во время франко-прусской войны (1870–1871 гг.) сдался в 1870 г. со 100-тысячной армией в плен под Седаном. Низложен Сентябрьской революцией 1870 г.] в России и Османской империи – в крепостничестве.

В области тактики ведения боя Восточная война, особенно ее Крымская кампания – прообраз траншейной войны более чем за столетия перед первой мировой войной.* [*Paul Kerr, *The Crimean War*, 2000, p.7.] Тактика действий против противника, маневрирующего в поле, не получила какого-либо существенного развития. Все полевые сражения Крымской войны – это подавление противника огнем с одной или нескольких позиций в сочетании с прямолинейными лобовыми давлениями. В них мы обнаруживаем больше случая, чем умения.

Но даже при этом пусть небольшие, но все-таки уроки сражений в Крыму на много лет стали определяющими в разработке тактических приемов ведения боевых действий европейскими (и не только) армиями. Влияние Альмы, Инкермана и Черной речки прослеживается и в ходе Гражданской войны в США (1861–1865 гг.),* [*Война между федеральным правительством США, опиравшимся на северные штаты страны, против 11 южных штатов, объявивших о выходе из федерации из-за несогласия с планами президента Авраама Линкольна по отмене рабства и образовавших независимое государство – Конфедерацию штатов.] франко-прусской войне (1870–1871 гг.),* [*Франко-прусская война 1870–1871 гг., война между Фран-

цией, с одной стороны, и Пруссией, а также др. государствами Северо-германского союза и Южной Германии (Баварией, Вюртембергом, Баденом, Гессен-Дармштадтом) – с другой была порождена глубокими противоречиями между Пруссией и Францией. Пруссия стремилась завершить объединение Германии под своей гегемонией, ослабить Францию и её влияние в Европе, а Франция, в свою очередь, – сохранить преобладающее влияние на европейском континенте, задержать объединение Германии, не допустить укрепления позиций Пруссии, а также предотвратить победоносной войной нарастание кризиса Второй империи.] а также во всех других мировых и локальных войнах и военных конфликтах, вплоть до Первой мировой.

В области стратегии и оперативного искусства опыт Крымской войны показал, что расширение масштабов войны и тесная органическая связь между отдельными сражениями неизбежно ведут к расширению задач стратегии, к усложнению форм и методов стратегического руководства. Отныне стратегия как высшая составляющая военного искусства должна была решать такие новые задачи, как составление мобилизационных планов, выбор и подготовка главного театра военных действий, выбор операционных направлений. Особое значение обрела проблема стратегического развертывания войск и организация их взаимодействия при действиях на различных театрах войны или на разных операционных направлениях, а также взаимодействие сухопутных сил и военно-морского флота.

Впервые возникла необходимость заблаговременной разработки планов мобилизации, сосредоточения и развертывания армий к началу боевых действий, планов ведения всей войны, отдельных кампаний и сражений. В связи с этим возросла роль генеральных штабов как органов стратегического планирования, руководства подготовкой страны и армии к войне, руководства вооруженными силами в ходе войны.* [*История войн и военного искусства.// Учебник для военных училищ. Военная академия бронетанковых войск имени Маршала Советского Союза Малиновского Р.Я. М., 1967 г., с.95.*] Поражение России в войне привело к пониманию тождественности побед в кампаниях от рациональной и тщательно организованной боевой учебы в годы мира. В вопросах профессиональной подготовки военных кадров итоги Крымской войны наглядно демонстрируют прямую зависимость успеха на поле сражения от уровня образования командных кадров, тактической грамотности офицерского состава и необходимости постоянного военно-технического совершенствования оснащения армии. Проблема военного образования стала камнем преткновения для русской и английской армий. Не меньшей проблемой оказался и недостаточный уровень одиночной подготовки солдат и сержантов.

«Крымская кампания, как в зеркале, отразила все недостатки, вызываемые такой системой обучения войск в мирное время. Русский солдат по-старому явил себя героем в этой достопамятной войне: одиннадцать месяцев своею грудью отстаивал родной Севастополь; но в то же время в полевых сражениях слишком открыто и неумело подставлял грудь неприятельским пулям, а ближайшие начальники его оказывались не вполне искусными и опытными руководителями и распорядителями боя до той минуты, когда приходилось бросаться в атаку: в этом случае они не задумывались жертвовать собою, подавая славный пример и увлекая за собой своих подчиненных...».* [*Дурон К. Тактическое образование армии в мирное время// Военный сборник, №2, СПб., 1872 г., с.240.*]

Крымская война очень противоречива. Одно из ее противоречий состоит в том, что такие прекрасные солдаты, которыми обладали воюющие стороны – русские, британские, французские, итальянские* [*В дальнейшем будем использовать это определение в отношении солдат Сардинского королевства, высадившихся в Крым в 1855 г. Это только для более доступного повествования.*] и вопреки сложившемуся мнению турецкие, сходились в сражениях, представлявших бесконечную цепь просчетов высшего военного командования всех сторон. Победу одерживал тот, у кого эти просчеты не носили характер роковых. При этом бездарность союзных генералов успешно конкурировала с бездарностью русских военачальников. Одновременно можно найти массу примеров великолепного исполнения своего долга рядовыми,

сержантами, младшими и старшими офицерами всех армий. Но эти подвиги были лишь расплатой подчиненных за ошибки и отсутствие профессионализма старших.

Исследованием этой парадоксальности занимался британский военный историк и военный теоретик Бэзил Лиддел-Гарт* [**Бэзил Генри Лиддел Гарт (Basil Henry Liddell Hart, 1895–1970 гг.) – известный английский военный теоретик и военный историк. Учился в Кембриджском университете, но с началом Первой мировой войны оставил обучение и вступил в армию. В 1920 г. опубликовал учебник «Подготовка пехоты», включавший несколько его собственных разработок. В межвоенный период активно выдвигал идеи изменения структуры британской армии за счет развития авиации и танковых войск. В 1925–1935 гг. был военным корреспондентом газеты «Дейли телеграф», а в 1935–1939 гг. работал в «Таймсе». В 1937–1938 годах Лиддел-Гарт был советником при военном министре и пытался претворить в жизнь некоторые из задуманных им реформ, но его усилия механизировать армию и развить ПВО встретили сопротивление большинства старших офицеров. В 1941–1945 гг. освещал события Второй мировой войны в качестве военного корреспондента «Дейли мейл». После войны ученый выступал с критикой идеи использования стратегического ядерного оружия, считая, что в ядерном конфликте победителя не будет.*] (хотя и весьма скептически оценивавший роль и место этой войны в истории военного искусства). Один из его выводов состоит в том, что «...при всей никчемности и бесперспективности Крымской войны мы можем извлечь из нее хотя бы некоторые уроки». Основным из них является бесплодность прямых действий, которыми эта кампания изобиловала. Лиддел-Гарт резонно утверждает, что «...когда генералы были слепы, нет ничего удивительного, что адъютант бросал Легкую бригаду прямо на пушки русских. Прямолинейность, которая пронизывала все действия английской армии, была настолько педантичной и сугубо формальной, что ставила в тупик французского командующего Канробера. Это продолжалось до тех пор, пока Канробер по прошествии нескольких лет не побывал на придворном балу. Тогда его внезапно осенила мысль и он воскликнул: «Англичане воюют так же, как Виктория танцует!».* [**Бэзил Лиддел Гарт. Стратегия непрямых действий, М., 1957 г., с.156–157.*] Это, конечно, ирония, но подтекст в ней присутствует.

Говоря о русских, британский историк утверждает, что они «...не в меньшей степени были склонны к прямым действиям, поэтому однажды, когда они попытались применить маневр, полк после длительного марша в течение целого дня снова оказался к ночи перед Севастополем, откуда он выступил на рассвете».* [**Бэзил Лиддел Гарт. Стратегия непрямых действий, М., 1957 г., с.156–157.*]

Основной вывод, который сделал автор касательно состояния армий, состоял в том, что «...если военный инструмент превосходит по своим качествам возможности полководца, значит, во всей системе имеется какой-то изъян».* [**Бэзил Лиддел Гарт. Стратегия непрямых действий, М., 1957 г., с.156–157.*]

Согласимся, уж чего-чего, а изъянов с избытком хватало в организации военных машин всех воюющих сторон, причем на протяжении всей кампании. Отсюда проистекает еще один вклад Крымской войны в основы стратегического управления войсками: успех в кампании напрямую зависит от организации управления и взаимодействия на всех уровнях. Стратегические просчеты обнажили внутренние пороки России. Недостаток запасов вооружения, который пришлось уже в ходе войны наверстывать невероятными усилиями, отсутствие дорог, казнокрадство и взяточничество – следствие их. Последние два порока показали, насколько свой чиновник хитрее, изобретательнее, безжалостнее, а потому опаснее противника. Войны и военные конфликты последних лет только подтверждают это. В 1853–1856 гг. явственно стали просматриваться административная анахроничность и катастрофическая техническая отсталость Империи.

Единственное положительное, что есть в любой войне – это уроки, которые она преподносит. Но у нас и с этим проблемы – мы упорно не хотим ничему учиться. Вот и сейчас, совсем

недавно грянул гром войны августа 2008 г. на Кавказе. И все снова, как 150 лет назад: бестолковость генералов, воровство, ободранные солдаты, устаревшая техника. И все на фоне массового традиционного героизма русского солдата, такого же непрехотливого и преданного стране.

Мы часто за все подряд, в том числе и за собственные проблемы ругаем американцев, а поучиться у них отношению к своей военной истории, которую они не делят на успешные и проигранные битвы, стоит. Для них главное – опыт, который можно извлечь и с максимальной эффективностью использовать в дальнейшем. В 1986 г. заместитель командующего сухопутными войсками США генерал-лейтенант Р.Форман отметил связь военной истории с современностью. «Состоявшаяся 120 лет назад битва при Геттисберге,* [**Битва при Геттисберге – решающее сражение Гражданской войны в США, проходившее с 1 по 3 июля 1863 г. В конце июня 1863 г. армия южан (около 70 тыс. чел. и 250 орудий) генерала Р. Ли, обойдя армию северян с запада, вторглась в Пенсильванию с целью овладения Вашингтоном. Армия северян генерала Дж. Мида (около 90 тыс. чел. и 300 орудий) для прикрытия столицы двинулась от рубежа р. Потомак на север к Геттисбергу и заняла оборону южнее Геттисберга. В течение 3 дней северяне отразили все атаки южан и вынудили их к отступлению. Победа при Геттисберге создала перелом в войне в пользу северян.*] – сказал он, – имеет отношение и к нынешней воздушно-наземной операции, так как она подтверждает все принципы ведения войны. Она заставляет нас думать о факторах времени и местности, о необходимости разведки и четкого управления. Сегодня мы не будем сражаться, как тогда, но Геттисберг заставляет нас творчески мыслить».* [**Army Times, 1986, May. 19.*]

Так и кампания в Крыму: не имея почти ничего общего с современной концепцией ведения боя, оно заставляет задуматься над ним, преподнося уроки, хоть горькие и обидные, но актуальные до сегодняшнего дня.

Нужно отметить, что американские исследователи часто обращаются к истории Крымской войны и Альминского сражения, проводя параллель между этими событиями и последующими, произошедшими на американском континенте спустя несколько лет. Иногда даже складывается впечатление, что там, за океаном, Крымской войной интересуются больше, чем здесь – на земле, где разворачивались эти драматические события.

Мы говорили, что военный опыт Крымской войны оказал значительное влияние на Гражданскую войну в США, и при внимательном взгляде на оба конфликта можно провести много параллелей. Крымская кампания – модель Гражданской войны в США. В них много общего, обе воюющие стороны, как южане, так и северяне, активно использовали уроки кампании в Крыму, чему способствовало присутствие среди солдат и офицеров федерации и конфедерации ветеранов Восточной войны.

Отметим еще несколько наиболее известных и значительных вкладов, связывающих мировую военную историю с Крымской войной. Впервые миссия военных наблюдателей выполняла свои обязанности на обеих воюющих сторонах (комиссия посетила Англию, Францию, Австрию, Пруссию и Россию). Ее деятельность вполне можно считать прообразом современных групп военных наблюдателей ООН (хотя американские военные не имели права вмешиваться в события и не пользовались никакими рычагами влияния на противоборствующие стороны). Американские наблюдатели в Крыму переняли опыт организации полевой военно-медицинской службы, использования железных дорог, средств управления войсками и связи. Колоссальный опыт военно-полевой медицины, санитарной профилактики заболеваний в условиях длительных военных действия во время Крымской войны легли в основу организации санитарной службы армии США.* [**Stanhope Bayne-Jones, M.D, The Evolution of Preventive Medicine in The United States Army, Washington, 1968, p.89.*]

По рекомендации группы наблюдателей в Крыму под руководством полковника Делафилда* [**В 1854 г. американская сторона послала в Россию делегацию во главе с майором*

*Ричардом Делафилдом и двумя офицерами инженерной службы армии США: капитаном Альбертом Мордекаем, капитаном Джорджем Мак-Келланом. Президент направил группу для наблюдения за военными действиями с российской стороны, потому что, по мнению американцев, русская армия считалась одной из выдающихся в мире. Делегации пришлось 4 месяца ждать, но они так и не получили разрешения от царя отправиться на театр военных действий. В результате пришлось обратиться к правительству Англии, разрешившему миссии работу в Крыму. Американская военная история считает работу миссии образцом военного профессионализма, но в то же время многое из её работы так и не было использовано на практике, что привело к проблемам для всех воюющих сторон во время Гражданской войны в США. (Matthew Moten, *The Delafield Commission and the American military profession*, Texas A&M University Press, College Station, 2000).] в американской армии впервые в мире появились специальные офицеры, занимающиеся вопросами организации железнодорожных перевозок. Инженерный опыт осадных работ был использован северянами под Висксбургом* [*В 1863 г. федеральная армия США под командованием У. Гранта заняла после длительной осады город Висксбург – последнюю крепость южан на реке Миссисипи под контролем Конфедерации. Территория Конфедеративных государств оказалась разрезанной надвое. Вместе со сражением при Геттисбурге взятие Висксбурга означало «начало конца» войны между Севером и Югом.] и Ричмондом.* [*Во время Гражданской войны в США Ричмонд был столицей Конфедерации. Взят федеральными войсками в 1865 г.] Обороняемый южанами форт Фишер (прозванный ими Севастополь, а его главное укрепление Малахов) был укреплен по опыту фортификационных работ Э.И. Тотлебена в Крыму.* [*Операция по взятию форта Фишер, предшествовавшая взятию Уилмингтона, началась в декабре 1864 г. Тогда взятие форта было поручено Батлеру при поддержке флота, но генерал, боясь штурмовать мощные стены Фишера, выдвинул авантюрный план: тайно подвести к ним начиненное порохом судно и взорвать его вместе со стенами. В ночь на 24 декабря эта вздорная попытка закончилась, как и следовало ожидать, бесполезным взрывом судна, так и не подведенного вплотную к стенам форта. Батлер, не поддержав атаки флота и бросив на простреливаемом берегу до 600 своих успешных высадившихся десантников, постыдно бежал в форт Монро. Немедленно уволив Батлера за трусость, Грант назначил на его место генерала Альфреда Тэрри, который в течение 12–15 января при активном участии флота осуществил эту сложнейшую и крайне важную для Севера операцию, захватив форт Фишер и полностью разгромив его гарнизон. Северяне при этом потеряли 1341 человека (включая 386 погибших и раненых моряков), а потери южан доходили до 2,5 тыс. человек, при этом в плен попало 2083 человека. А 22 февраля части Скофилда и Тэрри вступили в Уилмингтон.]*

По мнению американского военного историка, полковника Мэтью Моттена, содержащемуся в его труде «Комиссия Делафилда и американский военный профессионализм», опубликованном в Пенсильванском университете (США), основные концепции военного искусства США были разработаны именно по итогам работы этой группы наблюдателей. Опыт переброски морем крупной группировки экспедиционных сил на территорию, занятую противником, составил основу современной военной доктрины использования вооруженных сил США. Он был успешно и неоднократно применен ими в ходе высадок американских солдат в войнах конца XIX – начала XXI столетий.* [*Matthew Moten, *The Delafield Commission and the American Military Profession*, Texas A&M University Press, 2000, p.197–211.] В современной американской военной науке книга входит в перечень рекомендованных для изучения каждым офицером армии США.

Говоря о новшествах, мы не имеем права не упомянуть тот выдающийся вклад, который был сделан Крымской войной в развитие медицины, особенно в ее практику. Колоссальный опыт военно-полевой хирургии, военно-полевой терапии, санитарной службы кампании в Крыму лег в основу организации медицинских служб практически всех армий мира. Ряд выда-

ющихся отечественных врачей XIX в. и начала следующего столетия неоднократно обращались к проблеме оказания помощи больным на театрах военных действий. Они изучали заболеваемость в войсках, стремились разрабатывать методы лечения наиболее распространенных заболеваний. основоположник отечественной терапии М.Я. Мудров* [**Мудров Матвей Яковлевич (1776–1831 гг.) – один из основоположников терапии и военной гигиены в России, профилактического направления в российской медицине. Разработал схему обследования больного. Впервые ввел в практику составление истории болезни.*] указывал, что военная терапия является одной из четырех основных частей военной медицины. В многотомном труде А. Чаруковского «Военно-походная медицина» (1836 г.) один из томов назван «Болезни армии», в котором обращается внимание на существенные особенности течения заболеваний у солдат, определяемые условиями войны. Автор пишет, что солдат «поражается... особенными болезнями, либо и общими всему человеческому роду, но с течением военных обстоятельств значительно измененными».

Изучению заболеваемости в периоды войн было уделено немало внимания отечественными авторами и до, и во время Крымской войны. Так, Я.И. Говоров (1818 г.)* [**Я.И. Говоров (1779–1828 гг.) – известный русский врач.*] анализировал заболеваемость, имевшую место в русской армии в период Отечественной войны 1812 г.; А.А. Чаруковский,* [**А.А. Чаруковский (1798–1848 гг.) – русский военный врач, автор книг «Рассуждения о военной медицине вообще и в каком состоянии находится она в России» (1836–1837 гг.) и «Народная медицина, примененная к русскому быту и разноклиматичности России» (1844 гг.)*] К. К. Зейдлиц* [**Карл Карлович Зейдлиц (Karl Johann von Seidlitz; 1798–1885 гг.) – доктор медицины, русский врач и писатель.*] изучали заболеваемость в период войны с Турцией (1828–1829 гг.); Н.И. Пирогов, С.П. Боткин – в период Восточной войны (1853–1856 гг.)* [**<http://militarymed.org/>*]

По своей значимости опыт военно-медицинских исследований почти равен опыту ведения боевых действий, а в некоторых случаях превосходит его. Хотя при изучении всевозможных источников создается впечатление, что основным носителем этого опыта была Флоренс Найтингейл. Ее заслуги несомненно велики, и нельзя не склонить голову перед памятью этой великой англичанки. Но в то же время в тени незаслуженно находится такой известный британский хирург, как Спенсер Уэлс.* [**Уэлс (Wells), Томас Спенсер, выдающийся английский гинеколог и хирург (1818–1897 гг.), первым стал применять овариотомию; в Лондоне сделал до 1882 года 1071 такую операцию. Автор книг «Diseases of the ovaries» (1892 г.); «Ovarion and uterine tumours» (1882 г.)*] Будучи обычным полковым медиком, впервые в ходе Крымской войны решился на операции, связанные со вскрытием полости живота и рассечением внутренних органов. Этот врач вошел в мировую медицину как один из основоположников гинекологических операций, в том числе и овариотомии. Основываясь на собственном военном опыте, он провел их более 1070. Таким образом, хотя это и парадоксально, но война внесла вклад не только в науку убийства людей, но и в науку их появления на свет – гинекологию.

Что касается Найтингейл, то внутри самого Британского содружества отношение к Флоренс неоднозначно. Так, в вышедшей в Ирландии в университете Дублина книге доктора Дэвида Мэрфи «Ирландия и Крымская война» приводится медицинская статистика, согласно которой смертность в госпитале ирландской коллеги Найтингейл – Фрэнсис Бриджмен, расположенного в Балаклаве, была значительно меньше, чем у подопечных «леди с лампой».

В то же время, по мнению французского историка медицины Жана-Луи Пуарье в статье «Санитарное состояние французского флота во время Крымской войны» впервые в Крыму были сделаны попытки централизованной борьбы с эпидемическими заболеваниями (холерой, тифом, цингой, дизентерией, малярией и другими), которые начали стремительно распространяться, в частности, на французском флоте, еще до начала военных действий. Что же касается сестринского ухода, то нам как патриотам нужно чаще вспоминать самоотверженных героиче-

ских медицинских сестер русской армии, которые в отличие от англичанки очень часто рисковали жизнью, борясь за жизнь раненых русских солдат и офицеров.

Еще для одной из отраслей медицины Крымская война сделала неизмеримо более, чем целые столетия забот о благе и долголетию отдельных лиц. Речь идет о гигиене.

Со времени холерных бедствий и правительства, и врачи Европы отчетливо осознали, что врачевание отдельных лиц совершенно недостаточно в борьбе с инфекционными болезнями, что нужно изучать условия, способствующие заболеванию и смертности в массе населения, и принимать общественные меры для борьбы с этими бедствиями. Меры, принятые в Англии к оздоровлению городов; изучение влияния нездоровых жилищ во Франции и предпринятые там нововведения в больничной гигиене; наблюдения, сделанные во время Крымской войны в армиях русской и союзников, а наряду с этим крупные успехи естествознания и медицины, труды Либиха, Вирхова, Клода-Бернара и других корифеев естествознания и медицины – все это, вместе взятое, показало значение гигиены и постепенно придало ей то развитие, в котором она находится в настоящее время.

Ужасающее положение раненых и больных солдат с обеих сторон в Крыму вызвало к жизни инициативу швейцарского филантропа Анри Дюнана,* [**Дюнан Анри Жан (Dunant Henri Jean) (1828–1910 гг.), швейцарский общественный деятель, публицист, филантроп. Родился 8 мая 1828 г. в Женеве. Во время австро-итало-французской войны 1859 г. оказался свидетелем сражения при Сольферино (24 июля), помогал спасать раненых. Пораженный увиденным, написал книгу «Воспоминания о Сольферино» (Un Souvenir de Solfürino, 1862 г.), в которой выдвинул проект организации международного комитета помощи раненым. По его инициативе была выработана конвенция о создании организации Красного Креста (ныне Международный Красный Крест), утвержденная в Женеве в 1864 г. конференцией европейских стран. В 1901 г. Дюнан вместе с Фредериком Пасси был удостоен первой Нобелевской премии мира.] приведшую в итоге к созданию Международного комитета Красного Креста и заключению Женевского соглашения по улучшению положения раненых и больных в воюющих армиях, подписанного в 1864 г.* [**Монтгомери Бернанд Лоу. Краткая история военных сражений. М., 2004 г., с.308.]**

Работавшие вместе с выдающимся русским хирургом Н.Пироговым американские врачи-добровольцы инициировали перевод на английский язык и издание в США его работ по военно-полевой хирургии, ставших учебниками для военных медиков США во время гражданской войны, причем как федералов, так и конфедератов.

Не все новации медицины имели только положительное значение. Во время Крымской войны началось зарождение того, что ее современники именовали впоследствии солдатской болезнью. В 1826 г. в Германии началось промышленное производство фармацевтического продукта, ставшего в 1846 г. известным под названием морфий.

Массовое применение достижения немецкой фармакологии, особенно после другого революционного изобретения медицины – шприца Александра Вуда* [**Александр Вуд (Alexander Wood, 1817–1884 гг.), секретарь Королевского колледжа врачей в Эдинбурге, используя шприц Д. Фергюссона, начал свои эксперименты по введению морфия в болезненные места своих пациентов с невралгиями, считая, что это является методом местного обезболивания. Несколько позже Вуд стал использовать полую иглу с небольшим отверстием. Александр Вуд является изобретателем полый иглы для шприца. опыты доктора Вуда по применению шприца были обусловлены его желанием избавить своих пациентов от боли. Признанный в начале XIX века обиход наркотизм из хлороформа или закиси азота с эфиром больные переносили плохо, многие даже умирали от передозировки. Недавно открытое обезболивающее средство морфий при оральном приеме почти не всасывалось. И Вуд решил использовать свою иглу для введения анестезирующего лекарства прямо под кожу.] положило начало тому, что в 1877 г., после анализа последствий первых опытов применения наркосодержащих обезболивающих*

средств в Крыму, во время Гражданской войны в США и особенно после франко-прусской войны, появился термин «морфинизм».* [*Ульянкина Т.И. *История опиумных препаратов и проблема возникновения наркомании*// *Российский медицинский журнал*, Т.5, №14, М., 1997 г., с.48.]

Крымская война представляет собой огромное поле для военных исследований. В ней столько противоречий, что неудивительно существование огромного количества разночтений и путаных изложений по, казалось бы, совершенно ясным фактам. У этой войны удивительная философия. При всем ее размахе она не привела к решающим результатам ни на полях сражений, ни в политике. Война имела последствия не только в военном деле как таковом, но и в организации быта. С ней связывают появление сигарет, которые английские офицеры научились делать, переняв опыт турок, набивавших табаком бумажные гильзы. Эта, казалось, незначительная деталь имела большое значение, так как позволяла солдату или офицеру быстро перекурить, что было затруднительно с традиционной трубкой. С этого времени производство сигарет было поставлено на поток. Популярность их в Европе возросла многократно.* [*Rob Cunningham *La Guerre du Tabac: L'Experience Canadienne*. IDRC, 1997, p.33.] К теме сигарет и Крымской войны в Англии вернулись в 1914–1918 гг., когда солдатам, отправлявшимся воевать с немцами, выдавали сигареты, на пачках которых изображались награды времени кампании на востоке: Крест Виктории, Крымская и Балтийская медали.

С военно-политической точки зрения Крымская война являлась в определенном смысле вооруженным разрешением исторического противостояния России и Европы. Возможно, никогда до нее русско-европейские противоречия не обнаруживались столь очевидно. В Крымской войне нашли преломление наиболее актуальные проблемы внешней стратегии России, не утратившие своего значения и в настоящее время. С другой стороны, она обнаружила характерные внутренние противоречия развития России.

Зачем же нам нужно занимать свое время изучением Крымской войны? Для чего мы вновь начинаем копать в ее хитросплетениях, трагедиях, реках крови и горах разорванных человеческих тел? Неужели нет ничего более привлекательного, чем описание кусков мозга вперемишку с лохмотьями обгорелого и окровавленного обмундирования, висящего на виноградных лозах вдоль берега Альмы? Кому это вообще сейчас интересно?

Увы, но это нужно. То, что для одних трагедия, горе, ужас, для других – работа, за которую они получают жалование от своей страны. Так вот, 20 сентября 1854 г. для почти 100 тысяч генералов, офицеров и солдат четырех стран был рабочий день. Десятки командиров решали задачу, и от их правильности зависели судьбы сотен и тысяч подчиненных. Нам теперь остается только анализировать, изучать и обобщать их опыт, чтобы в будущем не повторять ошибки.

Современные способы изучения военного искусства крайне разнообразны; главнейшие из них – личный боевой опыт, изучение опыта других, т. е. то, что мы и называем военной историей. Как писал К. Клаузевиц, изучая войны или кампании, важно исследовать именно искусство, т.е. «умение военных гениев и выдающихся талантов действовать на деле, а не их знание, которого, быть может, у них и не было, и не какое-либо учение, которому они, быть может, и не следовали, ибо их творчество, их вдохновение, их мастерские приемы далеко не всегда являлись следствием только знания, но были инстинктивным проявлением их таланта и гения». Клаузевиц подчеркивал, что в истории военного искусства следует анализировать главным образом практическую деятельность, т.е. боевой опыт. Такую науку он называл «историей военного искусства».

Уже десятки лет нет в живых носителей практического опыта этой войны, но мы вновь и вновь пытаемся понять планы этих людей и их реализацию: решение тактических задач, маневрирование. Тот личный боевой опыт, который мы обнаруживаем в сохранившихся источниках и документах, имеет в значительной степени случайный характер и уже поэтому не может быть использован как основа для выводов. Только в изучении военной истории, выражающемся не в

одном ознакомлении с фактами и событиями прошлого, а в тщательной оценке причин успехов и поражений мы можем принести пользу для времени настоящего. Недаром Наполеон I в ряду других методологий подготовки военного человека ставил на первое место изучение военной истории.

Новый этап российской модернизации во многом обуславливался моральным потрясением, вызванным поражением в конфликте. По мнению блестящего знатока военного искусства немецкого ученого Франца Меринга,* [**Меринг (Mehring) Франц (1846–1919 гг.) – деятель немецкого рабочего движения, философ, историк и литературный критик, марксист. Известен как блестящий знаток военной истории, очерки которого по истории войн и военного искусства вошли в число лучших мировых.] «...Россия после Севастополя, Австрия – после Кёниггреца* [**Битва при Садовой (или при Кёниггреце, нем. Schlacht bei Königgrätz) произошла 3 июля 1866 г. и была самым крупным сражением австро-прусской войны 1866 г., кардинально повлиявшим на её течение.] доказали тот факт, что тяжелые поражения страны могут вызвать внутренние реформы...».* [**Меринг Ф. История войн и военного искусства, СПб, 2000 г., с.512.]***

Таким образом, опыт изучения Крымской войны имеет большой потенциал для современного военного строительства, выработки стратегической доктрины, определения дипломатического курса.

Прелюдия к битве: переход в Крым, подготовка и высадка десанта

«Война – это состояние неопределенности».

Карл фон Клаузевиц

Где высаживаться, или Несколько слов о главном

«Если ты знаешь силу врага и свою собственную, ты можешь не бояться и сотни сражений. Если ты знаешь свою силу, но не знаешь силу врага, то на каждую твою победу будет приходиться по одному поражению. Если ты не знаешь ни свою силу, ни вражескую, ты тушица, обреченный постоянно проигрывать войны».

Сунь Цзы, китайский стратег и мыслитель.

Стратегия: сокрушение с добиванием

Начиная военную кампанию против России, Англия и Франция, помня неудачный опыт Наполеона Бонапарта в борьбе с русской армией,* [**Речь идет о походе французского императора Наполеона Бонапарта в Россию в 1812 г.*] сделали ставку на ведение войны по привычному для них образу локальных колониальных кампаний в Азии и Африке. В этих операциях приходилось действовать на территории стран с непривычным климатом, слабой инфраструктурой и огромными пространствами, серьезно затруднявшими продвижение в глубь материка. Характерными чертами такой войны были захват прибрежной территории с последующим созданием там одной или нескольких баз, необходимых для обеспечения дальнейших действий. Это по сути классика любой десантной операции вторжения, которая актуальна и в настоящее время. Потому тратить время на обсуждение уникальности замысла операции вторжения в пределы Российской империи мы не будем – подобные действия проводились и ранее, с разной степенью успеха. То, что задумали союзники, полностью соответствовало бытовавшей теории «ограниченной войны» Карла Клаузевица. Обязательным условием такой войны была реальная для противника угроза вторжения.

«В такой войне ... наступательные операции должны быть пропорциональны имеющейся в виду цели. Первая акция, естественно, захват территорий, о которых идет речь... затем можно продолжать наступление, в зависимости от обстоятельств и имеющихся сил, чтобы получить желаемую территориальную уступку, угрожая врагу на его земле». В этом, по сути, заключается и доктрина «ограниченной войны» Клаузевица: сначала территориальная стадия, во время которой осуществляется попытка захватить географический объект, затем стадия принуждения, в процессе которой оказывается общее давление на противника, имеющее целью заставить его принять навязанную неблагоприятную ситуацию.

Королева Виктория, принц Альберт и их дети. Худ. Франц Ксавьер Винтерхальтер (Franz Xaver Winterhalter), 1846 г. Королевская коллекция. Букингемский дворец. Лондон.

Но вот масштабы и методы планируемой кампании действительно не имели равных в истории. И если генерал Н.Обручев относит операцию союзных войск 1854 г. к разряду уникальных, то в этом случае это имеет отношение к ее размаху. За весь XIX век это был «...один лишь пример абсолютного обладания морем».* [*Обручев Н.А. Смешанные морские экспедиции//Военный сборник, №7, СПб., 1898 г., с.39.*]

Подобная война обязательным условием ведения предполагала наличие сильного флота, которым обе европейские державы обладали в достаточном количестве. Во Франции военноморской флот и сухопутные силы были качественно сбалансированы, в Англии, наоборот, армия традиционно была изгоем по сравнению с элитой – военными моряками. В этом не было ничего необычного и определялось политикой и военными доктринами владычицы морей.

«Морским десантным операциям всегда отводилось видное место в военной стратегии такой крупной морской державы, как Великобритания, островное положение которой, а также наличие глобальных интересов и колоний, требующих защиты, предопределяли важность для нее осуществления интервенции с моря. Неоспоримое господство этой державы на море в XVIII–XIX веках позволяло ей беспрепятственно предпринимать имперские военные экспедиции в различные страны мира».* [*Резяпов И. Перспективы развития и применения амфибийно-десантных сил ВМС Великобритании//Зарубежное Военное Обозрение, №1, М., 1998 г. (<http://commi.narod.ru/txt/1998/0105.htm>).*]

Вторжение в Крым – классический пример того, что в военном искусстве получило название британской или морской формы войны. Таковым можем считать применение ограничен-

ного метода к неограниченной форме как помощь в более крупных операциях союзников. Этот метод обычно был доступным для англичан, потому что преимущество на море позволило им выбирать театр в самом деле ограниченный. Лучший пример подобной операции – действия Веллингтона на Пиренейском полуострове в начале века. Мнение Веллингтона о важнейшем факторе было выражено контр-адмиралом Маркхэмом, который в сентябре 1813 г. был направлен адмиралтейством в Испанию для переговоров с Веллингтоном. «Если кто-нибудь, – сказал он, – желает знать историю этой войны, я скажу, что именно господство на море дает мне возможность поддерживать мою армию, в то время как у противника такой возможности нет».*

[**Корбет Дж. Великие морские сражения XVI–XIX веков. Пер. с англ. М., 2009 г., с.55.*]

Период Крымской войны – не только война Англии и Франции с Россией. Это продолжение их традиционного военно-морского противостояния. В 1853–1854 гг. французский флот занял относительно британского более выгодные позиции. Преимущество французам обеспечила постройка кораблей не только мощных, но и составлявших однородную силу, специально предназначенную для решения стоящих перед флотом задач. Таким образом, в отличие от англичан они впервые проводили линию не только количественного пополнения флота новыми кораблями, но и стремились разработать и апробировать новую тактику их применения.

В середине XIX в. они как минимум дважды серьезно опережали англичан. Первый раз построив винтовой линейный корабль «Наполеон» с машиной мощностью 950 лошадиных сил, второй – введя в строй броненосец «Ла Глуар» (1858 г.).

Какими бы глубокими ни были противоречия, в 1854 г. английская и французская эскадры действовали сообща. Совокупно флоты союзников количественно и качественно превосходили русский флот, который английские и французские адмиралы оценивали пусть и гораздо выше турецкого, но технически значительно слабее своей объединенной эскадры.

Но если бы только в техническом превосходстве было дело. Иногда передовая теория боевого применения может с успехом компенсировать технологическое отставание и обеспечить если не превосходство, то по крайней мере возможность сражаться.

Увы, но тут гордиться России было нечем. В империи первая половина XIX в. не отмечена крупными успехами в области развития теории военно-морского искусства, и особенно морской стратегии. Казалось, что военно-теоретическая мысль застыла и не пошла дальше взглядов, сформулированных теоретиками в конце XVIII в. Уроки Крымской войны лишь подтверждают это. Из-за отсутствия четких стратегических взглядов на характер будущей войны и даже на формы и способы применения сил флота русские флотоводцы не смогли грамотно оценивать обстановку и принимать обоснованные решения.*

[**Доценко В.Д., Доценко А.А., Миронов В.Ф. Военно-морская стратегия России. М., 2005 г. с.95.*]

Император Николай I. Худ. Вильгельм Тимм. 1840 г. На портрете император Николай I в мундире генерала лейб-гвардии Саперного батальона, шефом которого он являлся. На черном бархатном с красными кантами воротнике особое шитье, присвоенное офицерам батальона. Мундир темно-зеленый с черным лацканом, окантованным красным кантом. На плечах генеральские эполеты.

Чтобы легче понять смысл происходившего, попробуем для начала кратко поговорить о глобальных целях операции. Об одном мы уже договорились – не трогать политические проблемы. Потому этот аспект отложим, тут ясно одно – «...защита территории Турции была основной заботой Уайтхолла* [**Уайтхолл (Whitehall) – улица в центре Лондона, название которой стало нарицательным обозначением британского правительства.*] на средиземноморском театре в течение девятнадцатого века».* [**Гамильтон Ч.А. Англо-французское военно-морское соперничество, 1840–1870// Hamilton C. I. Anglo-French Naval Rivalry, 1840–1870 гг., Oxford: Clarendon Press, 1993, (http://militera.lib.ru/research/hamilton_ci/index.html).]*] Турции, таким образом, отводилась роль обиженного ребенка, которого ненароком начал притеснять огромный русский медведь, как всегда, традиционно обвиняемый во всех грехах.

Какие-то размытые интересы имела Франция. Этого, конечно, для масштабной кампании мало: для формирования многонациональной военной коалиции нужна более убедительная мотивация, желательна в виде объективной угрозы. И эту угрозу придумали в лице несчастной Турции, которую, впрочем, и сами европейцы были не против поделить.

Геополитическая ситуация сложилась явно неординарная. Впервые после эпохи Наполеона Бонапарта французские, турецкие и теперь союзные им английские войска не только начинали боевые действия против России – они вторгались на ее государственную территорию. Стратегически подобный вариант имел цель отрезать Россию от побережья и загнать ее в глубь континентальной территории, сделав зависимой от владельцев прибрежных зон. То есть что-то вроде сокрушения мощнейшим ошеломляющим ударом в самое неожиданное и потому уязвимое место, а затем последующее добивание поверженного на землю противника. Притом это могло производиться не обязательно военными средствами: после пушек не менее сильными аргументами становились дипломатия и экономика. С учетом того, что после падения Крыма должно будет рухнуть и русское присутствие на побережье Кавказа, Россия теряла все свои многолетние завоевания. Говоря модным языком петровских свершений, на Черном и Средиземном морях для империи закрывались двери в Европу, на Балтике заколачивалось окно, а на Белом море – замуравывалась форточка. Славянский мир возвращался в первобытное состояние, подальше от просвещенной цивилизации, которой Россия к тому времени успела основательно надоесть.

Если учесть, сколько усилий затратило российское государство на борьбу за выход к морям, то надо признать исключительное значение Крымской войны для судьбы страны. Без преувеличения под угрозой было ее будущее. И, к сожалению, в этом один из трагических ее итогов. Об этом почему-то стараются не говорить современные ура-патриоты, на всех углах вопящие о том, что никакого военного поражения не было, так как союзники не прошли в глубь территории России. Тогда прочитайте еще раз последние предложения предыдущего абзаца и постарайтесь понять, что оно им и не нужно было. Давайте не будем обращать внимание на болтовню нынешних «кухонных Клаузевицев», а попытаемся трезво оценивать события и их последствия.

Инструменты стратегии

Надеюсь, мне удалось популярно объяснить намерения союзников. Теперь последовательно перейдем к тому, чем они хотели это сделать и как.

Командование союзников, особенно англичане, в стиле своих военных доктрин, традиционно опиравшихся на военно-морскую мощь, планируя операции на Черноморском театре военных действий, рассчитывало на грандиозную морскую победу (новый Трафальгар).* [**Трафальгар, Трафальгарское сражение (Battle of Trafalgar, bataille de Trafalgar,) – морское сражение между английским и франко-испанским флотом у мыса Трафальгар 21.10.1805 г. В этой решающей морской битве Франция и Испания потеряли 22 корабля. Во время сражения погиб командующий английским флотом вице-адмирал Горацио Нельсон. Оно в значительной степени определило дальнейшие события XIX в. После него какая-либо конкуренция с Британией на море была признана невозможной – сначала Наполеоном, а затем – и другими государствами, политиками и их государствами. «Юнион Джек» стал полновластным господином океанов, британский флот утвердился в своей роли «деревянных стен» Британии и стал своеобразным фетишем для европейских правительств, гарантировавшим безопасность островной торговой империи и обладающим возможностями для нанесения чувствительных ударов по континентальным государствам Европы. Наряду с битвой при Ватерлоо Трафальгар стал знаковым событием, завершившим длительный англо-французский конфликт, который получил название Второй столетней войны. (Сухоруков А.В. Трафальгарское сражение: 200 лет//*

Новая и новейшая история, №5, 2005 г. <http://vivovoco.rsl.ru>.] В итоге вместо победы на море они добились победы на суше, одержать которую смогли благодаря превосходству на море.

Император Шарль Луи Наполеон III Бонапарт. Худ. Франц Ксавьер Винтерхальтер (Franz Xaver Winterhalter), 1852 г. Музей Наполеона. Париж.

Их не устраивала перспектива крейсерской войны, считавшейся в то время «последним средством для более слабого в море».* [**Фосс М., Морская война/библиография// Военный сборник №4, 1906 г., СПб., с.236.*] Отнюдь, изначально смотря на русский флот как на слабого противника, еще и терявшего инициативу, союзники, особенно англичане, стремились решить вопрос войны единственно возможным способом – атакой русского побережья с последующим занятием ключевых морских крепостей и приморских городов, имеющих стратегическое значение. Часть из них планировалось занимать гарнизонами, а часть – разрушать. Главное, что придавало союзникам уверенность – их полное господство на море. Забегая вперед, скажем, что так они действовали (или пытались действовать) не только на Черном море, но и на Балтике, в Белом море и у берегов Камчатки. Дело в том, что именно в таких войнах Великобритания успешнее всего демонстрировала потенциальную возможность прямого континентального вмешательства маленькой армии, действующей в союзе с доминирующим флотом.* [**Корбет Дж. Великие морские сражения XVI–XIX веков. Пер. с англ. М., 2009 г., с.50.*]

Это было правильным решением. Для достижения военной победы, тем более не предполагая вторжения в глубь территории, нельзя ограничивать действия против России исключительно атаками с моря. Им противостоял не тот противник, которого подобная тактика могла заставить капитулировать. Мировой военный опыт показывал, что война с нашим народом – дело рискованное. Русские, традиционно входя в раж военной кампании, особенно если та затягивалась, начинали крушить все, и самое страшное для европейцев, что не считая тонны собственной крови, они с удовольствием топили в крови и противников. Это было для утонченных европейцев неприятно. «Войны в кружевах» в Крыму не предвиделось. А русского кровавого куража им не хотелось.

В то же время, если они желали победить, а этого они очень хотели, то требовалось продолжение, развитие морской операции, перенос ее с моря на сушу. Теория Клаузевица требовала именно такого алгоритма действий. Но это было то, на что решиться было не так просто.

Нельзя сказать, что решение о действиях на континентальной территории Российской империи однозначно воспринималось в Лондоне, Париже, в действующей армии и на военно-морском флоте. Военное командование имело свою точку зрения и свое мнение, не всегда аналогичные государственно-политическому руководству. Тотальная война не планировалась однозначно. Союзники планировали максимально использовать возможность достижения изоляции района военных действий, что было (и оказалось) достижимым благодаря протяженности и сложности русских наземных коммуникаций, а также стратегической ситуации поставленной на карту территории.* [**Корбет Дж. Великие морские сражения XVI–XIX веков. Пер. с англ. М., 2009 г., с.47.*]

Британский опыт показывал, что война ограниченным контингентом достигает максимального успеха, когда ближе всего подходит к настоящей ограниченной войне. Так было на Пиренейском полуострове и так будет в Крыму, где целью войны было отвоевать у противника определенный участок территории, который в большей или меньшей степени может быть изолирован действиями военно-морского флота. Эффективность такой войны на деле зависит от слаженности, с которой будут действовать флот и сухопутные силы, чтобы дать контингенту силу и мобильность.* [**Корбет Дж. Великие морские сражения XVI–XIX веков. Пер. с англ. М., 2009 г., с.52.*]

Любая война, чтобы быть успешной, требует единства взглядов и действий как ее инициаторов, так и исполнителей. Но и тут все было не так, как хотелось. Английские историки Крымской войны утверждают, что лорд Раглан лично не одобрял высадку, считая ее запоздалой и опасной в столь позднее время года. Аналогично рассуждал и один из наиболее влиятельных лидеров союзных войск – командир английской Легкой дивизии генерал Джордж Браун. Независимый от армейского военного командования адмирал Дандас открыто выражал свои опасения, что ни армия, ни флот неготовы к такой операции.* [**From the Fleet in the Fifties: A*

History of the Crimean War With which is incorporated Letters written 1854–1855 By Mrs. Tom Kelly London 1902, p.101.] Его точку зрения разделял адмирал Гамелен.* [**Léon Guérin, Histoire de la dernière guerre de Russie: 1853–56, Tome I, Paris, 1858, p. 204.*] Этот вообще не стеснялся периодически напоминать о своих симпатиях к России.

Как бы это было ни удивительно, но не слишком оптимистично был настроен и маршал Сент-Арно, назначенный императором Наполеоном III главнокомандующим французских экспедиционных сил. Он открыто заявлял Наполеону, что насколько тщательно была проведена дипломатическая и политическая подготовка войны, настолько безалаберно организована ее военная составляющая. Не располагая точными данными о необходимых силах и средствах, имея туманные цели, нельзя было даже думать о каком-либо стратегическом планировании операции.* [**Camille Rousset, Histoire de la guerre de Crimée, Paris, 1878, p. 86.*]

Даже родственник императора, командир 3-й дивизии дивизионный генерал Наполеон был категорическим противником операции против России на ее территории.

«Принц решительно отвергал возможность экспедиции. Преклоняясь перед властью императора, он, однако, позволил себе заметить, что Наполеон III не был в состоянии в Биаррице оценить все трудности предприятия. Огромное расстояние, отделявшее его от театра войны, не позволяло ему видеть вещи в настоящем свете. Как преемник имени Наполеона I он справедливо желал продолжить летопись военной славы Франции, начатую его дядей, но не следовало нынешнему императору французов начинать тем, чем тот закончил; ибо и сам маршал сознавался, что вторгаться в Россию означало предавать себя на произвол судьбы».* [**Крымская экспедиция. Рассказ очевидца французского генерала. СПб., 1855 г., с.45.*]

Хотя голос скептиков был громким, но ястребы преобладали не только численно, но и давили влиятельностью. Безоговорочными сторонниками десантной операции были герцог Кембриджский (командир 1-й (Гвардейской) дивизии) и генерал Бургойн у англичан.

Первый, до сих пор не участвовавший ни в одной из военных кампаний, давно мечтал отправить «гвардию в огонь». Потом он пожалеет об этом, когда увидит кучи «нафаршированных русской картечью» тел английских солдат. Для него стало открытием, что война настолько отличается от парадов.

Второй втайне считал себя самым большим интеллектуалом английского штаба и убеждал всех, что действия против Севастополя отвлекут значительные силы русских – и Турция вместе с союзниками сможет без проблем поддерживать горцев Кавказа, решая свои другие задачи в Черном море. По его мнению, русская армия, хотя и многочисленная, но уже, как и вся экономика России, не соответствовала времени.* [**The military opinions of General Sir John Fox Burgoyne, Bart, G.C.B. London, 1859, p.175.*] У моряков самым воинственным был французский адмирал Брюа. Позицию Дандаса осуждали, критиковали, его самого едва не обвиняли в трусости. Гамелена вообще никто не желал слушать.

Самое время задать вопрос: если есть проблемы с решительностью высших военно-морских и сухопутных командиров, то планировалась ли вообще сухопутная операция против России? Может быть, десант в Крым – это инициатива отдельных самоуверенных союзных адмиралов и генералов? Или это просто затянувшаяся набеговая операция? Очевидно, что планировалась. И первое сухопутное сражение Крымской кампании, которым стала Альма, имело свое место в этих планах. Вот об этом мы сейчас и начнем размышлять.

Руководящие исполнители

В этой книге мы не будем подробно говорить о русских военачальниках. С ними у нас будет еще возможность детально познакомимся в следующей, посвященной непосредственно сражению. Наши главные действующие лица пока другие. А потому давайте внимательнее посмотрим на тех, кто привел врага на землю Российской империи, кратко познакомимся с ними и, может быть, постараемся понять. В конце концов, среди них было немало интересных людей, некоторые даже заслуживают определенного уважения.

Маршал Леруа де Сент-Арно, главнокомандующий французского военного контингента. Вся его предыдущая жизнь настолько интересна и так насыщена приключениями, что заслуживает отдельного повествования. Сент-Арно – «...относительно молодой, блестящий африканский ветеран, прославившийся завоеванием Малой Кабилии и сыгравший выдающуюся роль в декабрьском государственном перевороте; это был весьма деятельный генерал, способный из-за честолюбия и стремления к славе вести кампанию смело и решительно и отличавшийся в то же время крайним прямодушием, что давало ему возможность поддерживать хорошие отношения со своим английским коллегой».* [*Эрнест Лависс, Альфред Рамбо, История XIX в. Том. 7 (сеть Интернет).*]

До войны занимал пост военного министра Франции, которую получил не столько по своим военным дарованиям, сколько за участие в перевороте 2 декабря 1851 г.* [*Государственный переворот 2 декабря 1851 г. обеспечил диктаторскую власть Луи Бонапарту (будущему Наполеону III), тогда еще президенту Французской республики, провозгласив его императором.*] В начале Восточной кампании получил полномочия почти одновременно с английским главнокомандующим. Но в отличие от коллеги, который был просто завален указаниями и инструкциями, Наполеон III не столь ограничивал мелочной опекой своего военачальника, дав ему больше самостоятельности в принятии решений.* [*John A. Dye, C.B., Lieut.-col., A Review of the Crimean War to the Winter of 1854–5, London, 1860, p. 20–21.*] Сент-Арно был благодарен императору за доверие и при каждом удобном случае уверял, что победа рядом: «...прибыв к Севастополю, командующий французской армией... один из виднейших деятелей декабрьского государственного переворота рассчитывал: через 10 дней ключи от Севастополя будут в руках императора... теперь империя утверждена, и здесь ее крестины».* [*Свечин А.А. Эволюция военного искусства. Том II. М.-Л., 1928 г., с.31–32.*]

Среди высших командиров английской армии и государственного руководства Великобритании отношение к Сент-Арно установилось, скорее, отрицательное. Энтони Стирлинг, подполковник Шотландской бригады, не оптимистичен в своем мнении о французском главнокомандующем, считая его человеком хитрым и расчетливым, без особых моральных принципов: «когда Наполеон замыслил государственный переворот, он увидел в этом возможность стать командующим армией».* [*Anthony Coningham Sterling, Letters from the army in the Crimea, written during the years 1854, 1855, & 1856, London, 1857, p.36.*]

Принц Альберт, супруг королевы Виктории, в своем письме к брату принцу Эрнсту Кобургскому писал: «Кто нас крайне озабочивает, так это маршал Сент-Арно, проходимец до мозга костей, находящийся в руках некоего Т...».* [*Выдержки из журнала маршала Кастеллана, касающиеся Восточной войны 1853–56 гг.//Русская Старина, Том 95, СПб., 1898 г., с. 373.*]

Подполковник Лайсонс, 23-й Уэльский фузилерный полк: «...несчастно выглядевший маленький человек, с высоким лбом и маленькими глазами».* [*Sir Daniel Lysons, general, G.C.B. The Crimean war from first to last, London, 1895, p.26–27.*]

Мнение русских не сильно отличалось от впечатления, производимого Сент-Арно на англичан: «...временщик, достигший высших почестей и власти с помощью самых рискованных предприятий...».* [*Записки начальника штаба Севастопольского гарнизона князя Виктора Иларионовича Васильчикова//Русский Архив, Том 6, М., 1891 г., с.176.*]

Зато рядовые и младшие офицеры французского контингента обожали своего маршала: он был прекрасным организатором, имел высокий уровень популярности в армии и большой вес при дворе. Маршал платил солдатам той же монетой, прощал маленькие «шалости» в виде пары сожженных деревень и сотни-другой перебитых или ограбленных мирных жителей. Он верил им, они доверяли ему – и англичане могли лишь завидовать столь преданным отношениям между начальником и подчиненными. У них лишь редкие командиры (командир Шотландской бригады генерал Колин Кемпбелл, например) могли похвастаться таким.

Но, к сожалению для французов, ему не удалось реализовать свои лучшие качества в России. Уже в апреле маршал хотя и утверждал при встрече с маршалом Каstellаном, что совершенно здоров, был «...очень худ, сгорблен, глаза тусклые, и я полагаю, что он с трудом перенесет утомления кампании».* [*Выдержки из журнала маршала Каstellана, касающиеся Восточной войны 1853–56 г.г.//Русская Старина, Том 95, СПб., 1898 г., с. 373.*]

Генерал-лейтенант Фитрой Джеймс Генри Сомерсет лорд Раглан, главнокомандующий британского военного контингента. Лорду Раглану было в то время шестьдесят шесть лет. В начале века он служил в штабе герцога Веллингтона, назначившего в 1809 г. его начальником своей военной канцелярии. Ветеран португальской и испанской войн, он потерял руку после ранения в битве при Ватерлоо. 6 августа 1815 г. российский император Александр I пожаловал ему орден Св. Георгия 4-й степени.

Несколько медлительный, холодный, резкий и подозрительный, он ревниво относился к своей власти, желая самостоятельности в своих действиях, но явно преувеличивая свои возможности. После войны с Наполеоном лорд никогда и ничем не командовал, хотя и обнаружив прекрасные данные штабного работника. Сорок лет, имея прекрасный теоретический потенциал, Раглан не имел возможности практического его применения. Его отличали несомненные дипломатические способности, ум и храбрость. Учтивый, вежливый, тактичный – это отмечали все, кому пришлось с ним общаться лично.* [*General sir Edward Hamley K.C., The War in The Crimea London, 1891, p.33.*] В мировую лингвистику вошел один из его любимых афоризмов: «Культура – это приблизительно все то, что делаем мы и чего не делают обезьяны». Он так и не сумел подавить в себе отношение к союзникам по коалиции как к противникам. Всех раздражала привычка английского главнокомандующего говорить «французы», подразумевая при этом русских вообще или неприятеля, в частности.

Во время Крымской войны его талант администратора так и не смог раскрыться, а маленький опыт командования усложнил жизнь британским солдатам и офицерам в Крыму. Он не был великим полководцем, но был вполне честным человеком, тяжело переживавшим последствия своих ошибок в ведении войны.

Генерал Эдуард де Мартенпре, начальник штаба французского военного контингента. Начальник штаба и первый помощник маршала Сент-Арно. Человек, не испытывавший недостатка ни в знаниях, ни в твердом характере. Отличался прекрасными качествами администратора. В то же время страдал отсутствием инициативы и нежеланием брать ответственность на себя. Из-за этого принес больше вреда, чем пользы. Некоторые исследователи кампании в Крыму считают, что именно на Мартенпре лежит личная ответственность за то, что после успеха на Альме русские войска не были преследуемы, в результате чего союзники едва не потеряли стратегическую инициативу.* [*Богданович М.И. Восточная война 1853–1856 годов, Том 3, СПб., 1876 г., с.244.*] Действительно, Сент-Арно после сражения уже был не в состоянии командовать армией, а боявшийся ответственности начальник штаба оказался неспособен быстро переключить командование на себя. Постоянно надоедал маршалу докла-

дами о самых мелочных и незначительных проблемах. Французские участники Крымской войны склонны считать, что армия страдала от него. Постоянно окружал себя интригами. В конце концов, погряз в финансовых злоупотреблениях, в том числе при обеспечении подготовки войск к отправке в Крым. В военной истории Франции оставил не самый лучший след. Хотя и провел всю кампанию в Крыму, не смог оказать сколь-нибудь существенного влияния на ее ход, оставаясь более статистом, нежели двигателем событий.

Фельдмаршал Фитцрой Сомерсет лорд Раглан. Главнокомандующий английскими войсками.

Фото Р. Фентона. 1855 г.

Союзный флот представляли вице-адмиралы Дандас, Гамелен и Брюа, контр-адмирал Лайонс, а также чины штабов.* [**Von Tavernier, De la conduite de la guerre d'Orient, expédition de Crimée: memoire adressé au gouvernement de S. M. l'empereur Napoléon III, Un officier general, Veröffentlicht von A. Bluff, Bruxelles, 1855, p. 18.*]

Вице-адмирал Дандас, командующий английской эскадрой. Перед тем как принять командование на Средиземноморье в 1852 г., несколько лет был первым морским лордом, отличаясь уравновешенностью и выдержкой. Чрезвычайно самолюбивый и гордый, Дандас не мог спокойно относиться к чему-либо, что затрагивало его честь. В свое время одно неосторожно сделанное кем-то из коллег заявление, будто Средиземноморский флот при Дандасе слишком много времени проводил на якорных стоянках, привело к дуэли. Спасли расстояние и друзья. В кампанию 1854 г. испытал несколько открытых проявлений неуважения со стороны военно-морского руководства Великобритании. Первым скандалом в этом ряду стал эпизод с заходом союзного флота в Черное море в январе 1854 г. С дипломатической точки зрения операция была очень деликатной, так как Британия и Франция еще не находились в состоянии войны с Россией (ее объявление произошло тремя месяцами позже). Адмиралы Дандас и Гамелен были против операции, хотя и не из-за дипломатических соображений: по их мнению, парусные корабли не были готовы к плаванью по Черному морю зимой. Так или иначе приказ был отдан – и плохое состояние кораблей по возвращении из трехнедельного крейсерства показало справедливость адмиральских опасений. Дандас в раздражении написал британскому послу в Константинополе (несшему ответственность за начало этой операции), что если бы Николай I мог лично выбрать время для посылки союзного флота в Черное море, то несомненно выбрал бы именно январь.

Он прекрасно знал, что второй по старшинству офицер его флота контр-адмирал Лайонс был назначен для того, чтобы привнести в ведомую Дандасом войну немного огня и откровенно подсиживал его. Не слишком в восторге от адмирала были в Лондоне. Адмиралтейство было раздражено, в частности, невероятной медлительностью адмирала в организации блокады русских черноморских портов. Еще больше недовольства вызвало его нерасположение к проекту экспедиции против Севастополя. Дандас не разделял традиционного для британских флагманов чрезмерного оптимизма относительно высадки армии на вражеский берег. «Полюбуйтесь, – говорил он заместителю Гамелена, адмиралу Брюа, – на этих солдат, воображающих нас способными отправиться куда им заблагорассудится – в Крым! Нонсенс!». Многие офицеры флота считали его не достаточно храбрым. Можно считать, хотя Дандас и был достойным офицером, ему не хватало энергии и вдохновения.

Объяснить невысокие достижения Дандаса можно несколькими причинами. Например, здоровье Дандаса было не в порядке: в августе 1854 г. в письме секретарю Адмиралтейства Берналу Осборну он упоминал, что может передвигаться лишь благодаря хлороформу и скальпелю. В свои 68 лет он уже не вполне соответствовал предъявляемым войной требованиям, особенно жестким в бурных и опасных морях, где им пришлось действовать.* [**Гамильтон Ч.А. Англо-французское военно-морское соперничество, 1840–1870// Hamilton C. I. Anglo-French Naval Rivalry, 1840–1870., Oxford: Clarendon Press, 1993, (http://militera.lib.rul/research/hamilton_cil/index.html).]*

Вице-адмирал (к началу войны – контр-адмирал) Эдмунд Лайонс, заместитель командующего английской эскадрой. Вице-адмирал Эдмунд Лайонс, будучи образованным человеком, сочетал в себе качества прекрасного офицера и способного дипломата. Хотя в ближайшей перспективе никакие способности не смогли помочь ему добиться славы в Крымской войне. С десяти с половиной лет поступил на флот волонтером 1-го класса, начал службу

на Средиземном море на яхте «Ройал Шарлот», был переведен на фрегат «Мэйдстоун», затем на фрегат «Эктив». Гардемарином участвовал в экспедиции сэра Джона Дакуорта в Дарданеллы. В 1807 г. семнадцатилетнего юношу назначили на 68-пушечный корабль «Монмют», который отправлялся в Ост-Индию. Эдмунд прослужил там 7 лет на различных судах, исполняя должность лейтенанта, получив этот чин в 1809 г. За время, проведенное в Ост-Индии, Лайонс приобрел репутацию хорошего храброго морского офицера, обратив на себя внимание командования отвагой и распорядительностью.

В 1835–1839 гг. Лайонс состоял помощником посла при афинском дворе, после чего был назначен английским посланником в Швейцарскую республику, затем до ноября 1853 г. – в Стокгольм.

Характер и природные качества флотоводца развились под влиянием морских войн времен Республики и Империи, однако он избегал односторонности и всегда, когда появлялось время на берегу, старался заниматься собственным образованием. Опыт дипломатической службы сыграл свою роль в деятельности адмирала, особенно в условиях Крымской войны.

Когда война стала неизбежна, Лайонса произвели в контр-адмиралы и назначили помощником начальника эскадры Средиземного моря. Когда союзные флоты вступили на Черное море, Лайонс наряду с французским адмиралом Брюа был сторонником высадки в Крыму, тогда как главнокомандующий Дандас считал, что плохой грунт и отсутствие воды делают экспедицию невозможной.

Деятельность союзников на Черном море все же отличалась в лучшую сторону, хотя бы внешне, от неудач на Балтике под Кронштадтом, Выборгом и Свеаборгом. Так как лучших кандидатов не было, на щит подняли сэра Лайонса. В 1856 г. его возвели в звание пэра. Одержал гораздо больше побед в кабинетной борьбе с Дандасом, нежели на море.

Вице-адмирал Фредерик Гамелен, командующий французской эскадрой. По воспоминаниям Базанкура, Гамелен – прирожденный моряк: хладнокровный, грубый, энергичный, влюбленный в море и свою службу. Чрезвычайно ответственный за порученное ему дело.* [**César Lecat Bazancourt, The Crimean expedition, to the capture of Sebastopol. Chronicles of the war in the East, from its commencement, to the signing of the treaty of peace Tome I Robert Howe Gould, S. Low, Son & Co., 1856, London, p. 174.*] В период Крымской кампании его отношения с британским коллегой вице-адмиралом Дандасом были сложными и колебались от открытой неприязни до скрытой ненависти.

Имел идеальную для моряка карьеру. Начал службу на флоте юнгой на фрегате «Венус» и прошел полный последовательный путь до звания вице-адмирала. Фанатично верный императору, он был им же и предан. В 60-х годах, пойдя навстречу либералам, Наполеон III уволил его со службы.

Командующий французской эскадрой адмирал Фердинанд Альфонс Гамелен.

Контр-адмирал Буа-Вильомез. Начальник штаба французской эскадры. Считался лучшим старшим командиром французского военно-морского флота. По мнению многих – самый грамотный адмирал французского флота периода Крымской войны.

«Сын Александра Буэ, мэра Ламбезеллека. Он изменил свою фамилию в 1844 году, когда был усыновлен старым моряком, графом Вилломезом. Луи-Эдуар, граф Буэ-Вилломез, был,

наверное, самым влиятельным французским морским офицером своего времени. У него хватало недоброжелателей – один из которых, Эрнест Сувилль, полагал его «сотрясателем воздуха, невоздержанным в речах шарлатаном» и называл его «бретонцем, который был не бретонцем, а гасконцем». Но Буэ-Вилломез пристально следил за меняющимися морское дело новинками и мог опереться на занимавших высокие посты друзей – в первую очередь Шаслу-Лоба. Английские офицеры девятнадцатого века были готовы терпеть его еще меньше, чем Сувилль; вряд ли хоть кто-то мог счесть его идеалом английского «офицера и джентльмена». Например, он гораздо более открыто, чем даже Лайонс, проводил параллели между собой и Нельсоном. Впрочем, в этом Буэ-Вилломез не обязательно был так уж неправ: в конце концов, Нельсон с его нескрываемым тщеславием, крайней чувствительностью и склонностью к нетрадиционным действиям также едва ли был типичным представителем хоть офицерского корпуса Royal Navy, хоть британской нации. Но известность пришла к Нельсону в годы войны – когда традиционные условности уходят на второй план. Карьера же Буэ-Вилломеза пришлась на мирное время».* [*Гамильтон Ч.А. Англо-французское военно-морское соперничество, 1840–1870// Hamilton C. I. Anglo-French Naval Rivalry, 1840–1870 гг., Oxford: Clarendon Press, 1993, (http://militera.lib.ru/research/hamilton_ci/index.html).*]

Полковник Монтодон говорил об адмирале, что был «...весьма счастлив знакомству с морским офицером, уже известным своими достоинствами и военной подготовкой».* [*Крымская кампания в «Военных воспоминаниях» генерала Монтодона. Перевод с французского языка, подготовка текста и вступительная статья Д.В. Орехова//Историческое наследие Крыма, №9, Симферополь, 2005 г., с. 62–97.*]

Этому адмиралу принадлежат все разработки планов французского военно-морского и армейского командования, вплоть до высадки в Крыму.

Об остальных действующих лицах грядущего вторжения мы будем говорить по ходу повествования.

Ситуационное корректирование

Сейчас несколько слов не о самой операции. Она у нас еще впереди. Давайте посмотрим, как союзники пытались вписаться в ситуацию, развернуть положение вещей в свою пользу. А так, как на этом этапе они еще не обладали инициативой и действовали в основном по ситуации, мы и будем говорить о ситуационном корректировании.

Как известно, очень редко все тщательно планируемое идет точно по намеченному пути. Так произошло и с планами союзного командования весной–летом 1854 г. Начавшаяся подготовка к кампании в Крыму диктовала необходимость быстрых действий. По ряду причин пришлось провести экстренное перепланирование стратегии дальнейших боевых действия на востоке.

Считается, что изначально поводом для перехода от полтитических угроз к непосредственным военным действиям стало сражение при Синопе. Казалось бы, планировавшееся для принуждения к миру турок, оно разбудило французов и англичан. О его значении, роли и последствиях споры не утихают и сегодня.

Современные ведущие российские военно-морские теоретики считают, что предшествовавшее событиям Синопское сражение не принесло никаких выгод России. Давайте послушаем их мнение о предшествовавших экспедиции событиях и их реальном значении.

«Синопское сражение никаких стратегических успехов не принесло. Наоборот, оно усложнило взаимоотношения России со странами Европы и ускорило вступление в войну на стороне Турции, Англии и Франции. Хотя существуют и другие мнения. Например, в монографии «История военной стратегии России», изданной под редакцией начальника Института военной истории Министерства обороны Российской Федерации генерал-майора В.А. Золотарёва, отмечается: «Русский флот под командованием вице-адмирала П.С. Нахимова блокиро-

вал турецкий флот в северных портах и в Синопском морском сражении уничтожил турецкую эскадру Осман-паши. Эта победа имела стратегическое значение. Она сорвала замысел коалиционного командования по высадке крупного десанта на Кавказе».

Такая оценка не соответствует действительности, хотя и повторяется в большей части публикаций. В момент проведения Синопского сражения никакой коалиции еще не было, а значит, не могло быть и совместного решения на высадку войск. Синопское сражение произошло 18 ноября 1853 г., а английская и французская эскадры вошли в Черное море только 23 декабря. При этом они успешно осуществили проводку турецких судов, перевозивших войска на Кавказский фронт (в Батум). Только 5 марта 1854 г. Англия и Франция объявили войну России. Некоторые исследователи утверждают, что благодаря Синопской победе из Севастополя на Кавказ на кораблях и судах Черноморского флота успешно была переброшена крупная группировка русских сухопутных войск. Это тоже выдумка. Из Севастополя в Сухум-кале 13-ю пехотную дивизию перебросили еще до начала военных действий. 13 сентября 1853 г. П.С. Нахимов получил задание на перевозку войск, а 17 сентября эскадра в составе 12 линейных кораблей, 2 фрегатов, 2 корветов, 7 пароходов и 11 транспортов, приняв 16 393 человека, 824 лошади, 2 батареи и другие грузы, вышла из Севастополя. Турция объявила войну России 22 сентября 1853 г., а военные действия начались 11 октября. 20 октября 1853 г. Россия объявила войну Турции». [*Доценко В.Д., Доценко А.А., Миронов В.Ф. Военно-морская стратегия России, М., 2005 г., с.95–96.]

Синопская победа разозлила союзников, особенно британцев. «Воинственный задор англичан обнаружился тут с особенной силой, потому что национальное тщеславие этих современных венецианцев ничем так не раздражается, как морскими битвами. Синопский бой ... можно считать поворотным пунктом в политике, сделавшим войну неизбежной». [*В виду Крымской войны. Заметки дипломата при Петербургском и Лондонском дворах 1852–1855 // Русская Старина, Том. 54, СПб., 1887 г., с.400.]

Маршал Каstellан* [*Esprit Виктор Элизабет де Каstellан Бонифаций, маркиз де Каstellан (1788–1862 гг.) В январе 1852 г. он был назначен сенатором, а в декабре того же года получил достоинство маршала Империи. Его дневник «Выдержки из журнала маршала Каstellана, касающиеся Восточной войны 1853–56 гг.» были опубликованы в журнале «Русская Старина» (1898 г.).] приводит мнение европейских дипломатов, что поражение турок при Синопе «...обратило внимание государственных людей Запада на размеры арсенала русского флота на Черном море». [*Выдержки из журнала маршала Каstellана, касающиеся Восточной войны 1853–56 гг.//Русская Старина, Том 95, СПб., 1898 г., с. 376.]

Решение об экспедиции было принято на высочайшем уровне и согласовано одновременно и в Париже, и в Лондоне. Стамбул, естественно, никто из европейцев спрашивать о согласии или несогласии не собирался. «Несмотря на то, что Дандас был решительно против непосредственных действий против Крыма и Севастополя, предложение генералов одобрили в Лондоне и Париже. Шестого июля был получен приказ об экспедиции в Крым. Наполеон нуждался в военных успехах, а общественное мнение Англии для своего успокоения требовало русского поражения. Целью союзников был захват неожиданным нападением военного порта и русского флота, что и должно было послужить основанием для дальнейших предприятий». [*Штенцель А. История войн на море. М., 2002 г., с.485–486.]

3 января 1854 г. союзные флоты вошли в Черное море и подошли к Синопу, где обломки эскадры Осман-паши были еще видны на отмелях. В Синопе соединились две дивизии. Первая (контр-адмирал сэр Эдмунд Лайонс): винтовой «Агамемнон» (флагман, под командованием Томаса Мэтью Чарльза Симондса), «Санс Парейл» (командир Сидни Колпойс Дакрс) и два пароходо-фрегата. Вторая (контр-адмирал де Лебарье Тинан), конвоировавшая на побережье Малой Азии несколько турецких пароходов с погруженными на них войсками и снаряжением для гарнизонов в Трапезунде, Батуме и форте Св. Николая. После соединения в Синопе

основные силы союзников вернулись к Босфору, оставив в Черном море для демонстрации флагов только пароходы. Продолжать держать в это беспокойное время года в бурном Черном море парусные корабли, по общему мнению Дандаса и Гамеленна, было неразумно и рискованно. Позже, когда Греция выказала желание тоже вмешаться в спор между Россией и Портой, контр-адмирал де Лебарье Тинан принял на себя командование в Архипелаге.* [[*http://www.pdavis.nl/ShowBiog.php?id=30](http://www.pdavis.nl/ShowBiog.php?id=30)]

Больше года шли боевые действия на Дунае, где туркам не удавалось отбиться от русской армии. После отказа России по требованию Великобритании и Франции вывести свои войска из княжеств стало понятно, что войны избежать не удастся.

22 февраля 1854 г. Наполеон III предлагает министрам готовить к отправке на восток армию в составе двух дивизий пехоты и кавалерийской бригады (34 700 чел. и 8 260 лошадей) артиллерией.

11 марта формируется экспедиционный корпус под командованием маршала Франции Леруа де Сент-Арно, прекратившего выполнять функции военного министра. В дело включается военно-морской флот. Предполагается, что средиземноморская эскадра блокирует русский флот, а океанская возьмет на себя задачу перебороски войск на восток. Одновременно начинается работа по планированию операции, созданию баз снабжения и мест базирования экспедиционных сил. К этому привлекаются в первую очередь те, кому придется исполнять намеченные планы. Маршал Каstellан вспоминал: «13 марта у меня обедали дивизионные генералы Канробер, адъютант императора Боске и бригадный Эспинас, назначенные начальниками дивизий и бригады, отправляемых на восток. Они уезжают с небольшими частями войска ранее армии, для выбора пункта высадки; в нем же будут устроены все склады, так что пункт этот будет служить базисом военных действий».* [*Выдержки из журнала маршала Каstellана, касающиеся Восточной войны 1853–56 гг.//Русская Старина, Том 95, СПб., 1898 г., с. 373.*]

«15 марта назначенный для участия в экспедиции резерв реорганизуется в 3-ю дивизию «Армии Востока».* [*«Армия Востока» – одно из названий французского экспедиционного корпуса, направляемого для участия в Восточной войне.*]

19 марта первые три судна выходят из Марселя, имея на борту генералов Канробера и Боске, а также 65 офицеров и 926 солдат и сержантов. Император Франции планирует увеличить экспедиционный корпус до 70 000 чел. Казалось бы, что может быть проще, чем назначить для экспедиции большее число дивизий, обеспечив, естественно, их всем нужным для маленькой победоносной войны. Но не всё так просто. Одной из первых всплывает проблема недостаточности подъёмных возможностей флота. Выход находится быстро – заключается соглашение между военным министерством и военным флотом, по которому:

1. Флот берет на себя обязанности по перебороске войск (пехоты, артиллерии и кавалерии).

2. Военное министерство нанимает транспортные корабли для транспортировки подразделений обеспечения (саперы, тыловые службы, жандармерия, административный аппарат, оставшиеся подразделения артиллерии, гужевого транспорт, медицинские службы, осадные части и т. д.).

Так как правительство платит судовладельцам вполне щедро – недостатка в транспорте нет. В течение марта первые корабли входят в порты Марсель, Тулон и становятся под погрузку. Одновременно корабли готовятся забрать необходимое дополнительное число войск из Алжира. В портах Оран, Буже и Филлипвиль готовятся к погрузке три полка (11 900 чел. и 962 лошади).

15 марта пунктом высадки французских войск назначен Галлиполи. К этому времени ситуация в регионе становится не в пользу турок. Кажется, еще немного – и русские начнут окончательно доминировать на театре военных действия. Но европейская помощь приходит вовремя.

24 марта союзный флот прошел Босфор и 26 марта подошел к Балчику на болгарском побережье с целью оказать поддержку отступающим турецким войскам. Эскалация грядущей войны нарастает и становится непрерывной.

31 марта адмирал Брюа выходит из Тулона, имея на борту кораблей 5 401 чел., которые высаживаются в Галлиполи 16 апреля. 4 апреля линейный корабль «Сюффрен» выходит из Тулона и 25 апреля высаживает 1 150 чел. в Галлиполи.

Принц Наполеон прибывает туда с опозданием 25 апреля, имея 1 190 чел. Со 2 по 6 апреля восемь фрегатов, шесть корветов и четыре авизо из Франции и Алжира доставляют еще 10 129 чел, 395 лошадей, большое количество имущества.

25 апреля в Тулоне начинается погрузка 4-я пехотная дивизия (9 170 чел., 180 лошадей). Таким образом, главные силы были в полной мере включены в события.

С этого времени все сомнения, даже у тех, кто до этого колебался, раздумывал или проявлял нерешительность, пропали. Решение о начале военных действий на море, с последующим переносом их на сушу, с воодушевлением принимается союзными командующими. После этого начался период интенсивной подготовки кампании в Крыму.* [*Дубровин Н.Ф. История Крымской войны и обороны Севастополя, Том 1, СПб., 1900 г., с.174.*]

Хотя с самого начала Крым не был главной целью войны, а лишь одним из возможных вариантов развития событий. Изначально командование союзников надеялось, что после демонстрации силы у болгарского берега русские испугаются и отстанут от несчастных турок. Не получилось.

События развивались по нарастающей. Только слепой мог не видеть, что в воздухе пахнет большой европейской войной. Ожидания оправдались совсем скоро. 12 апреля 1854 г. маршал Сент-Арно получил секретную инструкцию Наполеона III, в которой ему предлагалось соединиться с английской армией генерала лорда Раглана в районе побережья Мраморного моря, после чего принять один из предлагаемых планов.

1. Начать встречное движение против русских через Балканы.
2. Захватить Крым.
3. Высадиться в Одессе или в другом прибрежном городе Российской империи.

В первом случае важное место отводилось Болгарии. Из нее должно было начаться наступление против русских. Естественно, при этом варианте никакой десант в Крым не предусматривался.

Полуостров фигурировал во втором варианте, который требовал быстроты действий, пока русские не успели укрепить Севастополь с суши. Предлагалось обратить пристальное внимание на Балаклаву как близкий к крепости порт, который мог быть обращен в базу. Но тут были свои минусы. Только одной пехоты и артиллерии было мало. В этом случае необходимо было ждать, когда из Франции поступит как минимум половина необходимого осадного парка.

Третий резервный вариант мог быть рассмотрен только в случае, если не будет утвержден первый или второй.* [*Adye, John, Sir, A review of the Crimean War to the winter of 1854-5, London, 1860, p.14–15.*] В этом случае могла быть предпринята масштабная, но скоротечная набеговая акция. Условия географические и геополитические не давали портовым городам Черноморского побережья России того значения, которое имели Крым и Севастополь.

В выборе свою роль сыграло ухудшение положения Черноморского флота, Севастополя и Крыма. Тому причиной послужил ультиматум Австрии от 21 июля 1854 г. с требованием вывести войска из Дунайских княжеств. Это был неприятный сюрприз от бывших заклятых друзей, которые совсем недавно умоляли Россию о помощи в борьбе с венгерской революцией 1849 г. В результате «...на Дунае наша армия очистила княжества, не померявшись с союзниками, которые несмотря на то понесли страшный урон от холеры и климатических свойств страны...».* [*Богданович М.И. Восточная война 1853–1856 годов, Том 2, СПб., 1876 г., с.244.*]

Это усугубило ситуацию для России, но одновременно убедило союзников в реальности успеха действий против Севастопольской крепости, этого форпоста Российской империи на юге: «..выступление русских войск из княжеств... имело последствием высадку англо-французов в Крыму».* [**Поливанов А. Устройство продовольствия русских войск на Придунайском театре в кампанию 1853–1856 гг.//Военный сборник, №4, СПб, 1894 г., с.241.*]

Таким образом, если мы говорим о планировании высадки в Крыму, то решение об этом было принято только летом 1854 г. До этого союзники не имели четко продуманного варианта действий. Крымскую кампанию подготовила англо-французская дипломатия, умело разыграв австрийскую карту.

Но не будем спешить. Еще не лето. Пока только начало 1854 г. Никто в Лондоне и Париже не думал о плохом, считая, что кампания завершится, как только союзные войска появятся в Причерноморье. Но уже звучит и другое мнение, его приписывают мужу английской королевы принцу Альберту, якобы ранее Наполеона III настаивавшему на нападении на Севастополь.* [**Выдержки из журнала маршала Кастеллана, касающиеся Восточной войны 1853–56 г.г.// Русская Старина, Том 95, СПб., 1898 г., с. 376.*]

Как и во Франции, в Англии гремели полковые марши. Батальоны покидали гарнизоны и двигались к портам, где их ждали транспорты. Обстановка была максимально помпезной. Все ждали победы. Улицы английских городов наводняли толпы зевак, провожающих двигающиеся к портам батальоны, назначенные для отправки на восток. У шагавших в строю вопли этой публики вызывали большей частью раздражение. Гвардия оставляла Лондон под напутствия шепелявых патрициев высшего общества, крики городских обывателей. Столица «...свистела, вопила и визжала в агрессивном энтузиазме: «Покажите ваш пыл, мальчики, привезите нам медведя в клетке!».* [**Our Veterans of 1854 [i.e. Eighteen Fifty-four]: In Camp, and Before the Enemy by a Regimental Officer, London, 1859, p.3.*]

Но медведь еще не был даже ранен и делить его шкуру было рано...

Цель – Севастополь

«Не думаю, чтобы и высадка вблизи Севастополя была опасна...».
Император Николай I – князю А.С. Меншикову, 10 февраля 1854 г.

Все дороги ведут в Крым

Все, о чем мы говорили до этого – скучно. Но без этого тоже нельзя: это стратегия, которая определяет конечную цель операции. Когда было ясно, что без экспедиции в Крым не обойтись, стало понятно, что она достаточно проста: высадиться в России и разрушить Севастополь, лишив Черноморский флот базы, обрекая его на гибель. Мы впервые называем это географическое название, за которым уже через несколько месяцев будут стоять кровь, грязь и пропитанный смертью воздух, которому суждено было быть главным предметом неприятельских действий во время Восточной войны.* [**Описание обороны города Севастополя. Под руководством генерал-адъютанта Э.И. Тотлебена, Часть I, СПб., 1871 г., с.9.*] А теперь, чтобы не слишком утомлять читателя, опустимся уровнем ниже – поговорим об оперативной составляющей грядущей акции.

Изначально союзными войсками планировалась операция, вошедшая в последующем в теорию военного искусства под названием «смешанная морская экспедиция». В этом случае «...сухопутные войска, для того чтобы достичь театра военных действий, должны предварительно совершить морской переезд, который производится под охраной флота, имеющего целью способствовать вместе с тем выполнению той же задачи, которая поставлена и конвоируемым сухопутным войскам».* [**Обручев Н.А. Смешанные морские экспедиции//Военный сборник, №7, СПб., 1898 г., с.23.*] Позднее военная история узнала не одну подобную операцию, но в середине XIX в. это было во многом новое начинание, не похожее на привычные колониальные операции.

Одно то, что на далеком крымском берегу английских и французских солдат ждали не копья и стрелы дикарей, а металл ядер орудий казематированных береговых батарей, заставляло думать о тщательной подготовке при детальном планировании. Любое упущение, любая ошибка могли стать роковыми и привести к катастрофе.* [**Léon Guérin, Histoire de la dernière guerre de Russie: 1853–56, Tome I, Paris, 1858, p. 205.*]

Сколько бы мы ни говорили об ошибках союзного командования, нужно отдать ему должное. Умышленно или ситуативно, но оно двигалось правильным путем (если, конечно, любой путь, ведущий к войне, можно назвать правильным).

Мы говорили, что стратегически союзники переиграли русское командование. Причин тут немало, но одна на поверхности, хотя о ней именно многие предпочитают стыдливо помалкивать. Конечно, обидно, но первые лица Российской империи, главные действующие лица военной и военно-морской политики Николай I и А.С. Меншиков стратегически думать не умели. Для Меншикова это вообще была проблема, от которой ему не удалось избавиться на протяжении всей Крымской войны.

Благоприятствовала союзникам и военно-политическая обстановка, сложившаяся после проникновения военно-морских сил Англии и Франции через Босфор в акваторию Черного моря. Отныне она была не в пользу России, предопределив поражение русской армии (8)20 сентября 1854 г.

Каким бы ни был характер войны, ограниченным или неограниченным, постоянное или временное господство на море является условием окончательного успеха. Единственный способ обеспечить это господство военно-морскими средствами – достичь решения посредством сражения с флотом противника. Рано или поздно это должно быть сделано, и чем раньше, тем лучше.* [**Корбет Дж. Великие морские сражения XVI–XIX веков. Пер. с англ. М., 2009 г., с.137.*] Предвидя это, союзники начали наращивать морскую мощь.

Появление в регионе эскадр союзников, состоявших из невиданного доселе количества паровых линейных кораблей, сразу девальвировало боевую мощь преимущественно парусного

флота Российской империи, незадолго до этого одержавшего блестящую* [**«Этот блестящий успех русского оружия вызвал чрезвычайно резкую реакцию западных держав» (Штенцель А. История войн на море. М., 2002 г., с.485–486).*] победу над турецкой эскадрой при Синопе. Отныне, по словам Э.И. Тотлебена, морские силы России «...не в состоянии были соперничать с могущественным соединенным флотом двух первоклассных морских держав. Поэтому русский флот по необходимости должен был укрыться под защиту севастопольских... укреплений».* [**Описание обороны города Севастополя. Под руководством генерал-адъютанта Э.И. Тотлебена, Часть I, СПб., 1871 г., с.20.*]

Состав объединенной эскадры Англии и Франции:

Английская эскадра.

Парусно-винтовые линейные корабли (2): «Agamemnon» (91/600 л. с.);* [**Количество пушек и мощность паровой машины.*] «Sans-Pareil» (70/350 л. с.).

Парусные линейные корабли (8): «Britannia» (120), «Trafalgar» (120), «Queen» (116), «Albion» (91), «London», «Rodney» (по 90), «Vengeance» (84), «Bellerophon» (80).

Парусно-винтовой фрегат (1): «Highflyer» (21/250 л. с.).

Парусные фрегаты (2): «Arethusa», «Leander» (по 50).

Пароходо-фрегаты (12): «Retribution» (28/400 л. с.), «Sidon» (21/560 л. с.), «Terrible» (21/800 л. с.), «Furious», «Tiger» (по 16/400 л. с.), «Shearwater» (8/160 л. с.), «Cyclops» (6/320 л. с.), «Firebrand» (6/410 л.с.), «Fury», «Vesuvius» (по 6/160 л. с.), «Inflexible» (6/378 л.с.), «Sampson» (6/ 460 л. с.).

Парусно-винтовые корветы (2): «Niger» (14/400 л. с.), «Wasp» (6/100 л. с.).

Парусные корветы (3): «Diamond» (28), «Modeste» (18), «Frolic» (16).

Вооружённые колёсные пароходы (6): «Ardent» (5/200 л. с.), «Spitfire» (5/140

л. с.), «Antelope» (3/264 л. с.), «Triton» (3/260 л. с.), «Banshee», «Caradoc» (2/350 л. с.).

Вооружённый парусный транспорт (1): «Apollo» (8).

Французская эскадра.

Парусно-винтовой линейный корабль (1): «Charlemagne» (80/ 450 л. с.).

Парусные линейные корабли (8): «Friedland», «Valmy», «Ville de Paris» (по 114), «Henri IV» (100), «Iena» (82), «Bayard», «Jupiter» (по 80), «Marengo» (70).

Пароходо-фрегаты (7): «Descartes», «Vauban» (по 20/540 л. с.), «Gomer» (16/450 л. с.), «Casique», «Magellan», «Sane» (14/450 л. с.), «Mogador» (8/650 л. с.).

Парусно-винтовой корвет (1): «Caton» (4/260 л. с.).

Парусный корвет (1): «Serieuse» (30).

Вооружённые колёсные пароходы (4): «Promethee» (4/200 л. с.), «Heron», «Mouette» (по 2/200 л. с.), «Salamandre» (2/120 л. с.).

Парусные брига (4): «Beaumanoir», «Mercure», «Olivier» (по 20), «Cerf» (10).

Итого:

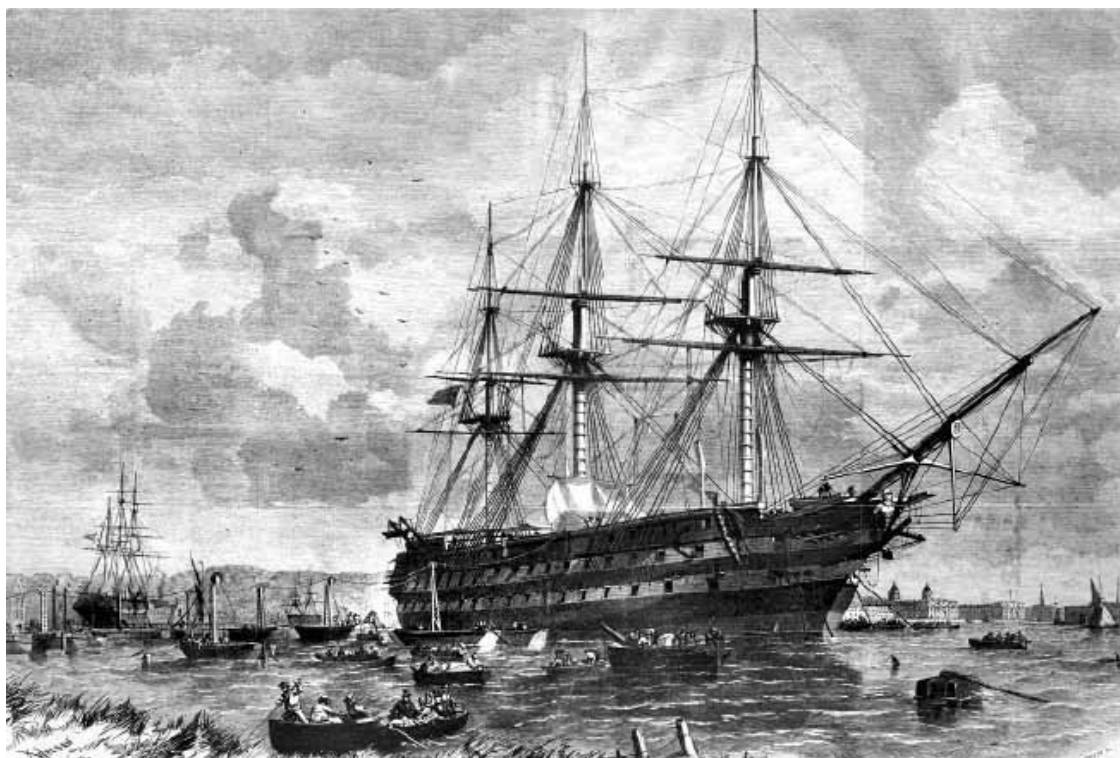
Линейные корабли – 19 (в т.ч. 3 парусно-винтовых);* [**Винтовые пароходы – наиболее мощные и современные военные корабли. Лишенные громоздких кожухов и колес, с машинами, упрятыми под ватерлинией, винтовые корабли были гораздо менее уязвимы для вражеского огня. Установке на них многочисленной артиллерии ничто не мешало, переход во время дальних плаваний от хода под парами к ходу под парусами был относительно прост, характеристики же винтового парохода как парусника ненамного отличались от таковых у чисто парусного корабля.] фрегаты – 3 (в т.ч. 1 парусно-винтовой); пароходо-фрегаты (колёсные) – 19;* [**Колёсные пароходы имели еще один недостаток. Кожухи, да и сами гребные колеса были легкоуязвимы для вражеских пушек, то же касалось и машин, которые из-за высокого положения колес выступали над ватерлинией. Учитывая все это, а также малые дальность плавания и огневую мощь, вряд ли можно было считать колёсные пароходы настоящими военными кораблями. В 1840-х годах морские специалисты и Британии, и Франции считали корабли этого типа полезными в качестве разведчиков, посыльных судов и буксиров, признавая, однако, что в этом с ними никто не может сравниться. Единственными же кораблями противника, с которыми колёсным пароходам можно было иметь дело, были или**

торговцы, или такие же колесные пароходы.] корветы – 7 (в т.ч. 3 парусно-винтовых); вооружённые колёсные пароходы – 10; парусные бриги – 4; вооружённый парусный транспорт – 1.

Превосходство союзного флота, количественное и качественное, сомнению не подлежит. И мы не будем пытаться это оспаривать. России противостояли две сильнейшие морские державы середины XIX века.

Но и не будем отрицать другое. Численное соотношение сил в Черном море не было глобально подавляющим для союзников: 19 линейных кораблей против 14 русских (весной 1854 г.) для Черноморского флота – дело отнюдь не безнадежное. Правда, у союзников 3 парусно-винтовых линейных корабля. Но мощность паровых машин «Charlemagne» и «Sans-Pareil» впечатляет.

Кстати, само по себе требование равенства сил в войне глупо. Я думаю, в мировой военной истории трудно найти хотя бы одно военно-морское сражение с полным равенством противников. Скорее, наоборот, можно найти примеры, когда меньшинство, но умело руководимое, громило большинство с медлительным или пассивным управлением. Численное превосходство если не имеют, то создают. В том числе и концентрацией сил в нужном месте и в нужное время.

Английский линейный корабль «Агамемнон». Флагманский корабль командующего британским флотом в Черном море адмирала сэра Эдмунда Лайонса. 1854 г.

Если Черноморский флот России был монолитным объединением под пусть не самым лучшим, но единым командованием, то союзные флоты при самой их большой «любви» друг к другу все-таки были разными. И их командиры всегда видели рядом с собой не только союзников, но и соперников в борьбе за мировое военно-морское господство. В этом нет ничего удивительного. В рамках начавшегося между союзниками по антирусской коалиции соревнования, когда Франция едва не перехватила у Англии ее исторически сложившийся титул вла-

дычицы морей, французские военные моряки почувствовали себя лидерами в этой гонке и упускать лидерство не хотели.

«В 1850-х и 60-х годах... французский флот получал от правительства – вернее, императора – поддержку, исключительную для французской истории. Именно в этих условиях он и продемонстрировал способность бросить серьезный вызов и даже опередить своего старого соперника».* [**Гамильтон Ч.А. Англо-французское военно-морское соперничество, 1840–1870, Oxford: Clarendon Press, 1993 (http://militera.lib.ru/research/hamilton_ci/index.html).*]

Гамильтон не одинок в своей оценке. В 1921 г. британский военно-морской исследователь, инженер Королевского флота Фредерик Лесли Робертсон признавал, что в период, предшествовавший Крымской войне, французский флот в техническом отношении превосходил английский.* [**Frederick Leslie Robertson, The evolution of naval armament. London: Constable & Co. 1921, p.244–245.*]

Немного о бесконечном. Споры о том, мог ли русский флот противостоять неприятельскому флоту, начавшись сразу после окончания Крымской войны, не утихают и по сегодняшний день. Они начинаются с момента беспрепятственного допуска противника через проливы, идут через первые удачные блокирования русского флота в Севастополе и заканчиваются его затоплением (по сути – самоубийством).

До 1917 г. в России, рассматривая события прошедшей Крымской войны, критически трезво оценивали действия Черноморского флота, не позволявшие ему в полной мере успешно противодействовать объединенному флоту союзных европейских держав.

«...В 1854 г. мы не в состоянии были продолжить нашу операционную линию на Босфор и здесь сосредоточить оборону наших берегов, не допуская союзный флот в Черное море. Мы не могли это сделать вследствие технической отсталости нашего флота, вследствие неимения паровых боевых судов. Но при этом оказалось, что мы не в состоянии оборонять наши берега, что и весьма понятно, ибо гораздо более труднее оборонять береговую линию в несколько сот миль, чем одну стратегическую точку – вход в Черное море. Как известно, свободно проникший в Черное море неприятель беспрепятственно произвел высадку на берегу Крыма».* [**Римский-Корсаков М. Зачем России нужен флот?/Военно-Морская идея России. Духовное наследие императорского флота. //Российский военный сборник, М., 1999 г., с.126-127.*]

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.